

Илона Андриос

На отраже мира

Дина Демиль управляет не совсем обычной домашней гостиницей. Ее отель бросает вызов всем законам физики, ее пушистая собака — замаскированный монстр, а единственная гостя, снимающая комнату — галактическая тиранша, за голову которой установлена высокая цена. Но для процветания гостинице нужны гости, которых, к слову, было недостаточно, поэтому, когда у дверей отеля оказывается Арбитр с просьбой о проведении мирного саммита между тремя враждующими расами, Дина, не задумываясь, хватается за этот шанс. К несчастью для Дины, легче сказать, чем сделать: сложно сохранить мир между Космическими вампирами, Сокрушительной Ордой и Торговцами из Баха-чар. Мало того, что ей нужно следить, чтобы гости не перебили друг друга, так Дине необходимо найти повара, реконструировать гостиницу... и рискнуть всем, даже своей жизнью, чтобы спасти человека, в которого она, возможно, влюбилась. Но опять же, все это лишь повседневные дела Хозяйки Гостиницы...

Илона Эндрюс
На страже мира
Серия: Хроники хозяйки отеля — 2

Перевод: Jasmine, TattyTan, Maddy, pikapee, Owl_iva

Редактор: Оксана Никитина, Юля Лагутина

*Специально для группы: "°†Мир фэнтези†•°" Переводы книг
Любое копирование без ссылки на группу и переводчиков
ЗАПРЕЩЕНО!*

Просим Вас уважать чужой труд

В темную комнату тихо вошел мужчина. Он остановился около круглого столика, налил в бокал красного вина из бутылки и выпил. Благородный, слегка дубовый вкус ощущался на языке. Он наслаждался им, наблюдая в огромное окно, как звезды поднимаются над каменным балконом. Приглушенные звуки бала раздавались на нижнем этаже. Пройдет, может, не меньше двадцати минут, может даже полчаса, прежде чем в кабинете обнаружат тело, аккуратно спрятанное под столом. К тому времени он уже будет далеко.

Он уже почти и не выходил на оперативные дела в одиночку. Но это, вот это конкретное, было особым случаем. Политически незначимое теперь, но очень удовлетворительное в личном плане. Легкая улыбка изогнула его губы. Кто-то, возможно, назовет его жестоким за убийство старика, загубленного магией и болезнью, а кто-то, может, назовет и добрым. Ни одно из двух. Это просто надо было сделать, и он это сделал.

Если бы его старый наставник все еще вел дела, его бы отругали за эту небольшую вылазку. Улыбка погасла, превратившись в злобный взгляд. Никто больше ему не приказывал. Никто не имел права упрекать его. Даже Корона. Он достиг слишком многого, чтобы получать нагоняи. На самом деле, если бы нынешняя правящая семья имела хоть какие-то амбиции, они бы его убили, просто чтобы сохранить власть. К счастью, они были слишком цивилизованны и самоуверенны.

В свои двадцать восемь он поднялся по карьерной лестнице настолько высоко, насколько смог. Жизнь больше не была чем-то захватывающим.

Ему было безумно скучно.

Неяркая звезда отделилась от своих сородичей, разбросанных по небу, и пролилась дождем тусклого света на балкон. Темноволосый мужчина вышел из света. Занятно. Разведчик продолжал потягивать вино. Либо оно было пропитано удивительно мощным галлюциногеном, либо он только что стал свидетелем нового типа магии.

На мужчине были одеты джинсы и порванный плащ. Не местный.

— Я так рад, что нашел вас, — сказал темноволосый мужчина, — вас тяжело застать в одиночестве.

Интересный выбор слов.

— Вина?

— Нет, благодарю. У меня мало времени. Перейдем сразу к делу. Вам скучно?

Разведчик моргнул.

— Я имею в виду это, — мужчина указал на шикарную комнату. — Изменение будущего стран и колоний. Слишком мелко, не находите?

— В этом есть свои преимущества.

— Вам не хотелось бы повысить ставки? — улыбнулся темноволосый мужчина. — Я представляю небольшую, но могущественную организацию. Мы известны, как Арбитры. Специализируемся на разрешении споров. Вы знаете, что Земля — одна из планет солнечной системы. Существует много звездных систем и много планет. Многие измерения, даже другие реальности, если быть точным. Однажды обитатели Великого Нечто решили начать интергалактическую войну. Она прошла весьма плохо, так что, когда пресловутые ядерные взрывы улеглись, было решено, что для решения конфликтов должна быть создана нейтральная организация. Мы хотели бы нанять вас в качестве члена нашей доброй

ассоциации.

Возможно, он безумец. А если нет...

— Вы пройдете развернутое обучение, вам предоставят средства для содержания собственного штата. К сожалению, вам будет запрещено искать источник дополнительного дохода, и вы не сможете посещать свою планету до истечения контракта.

— Продолжительность контракта?

— Около двадцати стандартных лет. Большинство людей предпочитают больший срок. Ничто не сравнимо с предотвращением межгалактической войны, знанием, что миллиарды жизней лежат на чаше весов, — мужчина усмехнулся, сморщив нос. — У нас мало времени.

Разведчик почувствовал, как пульс участился; пришлось напрячься, чтобы успокоиться.

— Мы принимаем на работу лучших, и боюсь, предложение делается только один раз. Попрошаться не получится.

— Получается, я должен решить сейчас?

— Да.

Разведчик осушил бокал.

Этажом ниже кто-то закричал.

— Это наш сигнал. — Темноволосый снова улыбнулся. — Так да или нет?

— Да.

— Отлично.

— Мой брат пойдет со мной. Я бы хотел расширить предложение о службе еще на двоих человек.

— Мы можем это устроить. Конечно, вы же понимаете, что решение принимать им. Мы не принуждаем. Мы только заманиваем.

Разведчик пожал плечами.

— Уверен, они присоединятся ко мне. Им тоже скучно.

Из прихожей донесся топот ног, взбирающихся по лестнице.

— Очень хорошо. Пора убираться отсюда. — Мужчина протянул руку. — Как бы банально это не звучало, но возьмите меня за руку.

Разведчик протянул руку, и темноволосый мужчина крепко сжал ее.

— Добро пожаловать на службу, Джордж Камарин. Меня зовут Клаус Демилль. Я введу вас в курс дел.

Дверь с шумом распахнулась.

Тусклый свет застилал глаза Джорджа. Последнее, что он видел, это охранники, пытающиеся тщетно отомстить за убийство их владельца.

— Покойся с миром, Спайдер, — пробормотал он, прежде чем его поглотил свет.

Год спустя...

Приезжая в славный штат Техас, многие ожидают увидеть сухую, волнистую равнину с пасущимися коровами, нефтяными вышками и изредка встречающимися ковбоями в здоровенных шляпах. Они считают, что погода здесь может быть только одна: невыносимая жара. Полная чушь. На самом деле, погоды у нас две: засуха и наводнение. В этом декабре городок Ред Дир испытывал на себе действие именно последнего. Дождь лил как из ведра, постепенно превращая мир в промозглую, унылую серость.

Я выглянула в окно гостиной и обхватила себя руками. Вид предлагал полюбоваться частью затопленной улицы и, после нее, районом Авалон, затаившимся под водопадом холодной воды с намерением переждать потоп. Внутри Гертруды Хант, отеля типа «постель и завтрак», было тепло и сухо, но дождь все равно влиял на меня. После недели такого ливня мне хотелось ясного неба. Может, завтра отпустит. Можно же помечтать?

Сегодня был идеальный вечер, чтобы укутавшись в плед, почитать книгу, поиграть в видеоигру, или посмотреть телевизор. Вот только я ничего из этого делать не хотела. Последние шесть месяцев, я каждый вечер читала книги, играла в видеоигры или смотрела телевизор в компании моей собаки, моей гостиницы и ее единственной постоялицы, и уже слегка от этого устала.

Из кухни появилась Калдения с чашкой чая в руках. В свои шестьдесят она выглядела прекрасной, элегантной и окутанной аурой житейской мудрости. Если бы вы увидели ее на улице Нью-Йорка или Лондона, вы бы приняли ее за леди из высшего общества, проводившую свои дни на приемах у друзей и благотворительных аукционах. Её Милость, Калдения как рет Магрэн, несомненно, была из высшего общества, вот только предпочитала мировое господство дружеским приемам, а массовые убийства — благотворительности. К счастью, эти времена давно прошли. Сейчас она была просто гостьей в моей гостинице, и ее прошлое почти не вызывало неудобств — ну, кроме случайных охотников за головами, которым хватало глупости попытаться заполучить огромную сумму за ее голову.

Этим вечером она облачилась в просторное кимоно цвета розового вина, с золотой вышивкой. При ходьбе оно развевалось, придавая ее худой фигуре подобающий царственный вид. Ее серебристые волосы, обычно искусно собранные в красивую прическу, слегка сбились. Макияж выглядел смазано и неброско как для ее обычно безупречного вида. Дождь отразился и на Калдении.

Она откашлялась. Что еще?

— Ваша Милость?

— Дина, мне скучно, — заявила Калдения.

Очень жаль. Я обещала обеспечить ей безопасность, а не развлечения.

— Как там ваша игра?

Её Милость пожала плечами.

— Я уже побила его пять раз на режиме Бога. Сокрушила Париж в прах, потому что Наполеон меня раздражал. Избавилась от Ганди. Раздавила Джорджа Вашингтона. У Императрицы Ву был потенциал, так что я убрала ее прежде, чем мы вошли в Бронзовый Век. Египтяне стали моими пешками. Я доминирую на этой планете. Странно, но я слегка очарована Чингиз-Ханом. Изворотливый и дикий воин, он обладает неким магнетизмом. Я

оставила ему один город и периодически даю ему изощренные требования, которые он не может выполнить, тогда я смотрю, как он изворачивается.

Он ей нравился, поэтому она его мучила. В этом вся Ее Милость.

— Какую цивилизацию вы выбрали?

— Рим, конечно. Любой другой титул, кроме императорского, неприемлем. Но дело не в этом. Я к тому, дорогая, что наши жизни стали невыносимо скучны. Последний гость у нас был два месяца назад.

Не учите ученого. Гертруде Хант требовались гости, по финансовым и другим причинам. Они были жизненной силой отеля. Калденция немного помогала, но для расцвета гостиницы нам нужны были гости — если не стабильный поток, то тогда многочисленный заезд. К несчастью, я понятия не имела, как их заполучить. Когда-то давно, Гертруда Хант стояла на перекрестке большой дороги, но прошли десятилетия, мир изменился, дороги свернули, и теперь Ред Дир, штат Техас, был просто небольшим городком в глуши. Немного у нас тут было народу.

— Вы хотели бы, чтобы я раздавала флаера на углу, Ваша Милость?

— Ты думаешь, что это помогло бы тебе раскрутить свой бизнес?

— Вероятно, нет.

— Ты получила ответ на свой вопрос. Не будь такой резкой, Дина. Это не похоже на тебя, — она скользила вверх по лестнице, ее кимоно струилось за ней, как мантия.

Мне необходим чай. Чай сделает все лучше.

Я зашла на кухню и потянулась за чайником. Моя левая нога ступила на что-то холодное и мокрое, и меня поприветствовала желтая лужица. Ну что за безобразие?

— Чудовище!

Моя Ши Тцу промчалась на кухню, потряхивая черно-белой шерстью, как флагом. И увидела мою ногу в луже. Ее мозг решил, что пришло время стремительно сбежать, но тельце продолжало движение. Она перевернулась, споткнувшись о собственные лапы, и врезалась головой прямо в кухонный остров.

— Что это такое? — я показала на лужу.

Чудовище перевернулась на ноги, юркнула за кухонный островок и выглянула оттуда с виноватым видом.

— У тебя есть отличная дверь для собак. И меня не волнует, идет ли дождь, ты отправляешься на улицу.

Чудовище спряталась еще раз и поскулила.

Магия зазвенела — мягко, чтобы только я могла услышать. Гостиница сообщала, что у нас гости.

Посетители!

Чудовище взорвалась лаем, наворачивая узкие круги вокруг лужицы. Я поскакала на одной ноге к раковине, подставила вторую под кран и помыла руки и ногу с мылом. Пол под лужицей разверзся, образовав узкий проем. Плитка воспарила, внезапно став жидкой, и оскорбительная лужа исчезла. Пол принял обычное состояние. Я вытерла руки кухонным полотенцем, пробежала к парадной двери, пока Чудовище вертелась под ногами, и распахнула ее.

Белый Форд Эксплорер припарковался у дороги. Через экран я разглядела человека за рулем. Рядом с ним сидела женщина. Позади них виднелись две маленькие головки, вертящиеся туда-сюда — дети, вероятно, очень уставшие после долгой поездки. Хорошая

семья. С помощью магии я переместилась вперед.

Ой.

Значит, мне не показалось, что магия прозвенела как-то не так.

Человек выбежал из машины, прикрывая рукой очки от дождя, и остановился под крышей крыльца. Ему было приблизительно тридцать пять, и был он похож на обычного папу из пригорода: джинсы, футболка, немного отчаянное выражение лица человека, который пробыл в автомобиле с маленькими детьми в течение нескольких часов.

— Привет! — поздоровался он. — Я хотел бы снять комнату.

Точно знаю, что у Гертруды Хант была частная телефонная линия, но не имелось никаких сведений о гостинице в сети. Нас не было ни в одной туристической брошюре. Как они нашли нас?

— Извините, но мест нет.

Он моргнул.

— Что значит — у вас нет мест? Такой большой дом и ни одной машины на дорожке.

— Простите, но у нас все занято.

Женщина вышла из автомобиля.

— Что так долго?

Мужчина повернулся к ней.

— У них нет мест.

Женщина посмотрела на меня.

— Мы проехали шесть часов под дождем из Литл-Рока. Мы не составим вам больших проблем. Нам всего лишь нужно несколько комнат.

— В двух милях отсюда есть хороший дом отдыха, — ответила я.

Женщина развела руками.

— Моя сестра живет в этом районе. Она сказала, что единственный гость здесь — это престарелая леди.

Ах. Тайна разгадана. Соседи знали, что я управляю гостиницей домашнего типа, потому что это был единственный способ, которым я могла как-то объяснить случайных гостей.

— Это из-за того, что у нас дети? — спросила женщина.

— Отнюдь, — возразила я. — Вам объяснить, как добраться к Холидэй Инн?

Мужчина скривился.

— Нет, спасибо. Идем, Луиза.

Они развернулись и направились к машине. Женщина пробормотала себе под нос что-то вроде «...возмутительно».

Я смотрела, как они садятся в машину, разворачиваются и уезжают. Отель мягко прозвенел, отмечая их отъезд.

— Я думала, у нас гости! — донесся с лестницы голос Калдени.

— Не те, что нужно, — ответила я.

Гостиница скрипнула. Я погладила дверную раму.

— Не переживай. Все наладится.

Калденция вздохнула.

— Тебе следует сходить на свидание, дорогая. Мужчины так внимательны, когда им кажется, что ты пустишь их в свою постель. Это замечательно подействует на твое настроение.

Свидание. Конечно.

— Как насчет Шона Эванса?

— Его нет дома, — сказала я тихо.

— Плохо. Было весьма забавно, когда он и его товарищ вертелись вокруг, — Калдения пожала плечами и поднялась вверх по лестнице.

Около пяти месяцев назад, я смотрела, как Шон Эванс открывает дверь и уходит через нее к великой вселенной. С тех пор я ничего от него не слышала. Не то, чтобы он был мне чем-то обязан. Единственный поцелуй вряд ли можно назвать отношениями, несмотря на то, что он был незабываемым. Я по опыту знала, что вселенная огромна. Одной женщине сложно конкурировать со всеми ее чудесами. Кроме того, я хранительница отеля. Гости пускаются в волнительные приключения, а мы остаемся на своем месте. Такова суть нашей профессии.

Но повторение этих слов самой себе снова и снова не улучшали моего состояния. Когда я думала о Шоне Эвансе, то ощущала себя, как канадский менеджер в однодневной командировке в Майами в середине февраля. Он едет на такси, любуется из окна видом на пляж, зная, что ему не выпадет возможности там побывать, и воображает, каково это гулять по песку и чувствовать под ногами волны. У нас с Шоном все могло получиться, будь на это больше времени. Теперь мы уже никогда не узнаем, стал бы этот пляж для нас раем, или же мы бы нашли там медуз в воде и песок в еде.

Наверное, это было к лучшему. Все равно от оборотней одни проблемы.

Я уже собиралась закрыть дверь, как магия коснулась меня словно рябь от брошенного в пруд камешка. На этот раз у нее был совсем другой оттенок. Кто-то ступил на гостиничные земли. Кто-то могущественный и опасный.

Я потянулась за метлой, стоящей в углу двери и вышла на крыльцо. Фигура в сером дождевом плаще стояла у изгороди, прямо на краю территории гостиницы, вежливо дожидаясь приглашения войти.

У нас посетитель. Может даже гость, в этот раз тот, что нужно. Я склонила голову, едва заметно кивнув.

Две двери передо мной открылись. Кто-то медленно приближался. Посетитель был высок, почти на фут выше меня, примерно шесть футов и два, возможно, три дюйма. Он вошел в отель. Я последовала за ним, за мной крепко закрылась дверь.

Мужчина потянул за шнурок капюшона и скинул свой дождевик. Ему было около тридцати, мускулистый и подтянутый, светлые волосы до плеч стянуты сзади в хвост. На нем была белая рубашка с широкими рукавами, темно-серые брюки и мягкие черные сапоги, доходящие до середины голени. Его торс обтягивал украшенный жилет, черный с синей вышивкой, он подчеркивал контраст между его широкими плечами и плоским животом. Кожаная портупея на узких бедрах поддерживала длинные, узкие ножны с изящным плетеным эфесом, видневшимся на них. Наверное, в его гардеробе есть шляпа с широкими полями и пушистыми белыми перьями, и парочка плащ-накидок.

Его лицо поражало. Мужское, с резкими чертами, но не грубое, с сильными и изящными линиями, которые обычно зовутся аристократическими; высокий широкий лоб, прямой нос, высокие скулы, квадратная челюсть и полные губы. Он не был похож на женщину, но его можно было назвать скорее прекрасным, чем красивым.

Мужчина улыбнулся мне. Легкая смешинка мелькнула в его голубых глазах, словно мир то и дело забавлял его. Его взгляд светился умом, уверенностью и расчетливостью. Он не смотрел, он наблюдал, замечал и оценивал, и, как мне показалось, даже если его губы и

глаза улыбались, его разум, острый как бритва, оставался начеку.

Я уже видела его раньше и помнила это лицо. Вот только где?

— Я ищу Дину Демилль, — его голос очень подходил ему: теплый и уверенный. У него был легкий акцент — не британский, и даже не южноамериканский, а странный, являющийся комбинацией обоих.

— Вы нашли ее, — я улыбнулась, — Добро пожаловать в гостиницу Гертруда Хант. Ваш плащ?

— Спасибо, — он протянул мне, и я повесила его на крючок за дверью.

— Желаете остаться?

— К сожалению, нет, — он улыбнулся, оправдываясь.

Так и знала.

— Чем я могу вам помочь?

Он поднял руку и нарисовал что-то в воздухе между нами. Воздух при движении его пальца загорался голубым. Стилизованное изображение весов, две чаши на одном уровне, воспарило между нами секунду и исчезло. Арбитр. Мать твою. Мой пульс ускорился. Кто мог подать на нас в суд? У Гертруды Хант не было средств, чтобы решать иски.

Я облокотилась на метлу.

— Я не получила уведомления об арбитраже.

Он улыбнулся. Его лицо просветлело. Ничего себе.

— Прошу прощения. Боюсь, я произвел на вас неверное впечатление. Вы не участник судебного процесса. Я пришел обсудить деловое предложение.

Деловое предложение было всяко лучше арбитража. Я указала на диваны в гостиной.

— Пожалуйста, располагайтесь. Хотите чего-нибудь выпить, Арбитр?

— Не откажусь от горячего чая, — отозвался он. — И пожалуйста, зовите меня Джордж.

* * *

Мы сидели в удобных креслах и потягивали чай. Джордж хмурился, очевидно, собираясь с мыслями. Он казался таким... приятным. Культурный и благородный. Но, судя по моей работе, как вы уже поняли, первое впечатление обманчиво. Я щелкнула языком, и Чудовище прыгнула на мои колени, устроившись так, что она в любой момент могла сделать выпад. Осторожность никогда не помешает.

— Вы слышали о Нексусе? — спросил Джордж.

— Да. — Я была на Нексусе. Это одно из тех странных мест галактики, где реальность сворачивалась крендельком. — Продолжайте, пожалуйста. Мне бы хотелось получить всю информацию, прежде чем я предположу что-то, о чем не имею понятия.

— Отлично. Нексус — просторечное название Вантрикваст IV, звездной системы с единственной обитаемой планетой.

Он не запнулся на названии. Для этого требуется практика.

— Нексус является временной аномалией. Время течет там быстрее. Месяц на Земле примерно равен трем месяцам на Нексусе. Тем не менее, биологическое старение протекает с той же скоростью, что и на родной планете.

Мой брат, Клаус, как-то пытался объяснить мне парадокс Нексуса, оперируя

формулами. В то время мы были заняты поисками родителей, и мудреное объяснение я пропустила мимо ушей. В моем понимании все сводилось к магии. Вселенная полна чудес, и некоторые из них могут свести вас с ума, если вы будете слишком много о них думать.

— На Нексусе также находятся большие подземные залежи куйо в природе, вязкой жидкости, которая, будучи очищенной, используется в производстве того, что называют «фармацевтическими активами значительной стратегической важности».

— Он используется для производства военных стимуляторов, — сказала я. — Они поразному воздействуют на большинство видов, но чаще всего увеличивают силу и скорость, подавляя усталость и страх. К примеру, людей они превращают в берсерков.

Джордж улыбнулся.

— Мне стоит изъясняться проще.

Я улыбнулась в ответ.

— Это сэкономит нам время.

— Ладно. — Джордж отхлебнул чая. — Куйо встречается по всей галактике, но в очень малых количествах, что делает Нексус чрезвычайно ценным. На данный момент за контроль над планетой борются сразу три фракции. Каждая предъявляет права на все полезные минералы планеты, и ни одна не хочет уступать. Они погрязли в кровавой войне, которая длится уже чуть больше семи земных лет и почти двадцать на Нексусе. Жестокий конфликт обходится всем немалыми жертвами, поэтому здравые умы с каждой стороны решили, что так больше не может продолжаться. Дело подала в арбитраж одна из заинтересованных фракций, две другие поддержали — и вот мы здесь.

— Полагаю, одна из фракций — Торговцы? — Когда мы приземлились на Нексусе, то оказались именно в их космопорте. Торговцы управляли межзвездной торговлей в известной галактике и ее многочисленных измерениях. Когда вы нуждались в редких товарах или их большом количестве, то отправлялись на встречу с Торговцем. Они были помешаны на прибыли и престиже.

Джордж кивнул.

— Да. Война урезает их прибыль.

— Какая семья? Ама?

— Нуан. Семья Ама претерпела убытки и продала свои владения на Нексусе семейству Нуан два года назад.

Внезапно его присутствие здесь обрело смысл.

— К этому причастен Нуан Сее?

— Да. На самом деле, это он и порекомендовал ваше заведение.

До своего исчезновения, мои родители активно торговали с Нуан Сее, ведь управление гостиницей порой требовало экзотических товаров, а он собирал редчайшие вещи. Даже у меня была сделка с Нуан Сее. Я обменяла редчайший в мире мед на яйца гигантского ядовитого паука.

— У вас очень вкусный чай, — сказал Джордж.

— Спасибо. Кем являются две другие фракции?

— Дом Крар из Святой Космической Анократии.

Полгода назад я приютила у себя вампира, получившего ранение при попытке задержать инопланетного наемника. Его племянник пришел ему на выручку. Племянника звали Арланд, он был Маршалом своего Дома, и он со мной флиртовал. Вернее, флиртовал в понимании вампиров. Он заверил меня, что он в восторге быть моим щитом, и я без

колебаний могу положиться на его воинское мастерство. Еще он опьянел от кофе и бегал голышом у меня по саду.

Боже, кому под силу держать вампиров Краара на коротком поводке в течение двадцати лет? Они являются одной из самых безжалостных цивилизаций Галактики. Они — хищники, живущие во имя войны. Вся их культура посвящена этому.

— Последняя фракция?

Джордж поставил чашку.

— Отрокары.

Я моргнула.

Повисла напряженная пауза.

— Сокрушительная Орда?

Джордж слегка смутился.

— Да, это их официальное название.

Отрокары — настоящий бич галактики. Они были огромными, жестокими и жили завоеваниями — начав с одной планеты, они увеличили свои владения до девяти. Их не зря называли Сокрушителями, ведь с их появлением умирали все надежды. За последние три столетия между Святой Анократией и Ордой случалось несколько стычек, и все с катастрофическими последствиями. Две расы так люто ненавидели друг друга, что их вражда стала легендой. Половина шуток в галактике начиналась с «вампир и отрокар зашли как-то в бар...»

Пребывание вампиров и отрокаров в непосредственной близости было сродни смешиванию глицерина с азотной кислотой, и удару по этой смеси кувалдой. Мощнейший взрыв. Будет резня.

Я подалась вперед.

— Значит, вам нужна нейтральная территория для проведения суда?

— Да. Земная гостиница — идеальный вариант. Она считается нейтральной землей, плюс мы полагаемся на силу владельца гостиницы, который в состоянии контролировать гостей.

— Дайте-ка угадаю: вы пытались договориться с другими гостиницами и все дали вам от ворот поворот. Я ваша последняя надежда?

Джордж глубоко вздохнул.

— Да.

— Уже была попытка наладить мир между Отрокарами и Святой Космической Анократией во время их Десятилетнего Конфликта, — заметила я. — Лет так пятьдесят назад.

Его длинные, изящные пальцы сжались в кулак.

— Да, я в курсе.

— Тогда вы также знаете, чем это закончилось.

— Насколько я помню, патриарх Дома Джеро набросился на отрокарского Хана, и тот его обезглавил.

— Он оторвал патриарху голову голыми руками, а затем избил ею до смерти Маршала Дома Джеро.

— Что ж, мероприятие может показаться рискованным, если учесть эту историю...

— Не рискованным, а суицидальным.

— Мне стоит считать это отказом? — спросил Джордж.

Это была очень плохая затея.

— Сколько людей вы ожидаете?

— По крайней мере, двенадцать из каждого отряда.

Тридцать два гостя. У меня участился пульс. Тридцать два гостя, и каждый — носитель мощной магии. Они могли дать подпитку гостинице на долгие годы. Не говоря уже о том, что если мне удастся успешно проверить это безумие, это повысит рейтинг гостиницы.

Нет. О чем я только думаю? Это сумасшествие. Мне будет необходимо сохранить мир между тридцатью шестью инопланетянами, каждый из которых желает убить другого. Это ужасно. Рискованно... Слишком многое стоит на кону.

Да что мне терять?

Джордж достал из кармана маленький, размером с игральную карту, планшет, и показал мне. На экране были написаны две цифры: \$500 000 и \$1 000 000.

— Первая сумма — то, что вы получите, если арбитраж не удастся. Вторая — если все пройдет успешно.

Пятьсот тысяч. Мы нуждались в деньгах. Я бы смогла, наконец, обновить свои книги. И купить дополнительные строительные материалы для гостиницы.

Нет. С таким же успехом, я могла просто спалить Гертруду Хант.

Мой взгляд нашел портрет родителей. Они смотрели на меня. Семья Демилль никогда не боялась проблем. Но и на неоправданный риск тоже не шла.

Волков бояться — в лес не ходить. Я могла просто сидеть тут и продолжать ожидать появления подходящей возможности...

— Если я соглашусь, вам придется выполнить мои требования, — сказала я.

— Несомненно.

— Я хочу соглашения о возмещении ущерба, составленные и подписанные каждой фракцией. Также, от каждой фракции должна быть выделена определенная сумма и отдана под ваш контроль. Если они разрушат гостиницу, я хочу, чтобы они заплатили за повреждения.

— Разумно.

— Мне нужно, чтобы каждый участник саммита ознакомился и подписал договор о неразглашении на Земле. Обычные граждане этой планеты не могут знать об их существовании. К примеру, мы можем подвергнуться визиту местных правоохранительных органов, и я хочу, чтобы они четко понимали, что здесь нельзя сворачивать шеи или отрывать головы.

— Справедливо.

— Будут и другие ограничения. У вас есть вопросы?

— Парочка имеется, — Джордж подался вперед, — мне не ясна природа отношений между гостиницей и ее посетителями. Почему отелю требуются гости?

— Это симбиоз, — пояснила я. — Гостиница дает своим гостям кров и еду. Отвечает на каждую их потребность. В свою очередь, она кормится естественной энергией, которую излучают все живые существа. Чем разнообразнее и мощнее эта энергия, тем больше магии способна создать гостиница и тем сильнее она становится.

Джордж сощурил глаза.

— Значит, гостиница может сочувствовать?

— Нет, не совсем.

— Может ли она повлиять на настроение своих гостей?

— Настолько, насколько может повлиять на нас наше окружение.

Джордж нахмурился.

— Я читал о случаях, предполагавших установление связи между гостиницей и ее гостями.

А-а-а. Вот он о чем.

— Не совсем верно. Отель может навязать ментальную связь между гостем и хранителем отеля, но не в состоянии повлиять на состояние разума гостя. Ритуал связи проводился лишь несколько раз, в редких случаях, когда отель или гости подвергались опасности, например, при убийстве, когда раскрытие личности убийцы имело особую важность. Гость должен добровольно пойти на ментальную связь и попытаться ее установить. Так что, если ваш вопрос в том, может ли отель магически влиять на гостей, чтобы они стали добрее и подписали мирный договор, то нет. Я могу обеспечить переговорщикам самые мягкие простыни и тихие комнаты, но повлиять на них не смогу. Даже если бы могла, то не сделала бы этого. Приватность моих гостей священна, а я обязана сохранять нейтральность. Это было бы нарушением этики.

— Ну что ж, — сказал он. — Я просто предположил.

Учитывая грандиозность задачи, я могла понять, почему он рассматривал любой вариант, способный повлиять на конечный результат.

— Что-нибудь еще?

— Да, — Джордж обвел взглядом скромную комнату. — Не хочу показаться невежливым, но ваша гостиница значительно меньше, чем мне рассказывали. Мне кажется, у вас не хватит комнат.

Я поднялась.

— Вы бывали во многих гостиницах?

— Нет. Я посетил несколько гостиниц из-за саммита, но самому не приходилось быть гостем. Ваша гостиница — первая.

Я притянула к себе магию. Задуманное обещало израсходовать большую часть сил и у гостиницы, и у меня. Если он в итоге откажется от сделки, нам придется очень долго восстанавливаться. Но если нам удастся заполнить гостей, оно того стоило.

Я подняла метлу. Магия завибрировала во мне, нарастая, так плотно, словно огромная пружина, сжатая до самого предела. Рядом со мной поднялся Джордж. Я подняла метлу, щетиной вверх, мысленно обрисовала интерьер отеля и опустила ее. Дерево соприкоснулось с полом с глухим ударом.

Магия лавиной прокатилась по отелю, дерево и камень внезапно стали эластичными и текучими. Интерьер открылся, как цветущий бутон. Стены раздвинулись. Потолок взлетел. Магия продолжала литься из меня, так быстро, что голова закружилась. Из пола появился полированный розовый мрамор, поднялся по стенам и выстроился величавыми колоннами.

Джордж рядом стоял без движения.

Двухэтажные окна открылись в мрамор. Я облокотилась на метлу для поддержки. Сводчатые потолки стали белоснежно-белыми. Кристальные люстры расцвели букетами изящных цветов. Золотистые завитушки, изгибаясь, раскатились по полу. Свет замелькал среди хрусталя.

Я оборвала магию. Мощь ударила внутри как порванная резинка. Я пошатнулась.

Перед нами предстал огромный бальный зал, грандиозный, элегантный и сияющий.

Арбитр со щелчком закрыл свой рот.

Глава 2

У моих ног медленно раскручивался здоровенный рулон искусственного шелка, его конец исчезал в мраморном полу. Чудовище из принципа погавкала на него минут пять, пока ей не надоело, а затем отправилась исследовать просторы бальной комнаты. Обнюхав углы, она нашла себе уютное местечко и улеглась отдыхать.

Больше всего на свете я сейчас хотела бы составить ей компанию — не на полу, конечно, а в своей мягкой постели. Создание бальной залы вытянуло из меня все силы, и теперь я чувствовала себя как после пробежки в несколько миль. Будь у меня выбор, я бы вздремнула сразу же после ухода Арбитра, но времени до саммита оставалось в обрез. Джордж задумал начать его через 48 часов и поэтому, вместо сна, я стянула у Калденин баночку лимонада для поддержания бодрости, запрыгнула в машину и отправилась под дождем арендовать грузовик.

Потом я вела этот грузовик целых два часа до Остина, к самому крупному магазину тканей в штате. Там я купила огромный рулон искусственного шелка и еще один с хлопком. Это стоило мне трети моего денежного фонда на черный день. Потом я остановилась в ландшафтном центре и закупились камнем. Мне помогли загрузить его, а когда я вернулась, то просто свалила его на заднем дворе, где отель быстро его поглотил.

Теперь я героически держалась на ногах, пока гостиница продолжала дюйм за дюймом поглощать шелк.

— Ну вот. Хоть какой-то прогресс.

Я повернулась к Калденин, стоящей в дверном проеме.

— Ваше Изящество.

Пожилая дама медленно прошла в комнату. Ее взгляд скользнул по мраморному полу, колоннам и парящему белому потолку с золотыми завитушками.

— По какому случаю?

— Мы принимаем дипломатический саммит.

Резко развернувшись, она полоснула меня взглядом.

— Дорогая, не дразни меня.

— Этот рулон искусственного шелка обошелся мне в шесть долларов за ярд, — пожаловалась я ей. — А после покупки еды, я и вовсе окажусь на мели.

Калденин моргнула.

— Кто в нем будет участвовать?

— Святая Анократия в лице Дома Крар, Сокрушительная Орда и Торговцы из Баха-чар. Они явятся сюда на арбитраж, и, вероятно, попытаются перебить друг друга, едва переступив порог.

Глаза Калденин распахнулись в изумлении.

— Ты, правда, так считаешь? Это просто восхитительно!

Как будто она могла считать иначе.

— Расскажи мне план.

Я вздохнула и указала на восточную стену. На ней, западной и южной стенах комнаты я сделала балконы. Каждый из них был расположен далеко от другого, слишком далеко для прыжков и слишком высоко, чтобы спрыгнуть без повреждений.

— Комнаты отрокаров будут там. Они возносят молитвы рассвету, поэтому им

необходимо видеть утреннее солнце.

Я развернулась и указала на противоположную стену.

- Вампиры будут там. Их время молитв начинается после заката, так что они на западе.-

Затем я повернулась к северной стене. — Торговцы останутся там. Они лесные создания, предпочитающие тенистые комнаты и приглушенный свет. У всех будут свои отдельные лестницы. Войти в чужие покои будет невозможно. Гостиница этого не позволит.

Я показала на юг, где длинные окна разделяли стену на секции.

— А здесь я планирую поставить стол для проведения переговоров.

— Отличное расположение, — похвалила Калдения, — но почему именно розовый мрамор? — Она указала на потолок. — Розовый мрамор, белый потолок, золотистые оттенки... При электрическом освещении все погрузится в отвратительный оранжевый свет.

— У меня был всего один шанс произвести впечатление на Арбитра. Пришлось импровизировать.

Калдения вскинула бровь.

— Я видела этот зал однажды в кино, — пояснила я. — Было легко его представить.

— Это был фильм для взрослых?

— Там был говорящий подсвечник, который дружил со сварливыми часами.

— Понятно. Как насчет бального зала в гостинице твоих родителей?

Я покачала головой. Я досконально помнила каждую деталь, но когда думала о воссоздании зала, мое сердце болезненно сжималось. Я вздохнула.

— Я могу сделать его абсолютно белым, если вам так покажется лучше.

Калдения сощурила глаза.

— Значит, цвет может быть другим?

— Конечно.

— В таком случае, никакого белого. Белый — самый безопасный выбор. Кроме того, если мне не изменяет память, Дом Крап строит свои замки из серого камня, а ты ведь не хочешь отдавать кому-то предпочтение.

— Отрокары любят сочные цвета и богатое убранство, — сказала я. — Обычно они предпочитают красный и зеленый.

— Так что надо найти баланс между этими двумя. Голубой — успокаивающий цвет, который большинство видов считают приемлемым для размышлений. Почему бы не использовать бирюзовый оттенок?

Я сконцентрировалась. Мраморные колонны послушно изменили оттенок,

— Чуть серее, чуть темнее, еще немного... Теперь можно сделать прожилки чуть более светлого оттенка? И окаймить золотым... Идеально.

Вынуждена признать, колонны и правда, выглядели безупречно.

— Давай-ка снимем сусальное золото, — сказала Калдения. — Элегантность не бывает напоказ, нет ничего более мещанского, чем покрыть все вокруг золотом. Это просто кричит о богатстве и отсутствии вкуса, что возмущает крестьян. Дворец должен излучать власть и великолепие. Вызывать изумление при входе. Я обнаружила, что восхищение снижает риск восстаний.

Я очень сомневаюсь, что возникнут какие-либо восстания, но если это предотвратит резню, то я двумя руками за.

— Все хорошо в меру, в том числе и золото, — продолжила Калдения. — Я не рассказывала тебе о Каи Па? Это водный мир. Вся планета покрыта океаном, а население

живет на огромных искусственных плавучих островах. Просто поразительно, сколько людей может разместиться на нескольких квадратных милях. Каждая из них управляется вельможей, разбогатевшим на торговле медикаментами и добыче ископаемых под водой. Пространство — это роскошь, поэтому естественно, что эти идиоты строят себе вычурные дворцы. Мне надо было посетить мероприятие на одном из тех уродств. У них там подводные леса водорослей, вообще-то, очень красивые, если тебе нравятся такие вещи. Все стены дворца были покрыты позолоченными водорослями. Не было свободного места на стенах или потолке, где не было бы какого-нибудь завитка, позолоченного цветка или украшения другого безвкусного оттенка, типа алого. И между водорослями — портреты хозяина и его семьи, с драгоценными камнями вместо глаз.

— Драгоценными камнями?

Калденя замолчала и взглянула на меня.

— Драгоценными камнями, Дина. Выглядело это ужасающе. Уже после десяти минут там у меня создалось ощущение, что мои глаза атакует межгалактический дредноут. Мне было физически больно.

— Некоторые живут, просто чтобы доказывать другим, что они богаче.

— Верно. Я продержалась один день и, когда уезжала, хозяин посмел заявить, что я оскорбила его семью. Я бы отравила всех их, но не могла и секунды больше там оставаться.

Ее Изящество вскинула руки.

- Это твоя бальная зала, дорогая. Твое место. Сердце твоего дворца. Нет ничего невозможного, как говорится. Откинь условности. Забудь дворцы своего мира. Забудь отель родителей или любой другой. Используй свое воображение и сделай свой собственный. Сделай его великолепным.

Нет ничего невозможного... Я закрыла глаза и открыла душу. Отель задвигался вокруг меня, отвечая магией. Моя мощь заструилась из меня, и я дала ей расшириться, вырасти и распуститься как цветку.

— Дина... — ошеломленно пробормотала Калденя.

Я открыла глаза. Исчез розовый мрамор, исчезли сусальное золото и хрустальные люстры. Только три окна на северной стене остались. Великолепное ночное небо раскинулось по темным стенам и потолку, бесконечное и прекрасное, со светлым налетом лавандового, зеленого и синего цветов, создающих паутину туманностей, пестрящих мелкими искрами звезд. Это было небо, зовущее космических пиратов на их корабли.

Длинная лоза обвивала бирюзовые колонны, поддерживающие балконы, а изящные стеклянные цветы сияли белым и желтым светом. Пол из полированного белого мрамора был выложен искусной мозаикой двенадцати оттенков — от индиго и черного до неонового голубого и золотистого, тянущихся к центру, где стилизованное изображение Гертруды Хант, окаймленное рисунком моей метлы, украшало пол.

Я посмотрела вверх. На потолке выросли три гигантских светильника, каждый из сложных созвездий сияющих сфер, которые заливали зал светом. Я улыбнулась.

— Вот это то, что внушает трепет, — спокойно заявила Калденя.

Магия зазвенела у меня в голове. Я открыла глаза. Десять минут первого. Немного рановато для саммита, который, предположительно, должен начаться завтра вечером.

Я спустила ноги с кровати. Я поспала всего час. Голова была слишком тяжелой, чтобы шея могла ее удержать. Не помню, когда в последний раз так упорно работала. Я все еще не была уверена в глубине ямы для отрокаров. Была своего рода священная пропорция между глубиной «ямы» и высотой круглых мягких диванов вокруг нее.

Я просмотрела свои справочники и сделала ямы по указанным размерам, но шестое чувство говорило мне, что высота была не та. Или они просто были не такими, как надо, так что я провела последние полчаса своего дня то поднимая, то опуская самодельные диваны, до того как заставить отель сделать их из камня. Это будет стоить того.

Еще один магический сигнал, похожий на водную рябь. Кто-то стоял у дороги, около территории гостиницы, вежливо ожидая приглашения войти.

Поднявшись, я облачилась в одежду владельца гостиницы. Простой серый балахон с капюшоном, который скрывал меня с головы до пят. Чудовище, которая лежала на своем месте около кровати, подняла голову и сонно залаяла. Я посмотрела в окно. Темная фигура стояла перед границей, сливаясь с темной тенью дуба. Он был слишком высок для человека. Возможно, даже на несколько дюймов выше, чем Шон.

Тьфу.

Я взяла метлу и вышла из спальни, зашагав по длинному коридору к главной лестнице. Чудовище потрусила следом за мной. За последние несколько часов архитектура гостиницы так сильно изменилась, что теперь мой путь к входной двери стал в два раза длиннее.

Пол охлаждал босые ноги. Продолжал идти дождь, и мы с гостиницей сошлись на комфортных двадцати градусах внутри, но, как и в любом доме, где-то было теплее, а где-то прохладнее, и я пожалела, что не надела носки.

С чего я вообще подумала о Шоне Эвансе?

Шон был альфа-оборотнем. Его родители сбежали с собственной разрушающейся планеты и прибыли на Землю, где, скрываясь, построили новую жизнь, родили и вырастили Шона. Земля служила пристанищем для многих путешественников из Великого Нечто. Вселенная, со всеми своими планетами, измерениями и временами нуждалась в центральном пункте и нейтральной территории для встреч, дел или просто для остановки по пути куда-либо еще.

Земля была таковым пунктом тысячи лет, в то время как ее местное население жило в неведении, не зная странных существ, которые иногда тайно посещали планету. Вот почему существовали отели и владельцы отелей, такие, как я. У нас было два дела: охранять своих гостей и скрывать их. Мы держали нейтралитет и ни во что не вмешивались. Шон Эванс вошел в мою жизнь тогда, когда я решила отбросить осторожность и вмешалась в очень опасную ситуацию.

Глядя назад, это, возможно, было глупо, но я ни о чем не жалела. Вместе с Шоном и Арландом, мы спасли мой городок от межгалактического убийцы. Арланду удалось отомстить за убийство в качестве бонуса, а Шон узнал всю правду: он был не земным мутантом, как говорили ему родители, а результатом военной генетической программы выведения вида с другой планеты.

Все оборотни были солдатами, созданными защищаться от вторжения на их планету превосходящих по численности сил, но Шон был особым вариантом альфа-самца. Больше,

быстрее, сильнее, воин особого назначения. Генетическое программирование, должно быть, сыграло свою роль, потому что он и здесь, на Земле, стал солдатом, вот только никак не мог найти место, где бы он ощутил себя своим.

А потом мы встретились, и я подумала, что между нами что-то есть. Я лишь пыталась выдать желаемое за действительное. У нас что-то начиналось, но, как только он взглянул на вселенную вне этой планеты, все было кончено. Обратни разрушили собственную планету, чтобы не сдать ее врагу, и он теперь не мог вернуться «домой», но звезды все же звали его.

Из-за меня он был должен старому обратню услугу, и как только с опасностью здесь было покончено, Шон ушел, чтобы отплатить долг. Я знала, что такое притяжение звезд. Я сама была такой недолго. Когда он прошел сквозь портал на залитые солнцем улицы Бахар, какая-то часть меня поняла, что он не скоро вернется, но я все же надеялась, что, возможно, через месяц-два увижу его. Прошло почти полгода. Шон не вернулся.

Я решила выкинуть его из головы и, по большей части, у меня это получилось, но иногда он просто всплывал в моих мыслях. Я глядела на беседку, вспоминая, как он подпрыгнул на три фута вверх, когда я ее подвинула, и улыбалась. Или вспоминала его голос. Или то, что я чувствовала, когда он меня целовал.

— Я ничего не могу сделать, — я посмотрела на Чудовище, — это пройдет. Просто нужно время.

Если у нее и было какое-то мнение на счет моих невольных страданий, то она оставила его при себе.

Я открыла парадную дверь и прошлась по траве к темной фигуре, ждущей меня у дуба. Он стоял, завернутый в накидку. Сверху, когда я смотрела на него из дома, он казался высоким, но сейчас просто возвышался надо мной как башня, шесть футов пять дюймов минимум. Мне пришлось запрокинуть голову. Чудовище низко зарычала.

Темная фигура подняла левую руку, пальцами вверх.

- Зимнего солнца.

Его голос был жестким, но дикция безупречна. Какой бы переводчик он не использовал, работал тот идеально.

Отрокар.

— И вам зимнего солнца. — Зимнее солнце было мягким, ласковым светилом. — Добро пожаловать.

Мы прошли к входной двери, и я впустила его внутрь.

Он скинул плащ. Я уже видела отрокаров раньше. Они частенько наведывались к отцу в отель. Но вот этот, стоящий здесь в моем небольшом холле, ощущался совсем по-другому.

У него были широкие плечи и, несмотря на рост, беспечная поза. Темно-коричневая броня из сплетенных кожаных полосок покрывала все тело. Темные пластины с черными и красными рисунками-узорами, которые могли быть только животного происхождения, защищали его плечи, бедра и голени. Те же пластины были на груди — хитинные вкрапления на сложных завитушках золотистого металла выдавали присутствие высокотехнологичной электроники.

На его талии сидел пояс с карманами, на нем же висели мелкие металлические и костяные талисманы. Отрокары отлично чувствовали себя в космосе, и его броня была создана для идеальной защиты и, в то же время, движения и гибкости при борьбе внутри космического корабля. У него не было другого оружия, кроме короткого меча или длинного ножа, который висел в ножнах на правом бедре. Со спины он мог сойти за очень высокого

индейца, но его лицо все выдавало — это был тот же первичный ген, который родил нас и вампиров, но он явно был выращен на другой планете. Отрокары развились в мире палящего солнца и бесконечных равнин. Они охотились стаями и загоняли свою жертву до смерти.

Черты его лица были острее, чем у землян, словно его вырезали ножом из куска глины; его темно-бронзовая кожа была груба, пропорции черт были слегка скошены, придавая ему опасный и хищный вид. Его челюсть была треугольной формы, а нос — узким; а когда он говорил, то мелькали острые зубы. Его короткие волосы были похожи на лошадиную гриву, и казались черными, пока не попадали на свет, от которого сияли темно-красным хищным оттенком, почти рубиново-красным. Его глаза под густыми бровями были поразительно прозрачного зеленого света...

Мы уставились друг на друга. У моих ног басом рычала Чудовище. Ей явно не нравился его запах. Отрокар взглянул на нее оценивающим взглядом. Он выглядел так, словно ожидал нападения в любой момент и хотел удостовериться, что успеет вытащить свой нож и разрезать врага на узкие полоски.

— Чем могу помочь? — Хватит пялиться на мою собаку, пожалуйста.

— Меня зовут Дагоркун. — Отрокар поднял руку. С нее на кожаном шнурке свисал золотой медальон, усеянный драгоценными камнями. Стилизованное солнце с острыми лучами, символ Хана, предводителя Орды.

Я уважительно кивнула.

— Мое почтение.

— Я здесь от моих людей для осмотра предоставленных комнат.

— Очень хорошо. Хотите чаю?

Он моргнул.

— Да.

— Одну минутку. — Я направилась на кухню. Некоторые вещи во вселенной были неизменны. Два плюс два не обязательно равнялось четырем, зато каждый основанный на воде вид в какой-то момент кипятил воду и бросал в нее какие-нибудь растения.

Дагоркун последовал за мной. Я достала две кружки из шкафчика, на одной из них была нарисована земляника, а на другой маленькая черная кошка, налила в них кипятка и положила по пакетiku чая. Дагоркун наблюдал за мной, как ястреб. Видимо, он ожидал, что его отравят.

— Вы впервые на Земле?

Он молчал, очевидно, обдумывая, стоит ли отвечать правду.

— Да.

— Теперь вы являетесь моим гостем. Ваша безопасность — моя главная задача. — Я достала чайные пакетики, открыла сахарницу, сделанную из толстого синего стекла, и добавила ложку сахара в чай. — Ни моя собака, ни гостиница не причинят вам боли, если вы не попытаетесь навредить другому гостю.

— Вампиры хвалят вас, — сказал Дагоркун.

Я продолжала класть сахар в чашку. Одна, две...

- Да, но это не значит, что я буду относиться к ним иначе, чем к вам. Я — нейтральная сторона.

Три... Четыре должно хватить. Он выглядел как житель севера. У южных отрокаров кожа была чуть более зеленого оттенка. Я предложила ему кружку. Он взял ее с осторожностью.

— А что, если вы вдруг перестанете соблюдать нейтралитет?

— Рейтинг моей гостиницы будет снижен. Всем будет известно, что это место небезопасно для пребывания. Гости бы перестали посещать нас, а без посетителей сила гостиницы иссякнет, отель впадет в бездействие и умрет.

— А ведьма?

— Какая ведьма?

— Старая ведьма, которая живет с вами.

Большинство людей посчитало бы слово «ведьма» оскорблением, но для отрокаров ведьма была тем, кто обладал огромной темной властью. Он просто оказывал Ее Изяществу заслуженное почтение.

— Калденция не будет вмешиваться в мирные переговоры. Гостиница и я — единственная причина, по которой она еще жива. Она сделает все, чтобы не подвергать нас опасности.

Дагоркун задумался, поднес кружку к губам и отхлебнул. Его глаза загорелись.

— Вкусно.

— Посмотрим комнаты?

Он кивнул. Я провела его через гостиную к простому коридору. Он идеально сочетался с парадной дома: деревянные полы и простые бежевые стены. И портрет моих родителей прямо в центре, в небольшом углублении, прямо на пути от двери. Я перенесла его как раз на такой случай. Дагоркун глянул на них. Я изучала его лицо. Никакой реакции.

Однажды кто-нибудь пройдет сквозь эту дверь, увидит моих родителей и узнает их. И когда это случится, я буду готова. Мне просто нужен маленький след, крупица, хоть капелька информации, которая покажет мне, где их искать. И я не остановлюсь, пока не найду их.

Мы свернули направо, прошли несколько футов к другой обычной двери и вошли в нее. Дагоркун остановился. Изогнутая лестница из темного дерева вела наверх, ее перила были украшены резным животными: длинноногие трехрогие олени, каиры — волкообразные хищники, гигантский покрытый броней гаруз, похожий на трехрогого носорога на стероидах... Я прошлась прямо по геральдическому списку отрокаров в традиционном порядке. Легкие светильники, имитирующие факелы, сияли в своих подставках на темных стенах с прожилками красного и золотого. Цветные знамена Сокрушительной Орды висели между ними.

— Лестница соответствует вашим ожиданиям? — спросила я.

— Она сгодится, — осторожно ответил Дагоркун.

— Прощу, — я указала на лестницу.

Он начал подниматься по ступеням. Будем надеяться, что ямы все-таки достаточно глубоки для них.

Двадцать минут спустя мы убедились, что у ям идеальные пропорции, шелковые подушки нужной мягкости и правильных цветов, арочные окна должным образом украшены, а вид на сад (ухищрения с пространством которого заставили бы целый институт физиков-теоретиков молить о пощаде) был вполне приемлем. Сад виднелся из каждой гостевой комнаты, построенной к саммиту, что должно было быть невозможным, но я никогда не парилась насчет законов физики. Если они вздумают выпрыгнуть из окон, то приземлятся у меня в саду за домом, а не вблизи дороги на виду у всего района. Не то, чтобы я собиралась позволить кому-то покинуть гостиницу без моего ведома.

К концу осмотра комнаты Дагоркун окончательно расслабился и перестал проверять каждый угол на скрытых там убийц. Мы почти вернулись в зал, когда гостиница зазвенела. Я вовремя успела посмотреть в окно, чтобы мельком заметить красную вспышку. О, нет.

— Кажется, у нас гости, — сказала я, — прошу прощения.

Я прошла к парадной двери и открыла ее. Массивная фигура заполнила проем: широкоплечий и одетый в черную, с прожилками кроваво-красного, броню, он выглядел настоящим гигантом. Его светлые волосы были откинuty на спину, словно львиная грива. Его лицо, мужское, с огромной квадратной челюстью, было настолько красиво, что дух захватывало.

— Миледи Дина, — его голос был глубок и звучен, таким можно перекрыть рев битвы, ему это подходило, ведь он был Маршалом Дома Крар, которому частенько приходилось раздавать приказы в самом сердце боя.

— Лорд Арланд, — сказала я, — проходите.

Арланд прошел внутрь и увидел Дагоркуна. Оба застыли как вкопанные.

— Здравствуй, Арланд, — процедил Дагоркун. И никаких тебе солнечных приветствий.

— Здравствуй, Дагоркун, — ответил Арланд.

Вампир и отрокар впились взглядом друг в друга. Одна минута. Другая. Если они продолжат, то вскоре загорится пол.

Я вздохнула.

— Не хотите чаю?

* * *

Вампир с отрокаром сверлили друг друга взглядами поверх чайных чашек. Арланд был сложен, словно саблезубый тигр: огромный, могучий и сильный. Дагоркун был выше его на пару дюймов, и, хотя его телосложение не было таким же массивным, мышечной массы в нем тоже хватало. Ни один из них не выказывал озабоченности. Они просто сидели как порядочные, пили чай и пытались прикончить друг друга силой мысли.

— Как отец? — поинтересовался Арланд беспечным голосом.

— Хан — отлично, — ответил Дагоркун, — Как леди Илемина?

— И у нее все хорошо.

— Рад слышать. Она присоединится к нам?

Арланд приподнял густые брови.

— Нет, она решает другие вопросы. А что, Хан почтит нас своим присутствием?

— У Хана так же много обязанностей, — проговорил Дагоркун, — Он высылает Ханум вместо себя.

Выходит, мать Арланда не приедет, зато явится родительница Дагоркуна. Справочник Ведущих Держав, который обошелся мне этим летом в целое состояние, называл леди Илемину «Наставницей дома Крар», а на последующих двух страницах ее титулов и наград встречались слова вроде «Палача» и «Верховной хищницы». Перечень титулов Ханум был примерно того же объема, сверкая перлами типа «Хребтолом» и «Потрошитель». С таким раскладом, я была рада, что здесь будет лишь одна из них.

И их сыновья, сидящие сейчас друг напротив друга, попивающие чай, и желающие

отбросить все условности и просто оторвать друг другу головы, уже сильно напрягали. Я наконец осознала полную мощь беспорядка, в который вляпалась. С каждой стороны будет еще по двенадцать персон, и сдерживать их агрессию будет почти невозможно. Вот почему Калдения так обрадовалась этим мирным переговорам. Мое воображение нарисовало огромную потасовку в бальной зале и Ее Изящество, тихо умыкающую чье-то кровавое тело.

— Ханум? — закашлялся Арланд. Должно быть, чай попал не в то горло.

— Тебе нездоровится? — поинтересовался Дагоркун.

— Здоров, как Крар, — отрезал Арланд.

— Какое облегчение. Было бы обидно, если бы из-за болезни было испорчено празднество, которое я запланировал после того, как отправлю тебя к праотцам.

— Неужели? — Арланд сузил глаза. — Я-то думал, моя слабость от болезни была бы благословением, ведь только так тебя хватило бы на подобный подвиг. Это должна быть очень тяжелая болезнь, но боюсь, даже так твои шансы на победу были бы весьма туманны.

Отрокар прищелкнул языком.

— Какая завышенная самооценка, Маршал.

— Терпеть не могу ложную скромность.

— Может быть, проверим эту теорию? — предложил Дагоркун.

Ладно, поболтали и хватит.

— Я рада, что комнаты пришлись вам по душе, Под — Хан. К сожалению, я должна попросить вас об отъезде, чтобы лорд Арланд мог осмотреть комнаты для своих людей.

Глаза Дагоркуна сузились.

— А если я настою на том, чтобы остаться?

Тонкие, ярко-голубые трещинки испещрили древко моей метлы. Пол перед Дагоркуном изменился, заволновавшись словно море.

— Тогда я запечатаю ваше тело в дерево, и вы сможете разве что дышать и украшать собой газон.

Дагоркун моргнул.

— Этот саммит для меня очень важен, — пояснила я.

Стена позади меня заскрипела, когда гостиница нависла над Дагоркуном, отзываясь на тон моего голоса. Рука отрокара потянулась к ножу.

Я махнула пальцами, и стена вернулась в свое нормальное состояние.

— Я никому и ничему не позволю помешать мирным переговорам в моих владениях.

Арланд поставил чашку на стол.

— Тебе стоит ее проверить, Дагоркун. Не может быть, чтобы она была такой могущественной.

Я ткнула в его сторону рукоятью метлы. Вампир усмехнулся, сверкнув клыками.

— Понятно, — Дагоркун поднялся, — Спасибо за чай, Хозяйка Гостиницы.

Укрепив пол, я провела его до двери, где он натянул свой балахон и вышел в ночь. Я подождала, пока гостиница не известила об его отбытии, и вернулась к Арланду.

— Между нами давнее соперничество, — произнес он. — Не стоит нас в этом винить. Отроки — настоящие варвары. Знаешь, как у них становятся Ханом? Думаешь, в результате должного воспитания — сын правителя узнает у отца тонкости государственной политики, обучается у лучших учителей, набирается опыта у талантливых генералов на поле боя, строит союзы, пока, наконец, не занимает свое законное место, опираясь на свое могущество? Как бы не так. Они его выбирают. Вся армия собирается и голосует. — Вампир

развел руками. — Это идиотизм.

Само собой, что может быть лучше потомственной аристократии. Она-то работает без сучка, без задоринки. Какая глупость с их стороны пытаться назвать это демократией. Интересно, что бы он сказал, если бы я напомнила ему, что США являются республикой?

— Осмотрим комнаты?

— С огромным удовольствием.

Арланд поднялся, и я повела его по коридору, свернув в этот раз налево. Холл привел нас к парадной лестнице из бледно-серого камня. Со стен свисали алые знамена Святой Космической Анократии, освещенные изящными стеклянными орнаментами, сияющими мягким, приглушенным светом.

Арланд вскинул брови.

— Совсем как дома.

Прекрасно. Мы направились к лестнице.

— Шесть месяцев назад Дом Крар желал войны, — сказала я. — Теперь вы состоите в Конфликте Нексуса? Что случилось?

Арланд поморщился.

— Дом Миир случился. Происходящее на Нексусе — это не война, это ад. Она длится почти десятилетие, а это слишком долго для любого Дома. После года в этой войне, Святая Анократия разделила Дома на семь Порядков, дабы разделить бремя конфликта. Каждый Порядок берет ответственность за Нексус на год. Дом Крар является Домом Первого Порядка. Мы уже воевали на Нексусе пять лет назад и не ожидали так скоро туда вернуться.

Каждый раз перед словом «Нексус» он делал паузу, словно хотел заменить его на «ад», в полном смысле этого слова. Пять стандартных лет назад он уже был опытным рыцарем. Там должен был быть настоящий ужас, если воспоминания о планете до сих пор его преследовали.

Лестница упиралась в каменную арку. Стены здесь поднимались на головокружительную высоту, а с потолка свисало кроваво-красное знамя Святой Анократии, украшенное Святыми Клыками и восьмиконечной серебряной звездой. Звезда, знаменующая собой успехи вампиров в покорении межзвездного пространства, была не ниже и не выше стилизованных клыков, а прямо между ними. Символизм был ясен: Святая Анократия укусит галактику своими клыками и проглотит ее. Не говоря ни слова, Арланд опустился на одно колено и склонил голову. Он прикрыл на секунду глаза, а затем встал, будто броня на нем была легкой, как шелк. Мы прошли сквозь арку.

— Два месяца назад настал черед Шестого Порядка, но два его главных Дома были уничтожены — один из-за войны, а второй — из-за природного катаклизма. У них не было ни средств, ни сил для организации достойного сопротивления наступлению отрокаров. Они желали бороться, но было ясно, что мы утратим наш контроль над Нексусом, если они возьмутся за это дело в одиночку. Долг должен был перейти к Седьмому Порядку. Седьмой Порядок состоит из четырех Домов с Домом Миир во главе. Дом Миир обесчестил себя и отказался сражаться. Учитывая, что три других дома в Порядке довольно малы, а два из них в данный момент воюют между собой, ответственность за Нексус перешла к нам.

Я нахмурилась.

— Дом Миир могли сделать это?

— Не без последствий. Анократия отлучит их от церкви и введет экономические санкции, но они готовы рискнуть. Они уже многие годы следят за нашими владениями.

Когда мы вернемся с Нексуса, наш Дом будет истощен, и нам потребуются годы для восстановления. Дом Миир нападет на нас в момент нашей слабости, и те богатства, которые он снимет с нашего трупa, компенсируют любые экономические санкции. Анократия поощряет победы и сторонится поражений. Наставник Миира может пожертвовать своей вечной душой на алтаре измены, но его потомки будут приняты обратно в лоно Святой Церкви.

Да, они были бы слишком могущественны и слишком богаты, чтобы пребывать в изгнании.

— На Земле мы говорим, что историю пишут победители.

Арланд кивнул.

— Два последних месяца я провел на этой проклятой планете. Я потерял людей, я потерял семью, и я не намерен терять кого-либо еще. Если я должен заключить мир с Ордой, пусть будет так. Было бы намного проще, если бы вместо Ханум сюда приехал сам Хан. Хан — великий воин и великий предводитель; он понимает дипломатию и он тот, за кем Орда отправится в самое пекло. Ханум — отличная генеральша; она планирует их войны и битвы, которыми затем руководит Хан. Но я не горю желанием иметь дело с матерью Дагоркуна.

Он остановился. Перед нами предстали светлые комнаты из бледного камня, высеченного элегантными, уверенными линиями. С высоких карнизов свисали зеленые лозы, каскадом опуская на пол из полированного камня. Массивная мебель темного дерева, надежная и простая, с обивкой малинового и белого цветов, давала место для отдыха. Окна в пол выходили на узкие каменные балконы. Здесь было умиротворяющее место, утонченное и красивое, подобное созерцанию отточенного, элегантного кинжала.

Арланд повернулся с озадаченным видом.

— Это Замак, прибрежный замок нашего Дома.

— Это дубликат, — пояснила я. — К сожалению, я не смогла воспроизвести море, но мне говорили, что вид на сад тоже весьма умиротворяет. Соответствует вашим ожиданиям?

— Это прекрасно.

Да. Отлично. Волшебно. Фантастически.

— Как будет организовано питание?

Мой желудок ухнул вниз, и я с трудом заставила себя заговорить.

— Если кто-то из вашей делегации нуждается в особой диете, пожалуйста, извести меня об этом, и я сделаю для них все возможное.

— Как скажете.

Десять минут спустя я пронаблюдала, как Арланд ступил в ярко-красное сияние, превратился в звезду и стремительно скрылся в ночном небе. Гостиница прозвенела у меня в голове, сообщая о его отбытии, и я прислонилась к дверному косяку.

Еда. Я совсем забыла о еде.

Что же мне делать?

Глава 3

Большинство успешных гостиниц имело рабочий штат. Некоторые профессии требовали специально обученного человека: повара, бухгалтера и иногда даже специалиста по животным, если гости приезжали со своими любимыми домашними питомцами. Обычно семья хозяина гостиницы самостоятельно справлялась со многими из этих задач. В гостинице родителей я работала садовником. В мои обязанности входило содержание обширных цветников, обслуживание водоемов и сохранение плодовых деревьев. Я любила сад.

Он был полон секретных мест, о которых знала только я. В памяти всплыл тонкий аромат маленьких абрикосовых цветков, растущих на темных изогнутых ветвях, ряды ароматной земляники, два дерева желтой вишни, по которым я так любила лазить... Теперь всего этого не было, как говорится, кануло в лету вместе с гостиницей и моими родителями. Однажды отель, являющийся моим домом, просто-напросто исчез. Никто не знал, как и почему.

Знакомая тупая боль всколыхнулась, принося с собой беспокойство, смешанное с тревогой и скорбью. Я так сильно скучала по родителям. Безумно сильно. Прошли года, но иногда, в сонливые, полусонные моменты перед пробуждением, меня не покидало чувство, что я слышала голос мамы, зовущей меня на завтрак.

Но сейчас я была в другой гостинице, моей гостинице. Вплоть до этого момента Гертруда Хант не нуждалась в работниках. Для Калдени я готовила сама и для редких гостей тоже. Приготовление пищи для двух человек и для, если верить подсчетам Арбитра, сорока инопланетян из четырех разных фракций, приехавших исполнять служебные обязанности, существенно различалось. Да и с отрокарами и вампирами в одном здании все мое внимание будет посвящено прекращению их попыток прикончить друг друга. И они ожидают банкет. Конечно, ожидают. Мы даже не обговорили дату окончания саммита. Возможно, мне придется готовить им в течение долгих недель.

Я не смогу. Это невыполнимо. Мне необходимо нанять повара, настолько опытного, чтобы подготовить банкет для четырех фракций. И это обойдется мне в целое состояние, потому что это будет не простой повар, а шеф. Я отложила кое-какие средства для еды, но так или иначе, у меня совсем вылетело из головы, как я собираюсь готовить ее. Я не планировала нанимать шеф-повара. Где я смогу найти меньше чем за сутки повара такого уровня? Требуется недели, чтобы найти хотя-бы одного.

Представляю себе объявление. Привет, меня зовут Дина. Я управляю небольшой гостиницей, две с половиной звезды, на Земле, и мне нужны вы, чтобы откинуть все свои дела в сторону и приготовить обед для отрокаров, вампиров и избалованных Торговцев. Мой бюджет ограничен, поэтому ваша зарплата будет сущими грошами.

Я застонала. Чудовище, гавкнув, озадаченно посмотрела на меня.

Я посмотрела на крошечную Ши-Тцу.

— И что же мне делать?

Собака бешено завиляла хвостом.

Я выдохнула. Паника еще никогда не помогала в решении проблем. Я должна подойти к этому с логической точки зрения. Первое препятствие — деньги. Где я могу достать немного денег для зарплаты шеф-повару?

Единственные деньги, которые у меня были, помимо продовольственных, это шестимесячный бюджет гостиницы. Гости приходят и уходят, поэтому доход владельца гостиницы крайне неустойчив. Мои родители научили меня откладывать деньги на «черный день» и никогда их не трогать. Если я их возьму, то в дальнейшем не смогу покрыть бюджетные расходы гостиницы, и никто не будет ее посещать без проточной воды и электричества. У нас были резервные генераторы, но это на случай ЧП. Если я потрачу эти деньги, то нарушу одно из самых фундаментальных правил моих родителей.

Есть ли еще какой-то вариант? Помимо этого?

Нет.

Я не могла взять кредит, потому что гостиница не приносила достаточно дохода, чтоб в дальнейшем оплачивать счет, да и кредитной линии потребовалось бы не один день, чтоб обработать все данные. Кроме того, без твердой репутацией, а также в гостинице оцененной только в две с половиной звезды, я была плохим заемщиком. Учитывая все обстоятельства, я бы не одолжила себе деньги.

У меня не было других денег. Но мне необходимо накормить гостей. Вампирам требовалось мясо со свежими травами, отрокары предпочитали во всех блюдах специи и цитрусы, а клан Нуан Сее любил домашнюю птицу и они очень пристально следили, как она приготовлена. Мне нужно нанять кого-то, независимо от того, во сколько мне это обойдется.

Пришло понимание, схожее с погружением головы в ведро со льдом. Если нет других вариантов, то и я ничего сделать не могу. Придется использовать эти деньги и попытаться уговорить какого-нибудь повара, который может соблазниться работать для саммита.

— Одной проблемой меньше, — я посмотрела на Чудовище.

Проблема номер два. Шеф-повар.

Мои родители были знакомы со многими владельцами гостиниц, но дружили с единицами. Наш вид был одиночками. Владельцы гостиниц действовали тайно. Сделки заключались рукопожатием, встречи проводились лицом к лицу и каждая гостиница была маленьким островком в море нормальных. Когда гостиница родителей исчезла, даже наши близкие друзья отделились. То, что произошло, было странно и неожиданно, никто никогда не слышал об исчезновении целой гостиницы. Все странное и неожиданное было опасно, и для людей, которые ежедневно сталкивались со странностями Вселенной, большинство владельцев гостиниц были удивительно не расположены к риску. Я осталась сама по себе, но знала одного человека, который мог мне помочь. Его звали Брайан Родригес. Будучи хранителем, как и я, он управлял Каса Фелис в Далласе, одной из крупнейших и самых оживленных гостиниц на Юго-Западе. Как и другие, он был другом моих родителей. Несколько месяцев назад, когда я в отчаянии отправилась к нему за советом, он мне помог. С тех пор мы списывались несколько раз, и он дал мне свой номер телефона — большой знак доверия в нашем мире. О том, чтобы одолжить у него денег, не было и речи, а вот попросить займы сотрудника было в рамках приличия.

Я набрала номер на мобильном. Мистер Родригес ответил спустя два гудка.

— Дина, как дела?

— Хорошо, — солгала, — как твои?

— Потихоньку. Нужна помощь?

— Мне так неудобно просить об этом, но мне срочно нужен повар, — мне действительно не хочется говорить следующее. Слова застряли в горле, но я пересилила себя, — Можешь одолжить одного?

Он замер.

— Какой степени?

— Самой высокой.

Мистер Родригес помолчал.

— Ты устраиваешь саммит Нексуса?

— Да, — как, однако, быстро доходят новости.

— Они просили меня, но я отказался. Это огромный риск для моих гостей.

Я отлично осведомлена о риске, но у меня нет выбора.

— К сожалению...

Сердце ухнуло.

— ... весь мой кухонный штат очень занят. В данный момент мы нуждаемся в кадрах.

Пришлось постараться, чтобы голос звучал не так отчаянно.

— Тем не менее, спасибо.

— Но я знаю, кто мог бы помочь, — сказал он, — если у тебя все так безнадежно.

Что? Огонек надежды загорелся.

— Я в отчаянии.

— Он был Красным Тесаком пять лет назад.

Мои надежды рухнули на землю.

— Я не могу себе позволить Красного Тесака.

Даже мистер Родригес не мог себе позволить Красного Тесака. Это был второй по величине ранг. Я не могла себе позволить даже «Серого Тесака», который был самым низшим званием. Звание «Тесак» означало сертификацию Галактической Гастрономической Комиссии — диплом лучшей поварской школы в галактике, и вместе с ним продолжительную стажировку в одном из самых престижных ресторанов. Шеф-повара такого ранга были на вес золота в буквальном смысле слова.

— Его лишили сертификации.

Никогда не слышала, чтобы Тесак терял сертификацию.

— Почему?

Мистер Родригес колебался.

— Кажется, он отравил кого-то.

Я положила руку на лицо. Все становилось лучше и лучше. Повар-отравитель. Да что может пойти не так?

— Дина, ты еще здесь? — спросил мистер Родригес.

— Да. Просто обдумываю кое-что.

— Я предупредил, что твоя ситуация должна быть абсолютно безысходной. Не думаю, что его когда-либо осуждали за преступление, но, так или иначе, он был вовлечен в смерть дипломата. Тебе нужно поговорить с ним, чтобы узнать всю историю.

В моем положении у меня просто не было выбора. Наименьшее, что я могла сделать, это поговорить с ним.

— Как найти его?

— Он живет в маленьком магазинчике на Баха-чар. Около Джеревиана, продавца оружия.

— Я знаю, где это. Спасибо.

— И да, Дина, он — Острошип. Они бывают раздражительны.

Это было преуменьшением года. Острошипы были, откровенно говоря, слишком

обидчивы.

— Надеюсь, все получится.

Он повесил трубку. Я резко облокотилась на стену. Устала я или нет, мне необходимо было посетить раздражительного, опозоренного повара Острошипа, не потому, что он, возможно, никого и не отравлял, а потому, что Арбитр прибудет следующим вечером.

Возможно, я взяла на себя слишком много, чтобы с этим справиться. Нет, с таким настроением будет еще хуже. Во мне говорила усталость. Я устрою этот саммит, и он пройдет успешно. Гертруде Хант нужны гости.

Я взяла свои ботинки из шкафа, надела их и пристегнула ремень с ножом вокруг моей талии под мантией. Баха — чар был местом, куда бы вы пошли, чтобы найти вещи. На территории гостиницы я была сильна. Но за ее пределами мои силы резко падала. Я все еще могу позаботиться о себе, но это никогда не мешает ожидать худшего и быть готовым.

Чудовище взволнованно залаяла. Я взяла метлу, накинула капюшон балахона и направилась в прихожую. Гостиница тревожно заскрипела.

— Я скоро вернусь, — пробормотала я, — не волнуйтесь.

Дверь в конце коридора распахнулась, и из нее полился яркий свет. Повеяло сухим, невыносимым зноем. Я часто заморгала и как только глаза привыкли к свету, мы с Чудовищем ступили навстречу жаре и ослепительному солнцу Баха-чар. Я шла по невыносимой жаре улицы Баха — чар, подол моей мантии подметал большие желтые плитки ее дорог. Вокруг меня базарная площадь Галактики дышала и блестела, жизнь была ключом. Высотные здания бледно — песочного цвета, камнем выложены улицы, балконы украшены яркими баннерами.

Растения, одни зеленые, одни голубые, другие красные и пурпурные, раскинули свои ветви на текстурированные террасы, переливаясь каскадами цветов на солнце, в светло-фиолетовом небе. Выше меня узкие каменные арки мостов охватывали пространство между зданиями. Торговые палатки, предлагающие огромное количество товаров со всех концов вселенной, выстроились в ряд. Открытые двери, отмечены яркими знаками, приглашали клиентов. Зазывалы распродавали свои товары, размахивая их голографическими проекциями.

Вокруг меня яркий, разноцветный крокодил — покупатель, пополз по улицам. Существа из множества планет и размеров, облаченные в кожи, ткани, металла или пластика, высокие и короткие, огромные и маленькие, каждый со своим странным ароматом, пробивали себе путь, в поисках своих конкретных товаров. Постоянный гул повис в воздухе — какофония сотен голосов, смешанных вместе в своего рода шум, который может быть услышан только в Баха-чар.

Последний раз я приходила сюда вместе с Шоном. Сейчас я даже не знала, жив он или мертв. Было так забавно наблюдать за ним здесь. Он много путешествовал во время военной службы и считал себя повидавшим мир, но когда я открыла дверь на залитые солнцем улицы Баха-чар, Шон превратился в ребенка, первый раз попавшего в Диснейленд. Все вокруг было новым, странным и удивительным.

Шесть месяцев без единой весточки. То ли я все себе придумала и ничего для него не значила, то ли с ним что-то случилось. От одной мысли о мертвом Шоне, неизвестно где среди звезд, меня охватывала ярость. Сначала пропали мои родители. Теперь исчез Шон.

Я отдернула себя. Да, очевидно, что это было все обо мне. Точно не самый лучший

момент в моей жизни. Как только я решу ситуацию с шеф-поваром, мне нужно вернуться в постель, прежде чем недостаток сна заставит меня страдать.

Впереди движение замедлилось. Я встала на цыпочки и посмотрела через плечо некоторого внеземного существа. Существо, которое напоминало Пенске — грузовик с размером червя — медленно полз вверх по улице. Он был одет в пластиковый жгут вдоль его спины. Яркие бордовые и золотые зонтики, торчащие из жгута проводов через равные промежутки, защищали его морщинистую бледную плоть от солнца. Несколько сумок подвешены на крючки по бокам жгута. Одна из сумок на нем была Hello Kitty.

Мы двигались около полумили в час. Я вздохнул и посмотрел вокруг. Я приходила в Баха-чар еще с детства, поэтому большую часть времени я прошла на автопилоте.

Знакомая темная арка замаячила справа. Я напряглась и услышала тихую мелодию. Я остановилась.

Этот магазин принадлежал Уилмосу Горвару, старому оборотню. Последний раз, когда мы были в Баха-чар, Шон здесь остановился. У Уилмоса была нано-броня на витрине, сделанная специально для альфа-оборотней, как Шон. Шон увидел броню и стал ею одержим, как если бы она манила его к себе. Уилмос предложил ему сделку: он отдает Шону броню, но взамен тот будет должен ему услугу. Я считала это отвратительной идеей, и так ему об этом и сказала, но Шон забрал броню, и, как только мы покончили с угрожающим гостинице наемником, он отправился в Баха-чар возвращать свой долг. Тогда я видела его в последний раз.

Если кто-то и знал, где был Шон, то только Уилмос.

Люди врзались в меня. Толпа двигалась, и существа пытались внести меня в свой поток. Пойти или не пойти? А что, если Шон был там, пил чай из Аула, его ныне разрушенной планете? Это было бы очень неудобно. Привет, помнишь меня? Я выгнала тебя из моего дома, потому что ты осел, и ты меня поцеловал? Он уехал не просто так. Я не хочу быть чьим-то взрывом из прошлого.

Незнание было хуже, чем любая неловкость. Я пробралась через толпу и вышла через арку. Тщательно организованный магазин встретил меня. Оружие с нечестивыми изогнутыми клинками висели на стенах. Ножи лежали под стеклом. Странная броня висела на манекенах как солдаты на церемонии, рядом с хай-тек оружием в металлических стойках. Большое животное появилось передо мной, его лапы были больше моих рук. Сине-зеленый, с лохматой гривой и ушами, которые доходили до моей груди, он двигался, как хищник. Несмотря на размер, было что-то от люпина в его строении. Он был похож на волка, и если вы увидели его на Земле, вы бы подумали, что он был духом всех волков.

— Привет, Горвар, — поздоровалась я.

Чудовище у моих ног предупреждающе зарычала.

— Кто там? — Из другой комнаты вышел мужчина. Высокий, седой и поджарый, он двигался подобно Шону, с природной легкостью и грацией. Его серебристые волосы спадали на плечи, а в глазах вспыхнули золотистые радужки, когда на него упал свет из дверного проема.

— Здравствуй, Уилмос, — улыбнулась я.

— Ах да, Дина, правильно?

— Да.

— Чем могу помочь?

— Я была рядом и хотела узнать, как там Шон. Не видела его некоторое время. —

Надеюсь, это не звучало слишком жалко.

— Он задолжал мне, а я был должен моему другу, — сказал Уилмос. — У него доходный маршрут, а также ваучеры с нескольких досуговых планет, из-за этого на него сильно давили. Ему был нужен хороший человек для обеспечения его безопасности, и я на год дал ему Шона. Для того это тоже был неплохой вариант. Он хотел увидеть величие Вселенной, и он получил тур. Вы хотите, чтоб я ему что-то передал? — Спросил Уилмос. — Я, могу оставить сообщение для него. У меня есть коды судна.

Хм. Я счастливо улыбнулась.

— О чем речь! Это бы было прекрасно.

Уилмос набрал что-то на стекле ближайшего прилавка. Оно потемнело, а в углу появился маленький кружок со светящимися символами.

— Простите, отправить можно лишь текстовое сообщение. Они слишком далеко для видеосвязи. — Он снова набрал что-то на кружке, поворачивая его кончиками пальцев. Внизу прямоугольника загорелась английская клавиатура. Мне предстояло отправить межзвездное сообщение.

— Прошу, — сказал он.

Мне нужно было написать что-то, о чем знал только Шон. Так я хотя бы могла выяснить, жив он или мертв. Я набрала «Это Дина. Яблони оправились».

Уилмос коснулся светящегося символа. Сообщения ярко засветилось и исчезло. Секунды тянулись за секундами. Я терпеливо улыбалась.

Высветилось ответное сообщение. «Говорил же тебе, что я не ядовитый».

Шон был жив. Больше никто не знал, что я едва не прибила его метлой за то, что он метил территорию у меня в саду.

— Что-нибудь еще? — спросил Уилмос. Он пытался казаться беспечным, но не сводил с меня пристального взгляда.

— Нет, это все. Премного благодарна.

— В любое время. Я уверен, он посетит нас, когда получит отпуск на берег.

— Мы будем рады ему в любое время, и вам тоже. Идем, Чудовище.

Чудовище рыкнуло на прощание Горвару, и мы вышли из магазина, присоединились к толпе и продолжили идти вниз по улице.

Это не имело никакого смысла. Уилмос создавал и продавал оружие. Некоторые механизмы в его магазине выглядели слишком новыми, чтобы быть антикварными. Он, должно быть, имел много связей у солдат в мире наема... Когда Уилмос признал Шона, он совсем расклеился. Шон был естественным биологическим ребенком двух альфа — оборотней, которые не должны были пережить гибель планеты. Но Шон был сильнее, быстрее и более смертоносным, чем девяносто девять процентов беженцев — оборотней, разбросанных по всей галактике. Уилмос относился к Шону, так, как если бы тот был чудом.

— Вы не удержите чудо на корабле, в качестве охраны. Есть много способов, чтобы увидеть величие Вселенной.

Это все равно, что обнаружить последнего тасманийского волка и продать его какому-то богачу забавы ради. Что-то тут не сходилось.

Уилмос не хотел, чтобы я знала, чем занят Шон. Я не знала почему, и очень хотела это выяснить.

Мне потребовалось почти полчаса, чтобы добраться до места пребывания Острошипа. Владелец магазинов указал мне на дверь, но там было еще три этажа, и я должна была пройти вверх, чтобы попасть на террасу. Острошипы были уединенной расой, гордыми, склонными к драме и к насилию, когда загнаны в угол. Пара из них остались в гостинице моих родителей и пока все шли своей дорогой, они были совершенно сердечны, но если появлялась любая малая проблема, они ставили восклицательные знаки в конце всех своих предложений.

Моя мама не любила иметь с ними дела. Она была очень практичной. Любую проблему могла разложить по полочкам и выяснить, как лучше ее решить. Из того, что я помнила, Острошипы отнюдь не всегда хотели решения своих проблем. Они хотели возможности потрусить когтистыми кулаками в небо, взывая к богам и вести себя так, как будто настал конец света.

Мой отец был великолепен в обращении с ними. До того, как он стал владельцем гостиницы, он был очень хорошим считывателем, отлично умел читать следы и метки, и он умело обращался с нашими самыми трудными гостями. Вскоре они ели из его рук. Я попыталась вспомнить, что он говорил мне об этом. Что это было? Что-то об игре...

Я пересекла террасу к каменному мосту. Мост не имел никаких рельс и был едва двух футов в ширину. С другой стороне мост вливался в узкий балкон с темной деревянной дверью. Глубокие следы, как будто что-то с нечеловеческой силой и острыми, как бритва когтями, атаковали дверь... Я прищурилась. Царапины вписывали фразу, которая повторялась на нескольких языках. НЕ ВХОДИТЬ. Замечательно.

Я наклонилась, и посмотрел под мост на улицу. По меньшей мере, пятьдесят футов до улицы. Если Острошип выпрыгнет из двери и столкнет меня с моста, я умру точно. Я бы стала Диной — блин. Чудовище заскулила.

Я подхватила ее на руки и стала не спеша переходить мост. Я ничего не имела против высоты, но не отказалась бы сейчас от поручня.

Шаг, еще шаг. Я ступила на балкон и постучала. Не успела я постучать второй раз, как дверь распахнулась, и в проеме возник темный силуэт. На меня уставились два горящих белых глаза и рот, полный острых зубов.

Пасть раскрылась и низкий голос проревел:

— Убирайся прочь!

Дверь с лязгом захлопнулась прямо у меня перед носом.

Я моргнула. Ты издеваешься! Я постучала еще раз.

Дверь распахнулась от рывка мощной рукой, и зубы рывкнули мне в лицо.

— Что? Что еще? Я должен тебе денег? Так что ли? Нет здесь денег! Нет у меня ничего!

— Мне нужен шеф-повар.

Повисло негодующее молчание.

— Вот оно что. Ты пришла надо мной поиздеваться. — Темные губы дрогнули, обнажая клыки размером с мои мизинцы. — Может, мне ТЕБЯ ПРИГОТОВИТЬ НА ОБЕД!

Шерсть на Чудовище встала дыбом. Из лап выскользнули крючковатые когти. Ее рот раскрылся неестественно широко, демонстрируя четыре ряда бритвенно-острых зубов. Она лязгнула зубами и издала пронзительный вопль.

— Ауууууууууууу!

Острошип, опешив, попятился назад и заревел.

Чудовище сделала молниеносный выпад вперед, щелкнула зубами воздух и стала вырываться у меня из рук. Если он опять захлопнет перед нами дверь, она превратит ее в конфетти.

— А ну оба прекратите! — рывкнула я.

Чудовище умолкла. Острошип прислонился к дверному косяку.

— Что тебе нужно?

— Мне нужен повар.

— Святая Мать Возмездия, так уж и быть. Входи. Маленького демона можешь тоже взять с собой.

Я последовала за ним через проем в узкий коридор. Стены были измазаны грязью, высохшей со временем. Коридор выходил в такую же грязную гостиную. Стекла в окнах были выбиты, один темный осколок торчал из верхней части рамы. Грязь лежала по углам, собралась возле стен, как дюны в пустыне. Грязный диван стоял посередине комнаты. Грязная высокотехнологическая пена торчала через разрывы в его обивке. Груды деревянных щепок заполнили опаленное металлическое ведро перед диваном. Должно быть, он разводил костер в ведре, когда мерз. Ветер принес кислый отвратительный смрад. Я взглянула через окно. Под нами стояли огромные бетонные чаны. Один был наполнен чем-то, похожим на известь, а другой с какой-то темной субстанцией. Остальные три чана были наполнены красными, синими и желтыми красителями. Высокие птичьи существа пробирались через чаны красителей, помешивая что-то ногами. Это должно быть кожевенный завод. Что, вероятно, означало, что субстанция в другом чане является птичьим пометом. Ветер швырнул очередную дозу зловония. Я зажала ладонью рот и нос, и прошла через следующий дверной проем.

Древняя кухня стояла передо мной. Дешевые деревянные шкафы были очень чистыми, они светились. Столешница, один кусок простого камня, была отполирована почти до зеркального блеска. Блок мясника был вырезан ножом из простого куска дерева, он стоял рядом с древней, но чистой печью. Контраст был настолько внезапным, я бросила взгляд на гостиную, чтобы убедиться, что мы все еще находились в том же месте.

Острошип повернулся ко мне, и я наконец-то увидела его на свету. Даже слегка сутулясь, ростом он был выше двух метров. Шоколадно-коричневый мех покрывал его мускулистое тело спереди, перетекая в густой лес тридцатисантиметровых игл на спине. Вот почему хранители отелей предпочитали называть их Острошипами. Их настоящее название было слишком сложным для произношения.

Его торс был отдаленно человекообразным, но его толстая мускулистая шея была длинной и выступающей вперед. Его голова была треугольной, с хищной собачьей мордой, оканчивающейся чутким черным носом. Его руки имели по четыре пальца и два больших пальца, каждый палец был длительный и элегантный. Двухдюймовые длинные черные когти выходили с пальцев. Моя память мне напомнила, что Острошипы были хищниками. Они не охотились на людей, но они не против оторвать хотя бы и одну часть от них.

— Что тебе известно? — Острошип пристально посмотрел на меня. У входной двери его глаза показались мне абсолютно белыми, но теперь я разглядела бледно-бирюзовые радужки с узкими черными зрачками.

— Ты был Красным Тесаком, но был лишен сертификата из-за того, что якобы кого-то

отравил.

— Я никого не травил. — Острошип покачал головой, зашуршав иглами. — Я все тебе объясню, а затем можешь уходить, хлопнув дверью. Я работал в Голубом Алмазе на Бухарпуре. Не думаю, что ты знаешь о нем, или где он находится, поэтому просто поверь мне на слово — это настоящая жемчужина ресторанного бизнеса в отеле умопомрачительной роскоши.

Несложно в это поверить. Имплант, позволявший говорить ему на английском, был, несомненно, высокого качества.

— Мы проводили торжество для соседней системы на три тысячи существ. Я был за все ответственен. Все шло как по маслу, пока мой су-шеф не получил взятку и не подал одному из принцев отравленный суп. Принц рухнул замертво прямо во время обеда.

— Выходит, ты никого на самом деле не травил? Тогда почему тебя лишили ранга?

— Не в этом дело! — всплеснул руками Острошип. — У меня два миллиона вкусовых сосочков. Я могу учуять каплю сиропа в бассейне размером с этот дом. Я знаю на вкус тысячи ядов. Если бы я попробовал блюдо, прежде чем отдать его с кухни, я бы обнаружил в нем яд. Но я его не попробовал. Я пробовал ингредиенты на свежесть, я пробовал суп во время готовки, но Су проработал со мной десять лет, мы обслуживали банкет на три тысячи персон, и я отдал суп на стол. В момент, когда присутствие яда дало о себе знать, вся Галактика узнала, что я отдал с кухни суп, не попробовав его.

Он со страдальческим видом привалился к стене, прикрыв глаза рукой.

— Я спрошу прямо — они забрали твой Тесак, потому что ты не попробовал суп?

— Да. Я сделал это. Позволил этому случиться. — Острошип махнул рукой. — Теперь ты знаешь о моем позоре. Два десятилетия подготовки, десять лет ученичества, два десятилетия существования шефа. Почести, которые я получил, блюда, которые я создавал... я был восходящей звездой, и я бросил все это. Надеюсь, тебе понравилось мучить меня. Дверь там.

Теперь это имело смысл. Он наказывал себя. Он жил в этой лачуге над кожевенным заводом, но его кухня была по-прежнему безупречной, независимо, как он хотел деградировать, его профессиональная гордость не позволит ему позорить кухню.

— Мне все равно нужен повар, — повторила я.

Он оскалился на меня.

— Ты не слышала? Здесь. Нет. Повара.

— Я хранитель гостиницы с Земли. Я управляю очень маленькой гостиницей, и мы принимаем миротворческий саммит. Я отчаянно нуждаюсь в шеф-поваре.

Иголки на его спине встали дыбом.

— Здесь. Нет. Повара.

Я, наконец, вспомнила, что мне рассказывал отец. Это просто всплыло в моей голове. Шекспир сказал — весь мир-театр, а люди в нем актеры. У них свои есть выходы, уходы. Так что, Дина, пусть у них будет свой монолог.

Мой будущий шеф-повар был истеричным ежом-переростком с комплексом мученика. Было видно, что он любит свою работу. Мне нужно было заманить его работой, позволить ему сыграть свою партию и показать, что пришло время завязывать с мученичеством. Для него была новая роль, и наконец-то настала белая полоса.

— В саммите примут участие три стороны, — сказала я. — Минимум по шесть человек из каждой, возможно, больше. Святую Анократию представляет клан Крар и другие, под

руководством Маршала. Все они привыкли питаться наилучшим образом. — Что было не совсем правдой. Вампиры были хищной расой. Их кухня была изысканной, но с тем же удовольствием они могли прокусить шею первого попавшегося животного, насадить его на вертел и зажарить над костром.

Острошип смотрел на меня. Я завладела его вниманием.

— Второй делегацией на саммите будет Сокрушительная Орда под предводительством Ханум.

Острошип моргнул.

— Ханум собственной персоной?

— Конечно, еще и с сыном.

Его глаза распахнулись. Он переваривал услышанное. Может...

Острошип прислонился к стене и покачал головой.

— Нет. Просто нет. Я уже не тот, кем был раньше.

Ничего страшного.

— Еще будут Торговцы из Баха-чар. Они испорчены роскошью и у них очень привередливый вкус.

— Какой клан?

— Семья Нуан Сее. В придачу к ним, еще Арбитр и его люди.

Я могла почти почувствовать вычисления в его голове.

— Как долго?

— Я не уверена, — честно сказала я.

— Какой бюджет?

— Десять тысяч для начала.

— В земной валюте, в долларах?

— Да.

— Невозможно!

— Для обычного повара — невозможно. Но не для «Красного Тесака».

— Я уже не он. — Он картинно возвел глаза к небу. — Где-то боги смеются надо мной.

Надеюсь, я правильно его поняла.

— Это не шутка. Это — вызов.

Его глаза стали абсолютно белыми, когда он уставился на меня. Ну же, заглывай наживку.

— Я не могу. — Он закрыл глаза и покачал головой. — Я просто не могу. Этот позор, это слишком...

— Я понимаю. Это слишком для любого повара, кроме настоящего мастера своего дела.

Он резко обернулся.

— Ты намекаешь, что я что-то меньшее?

— Ты?

Он вздохнул.

— Что случилось с вашим предыдущим поваром?

— Вообще-то, обычно готовлю я. Но сейчас это выходит за пределы моих возможностей. Я буду очень занята, следя за тем, чтобы наши многоуважаемые гости друг друга не поубивали.

— А как же остальной персонал? — спросил он.

— Он нам не понадобится. Гостиница будет сама обслуживать гостей, следуя твоим

указаниям.

Он открыл рот.

— Я пришла сюда найти шеф-повара, — сказала я. — И я не собираюсь уходить отсюда без него.

— Мой дух сломлен.

Я обвела рукой комнату.

— Кухня говорит об обратном.

Он осмотрелся вокруг, словно увидел кухню в первый раз.

— Она, может быть, не голубая жемчужина, но это кухня шеф-повара, которого берет гордость за свою работу. Ты можешь пойти со мной и победить, преодолев огромные трудности, или ты можешь отвергнуть вызов богов и остаться здесь. Ты бы предпочел быть героем или мучеником? Твой выбор?

Острошип обследовал мою кухню. Я не достаточно хорошо знакома с мимикой их лица, чтобы определить его со сто процентной точностью, но если бы мне пришлось угадывать, это было бы где-то между шоком, отвращением и отчаянием.

Острошип издал тяжелый вздох.

— Ты хочешь, чтобы я здесь готовил?

— Да.

Он закрыл глаза на длительное время.

— Кладовая? — спросил он, его глаза по-прежнему были закрыты.

— Вот здесь, — я указала на дверь в стене.

Он открыл глаза, взглянул на дверь, через которую мы вошли, и которая показала стены шириной около шести дюймов, и уставился на дверь.

— Это шутка?

— Нет.

Его когтистая рука сомкнулась над ручкой, и он решительно распахнул ее. Пятьсот квадратных футов пространства расстилалось перед ним, девять футов высотой стены выстроились с металлическими полками, поддерживающих ассортимент кастрюль, сковородок, посуды и кухонной утвари. Сухие товары ждали, как солдаты на параде, каждый в прозрачном пластиковом контейнере с этикеткой. Промышленный морозильник высотой по грудь, стоял у стены рядом с двумя холодильниками.

Острошип закрыл дверь, двинулся обратно к дверному проему, осмотрел стены, вернулся и снова открыл дверь. Он уставился в кладовую на длительное время, быстро закрыл дверь и дернул ее снова, открывая. Кладовая по-прежнему была там. Магия была замечательной вещью.

Острошип осторожно вытянул левую ногу и поставил ее на пол кладовой, словно ожидая, что вырастут зубы и залпом его потянут вниз. Вопреки его ожиданиям, пол оставался твердым.

— Ну как? — спросила я.

— Сгодится, — ответил он. — Кого я буду обслуживать этим утром?

— Меня и Калдению. Возможно, еще Арбитра и его свиту. Он упоминал троих людей.

— Калденция? — Его шипы встали дыбом. — Калденция как рет Магрэн? Летере Оливионе?

— Да. Это будет проблемой?

— Я не имел удовольствия ее обслуживать, но я, конечно же, о ней знаю. Она одна из

самых прославленных гурманов в Галактике. Ее вкус является определением утонченности.

Интересно, чтобы он сказал, если бы узнал, что обладательница этого утонченного вкуса в последнее время объедается луковыми кольцами с газировкой.

— Гостиница тебе поможет. Если тебе что-нибудь понадобится, просто попроси. — Я повысила голос. — Пожалуйста, мне нужна двухлитровая кастрюля.

Нужная кастрюля скользнула вперед на средней полке.

— Гастрономический коагулятор, пожалуйста, — сказал Острошип.

Ничего не шлохнулось. Острошип посмотрел на меня.

— Ничего не происходит.

— У нас его нет. — Единственный известный мне коагулятор использовался в хирургии.

— Ты хочешь, чтобы я обслуживал вампиров и Калдению без коагулятора?

— Да.

— Погружной циркулятор?

— Нет.

— Прибор для сферификации?

— Я даже не знаю, что это.

— Это — устройство, которое создает сферы, погружая капли жидкости в раствор, например хлорид кальция, заставляя капли сформировать твердую кожу над жидким центром. Они появляются неожиданно, во рту под давлением ваших зубов.

Я покачала головой.

— У вас хотя бы есть электромагнитные весы?

— Нет.

Он всплеснул руками.

— Ну, а что тогда есть?

— Кастрюли, сковородки, ножи, миски, мерные чаши и столовое серебро. А еще противни и формы для выпечки.

Острошип откинулся назад и возвел глаза к потолку.

— Боги смеются надо мной.

Только не начинай.

— Это вызов.

Он размял руки, согнул локти, его когтистые руки указывая на небо.

— Отлично. Как первобытный дикарь, который выступает, чтобы приручить дикую местность, вооружившись ножом и его несгибаемой волей, я буду упорствовать. Я буду бороться за победу от жадных челюстей поражения. Я воскресну, как хищная птица на потоке ветра, мои когти подняты для убийства и я сделаю этот удар.

Ого. Надеюсь, гостиница это заснимет.

— Во сколько вы обычно завтракаете?

Часы подсказали мне, что было уже четыре часа утра.

— Через три часа.

— Завтрак будет подан через три часа. — Он склонил голову. — Можешь звать меня Орро. Хорошего дня.

— Хорошего дня, шеф.

Я вышла из кухни и поднялась по лестнице. Если я не посплю, то у меня начнутся галлюцинации.

Калдения вышла на лестницу со своей стороны.

— Дина, вот ты где.

— Да, Ваше Изящество?

Металлическая кастрюля зазвенела на кухне.

Калдения нахмурилась.

— Погоди, если ты здесь, то кто тогда на кухне?

— Дэниел Бун, приготовление еды с его когтями.

— Люблю твое чувство юмора, но кто там на самом деле?

— Повар-Острошип, бывший «Красный Тесак». Его зовут Орро, и он будет готовить еду для банкета.

Калдения улыбнулась.

— Шеф-Острошип. Моя дорогая, не стоило. Вернее, стоило еще давным-давно, ведь он не должен быть меньшего ранга. Наконец-то. Я буду обедать подобающим мне образом. Фантастика. У него есть моральные принципы? Я не без оснований уверена, что на этом саммите произойдет минимум одно убийство, а я никогда не пробовала отрокара.

— Позвольте на этом откланяться. — Я зашла к себе в комнату, сняла ботинки, свою мантию, джинсы и рухнула в постель, и заснула.

Гостиница разбудила меня без пятнадцати шесть, и я поплелась в душ, который отлично согнал сонливость, но никак не повлиял на мой внешний вид. Лицо у меня опухло, под глазами были мешки, как у алкоголика, да и вообще — выглядела я так, будто неделю не просыхала, и только сегодня решила выйти из запоя.

Исправлять это не было времени, поэтому я чуток подкрасила ресницы, припудрилась, надела легкие треники со свободной футболкой (на тот случай, если придется много двигаться), и достала свой любимый балахон. Темно-синий, очень эластичный и удивительно легкий, он был сделан из паучьего шелка и был прочнее кевлара. Надеть его было все равно, что завернуться в шелковую броню. Он не мог остановить пулю, зато спокойно выдерживал удар ножом. Мама подарила мне его на мое восемнадцатилетие.

Меня охватила грусть, такая сильная, что я застыла, сжав балахон в руках. Я хотела, чтобы мама вернулась. Я хотела ее возвращения сейчас же, в сию же секунду, словно я вернулась в детство и будто испуганный малыш, хотела обнять ее и позволить себя утешить. Я вздохнула, пытаясь избавиться от внезапно нахлынувшей боли в груди. Одна надежда на возвращение моих родителей — большое количество посетителей в моей гостинице. Сегодня будет сорок гостей, и я пристально буду следить за реакцией каждого, когда они увидят портрет моих родителей. Я оделась.

Балахоны были традиционным одеянием хранителей. Мой отец говорил, что они выполняют две задачи: скрывают тело, чтобы противникам было сложнее в тебя попасть, и придают тебе «определенную ауру таинственности». Мне эта таинственность как раз пригодится. Три делегации на этом саммите представят своих лучших людей. Каждый вампир сам себе был крепостью, каждый отрокар обладал недюжинной силой, а семейство Нуан Сее не знало жалости. Это заставит их трижды подумать, прежде чем выкинуть какую-нибудь глупость.

Гостиница загудела, сообщая о приливе магии за моим садом. Я подхватила метлу, вышла из спальни и направилась через коридор к стене. Чудовище уже успела куда-то запропасться.

— Экран, пожалуйста.

Стена распахнулась и отступила назад, выпуская большой экран.

— Вид с камер в саду.

Экран загорелся, показывая поле за моим яблоневым садом. В футе над травой образовалась плотная сфера, будто бы прозрачная жидкость, заключенная в трехметровый пузырь. Пузырь лопнул, оставив на траве троих мужчин и большую платформу на колесиках, нагруженную сумками. Первым был Арбитр, высокий и светловолосый, облаченный в темно-серые брюки, такую же рубашку, черный жилет с золотой вышивкой и ботфорты. Мужчина справа от него был на голову ниже и фунтов на сто тяжелее, с широкими плечами, массивной грудной клеткой и мощными руками. Высокотехнологичная боевая броня покрывала его торс, очерчивая контуры плоского живота, будучи явно изготовленной на заказ. Просто он был слишком большим, чтобы ему подошло что-то из вещей для человека средней комплекции.

Его темные волосы были небрежно собраны в конский хвост, а тело излучало силу и власть. Казалось, он недвижим, будто каменный колосс — но тут он шагнул вперед,

удивительно легко двигаясь. Было нечто странное в его лице. Пропорции были не совсем правильные как для человека.

— Увеличить, пожалуйста.

На экране возникло лицо мужчины. Его кожа была оливкового оттенка, а глубоко посаженные под густыми бровями глаза оказались удивительно светло-серыми — такого серебристого оттенка большинству людей удавалось добиться лишь с помощью контактных линз. Его челюсть была слишком тяжелой и мощной — такие я обычно видела у старых седых вампиров — за тем исключением, что он точно был не вампиром. Я повидала много различных существ, но это было для меня в новинку.

Сероглазый взялся за ручку платформы, и гости направились к дому.

Третий мужчина был почти так же высок, как и Арбитр, но если Джордж обладал элегантной, отточенной грацией фехтовальщика, то этот человек всем своим видом внушал скрытую агрессию. Он не шел, он крался — неторопливо, тихо, осторожно. Его волосы темно-красного оттенка были взъерошены. Одет он был во все черное, и хотя темные штаны и черный дублет скрадывали очертания его тела, было очевидно, что он обладал стальными мускулами. Рваный шрам пересекал его левую щеку словно маленькая, бледная звездочка на коже. Его взгляд был пристальным — так обычно смотрят бывалые солдаты.

Шрам казался таким знакомым... Я точно видела его и Арбитра раньше. Я просто не могла вспомнить где.

— Время начинать шоу, — пробормотала я, направляясь к лестнице.

Пока я спускалась вниз, меня окутал аппетитный аромат жареного со специями бекона. Чудовище вылетела из кухни, словно черно-белая молния, с маленькой полоской мяса в зубах. Вот ты где. Нашлась пропажа.

Я заглянула на кухню. Орро стоял у плиты, зажав в руке ложку. На огне шипело три разных сковороды, а по кухонному островку были разложены различные продукты.

— Прибыл Арбитр. Трое важных гостей, мужчины, вероятно, люди.

Он прорычал что-то и вернулся к помешиванию своей стряпни. Ну и ладно.

Я направилась к черному входу, подождала, пока постучат, и распахнула дверь.

— Добро пожаловать.

Джордж кивнул.

— Здравствуйте, Дина. Надеюсь, мы не слишком рано.

— Отнюдь. Как раз к завтраку. Входите.

Джордж прошел внутрь. Рыжеволосый последовал за ним. Третий мужчина оглянулся на платформу, которая была слишком велика, чтобы пройти в дверь.

Я улыбнулась.

— Пожалуйста, оставьте ее. Я о ней позабочусь.

Мужчина повернулся ко мне. За ним платформа беззвучно погрузилась под землю. Гостиница переместит сумки в их покои.

— Вам, наверное, тяжело, — сказал он глубоким голосом, — Я могу перетащить сумки по одной.

— Все хорошо, — заверила я. Позади него трава вернулась в прежнее состояние, как будто никакой платформы там и в помине не было.

Он оглянулся назад, потер глаза и глянул еще раз.

— Гастон? — позвал Джордж изнутри.

Здоровяк пожал плечами и вошел в гостиницу.

Я провела их в гостиную. Джордж приземлился на стул слева, Гастон занял диван, а рыжеволосый прислонился к стене и глубоко втянул воздух. Так раньше делал Шон. Этот человек был оборотнем. Не волком или котолаком Орды Солнца, но он точно являлся оборотнем.

— Завтрак будет подан в семь, — сообщила я.

— Пахнет божественно, — протянул Джордж, — Я прибыл пораньше, чтобы уточнить наш план.

Я села на свой любимый стул. В комнату вбежала Чудовище, заметила рыжеволосого и зарычала. Тот покосился на нее, а его верхняя губа предательски дрогнула, обнажая зубы. Да, определенно перевертыш.

— Пожалуйста, не пытайтесь запугать мою собаку, — предупредила я.

— Я никого не пугаю, — возразил рыжий. — Когда я решу напугать...

— Я об этом узнаю, — закончила я за него. — Она — не обычная собака. Если она вас укусит, мало вам не покажется.

Перевертыш разглядывал Чудовище.

— Угу.

Джордж улыбнулся.

— Это мой брат, Джек. А это — Гастон, наш кузен.

Любопытная семейка.

— Вы должны понимать, что и вампиры, и отрокары будут воспринимать Гастона как вызов.

— Я на это рассчитываю. Проще говоря, я — мозг операции, — сказал Джордж. — Гастон — ее мускулы. Его задача — привлекать внимание и угрожать. В этом он очень хорош.

Гастон ухмыльнулся, демонстрируя заостренные зубы.

— Джек — киллер, — продолжил Джордж. — Он знает других убийц, понимает их, и при необходимости, устранит физическую угрозу еще до того, как представится шанс нанести какой-либо ущерб.

Что-то с грохотом разбилось на кухне.

Вся троица посмотрела на кухонную дверь.

— Я знаю, что люди вашей профессии знакомы с отрокарами и вампирами, — произнес Джордж. — Возможно, мы могли бы сравнить познания?

Об архивах Арбитров ходили легенды — он наверняка уже знал все, что только можно, обо всех трех фракциях, участвующих в саммите. Это была всего лишь его попытка оценить глубину моих познаний. То ли он не был знаком с хранителями гостиниц (в чем я сильно сомневалась, судя по архивам), то ли он все еще недостаточно мне доверял, чтобы поделиться важной информацией (и это раздражало). Может, я просто стала вспыльчивой от недосыпа.

— Я бы с удовольствием...

Мою речь оборвал истошный рев Острошипа. Что опять?

— Прошу прощения. — Я встала и вышла на кухню.

Дверца дальнего шкафчика была распахнута, а возле нее стоял Орро, вздыбив на спине все иголки и обеими руками вцепившись в тарелку. Толстая древесная лиана удерживала ее противоположный конец, пытаясь вырвать ее у Орро и спрятать обратно в шкаф.

— Что происходит?

— Я разбил тарелку, а она не дает мне взять другую! — прорычал Орро. — Откуда мне было знать, что тарелки здесь доисторически хрупкие?

— Отдай ему тарелку, пожалуйста.

Щупальце отступило, и Орро качнулся назад с тарелкой в руках.

— Пожалуйста, помоги ему, — попросила я гостиницу.

Кухня закричала.

— Я понимаю, — кивнула я. — Но тебе нужно научиться с ним работать.

Орро помахал тарелкой.

— Я своего не отдам.

— Я в этом не сомневаюсь.

Я вернулась в гостиную и села обратно на стул, пододвинув его магией.

— Терминал, разделить экран, файлы по вампирам и отрокарам, пожалуйста.

На дальней стене появился широкий экран, левая половина которого показывала вампира, а правая — отрокара. Джордж поднял брови.

— Спасибо. С первого взгляда может показаться, что вампиры и отрокары являются схожими видами. Оба произошли из одной и той же хищной разновидности человека. Оба являются воинственными сообществами, сосредоточенными на идеях завоевания и захвата земель, преобладающими над другими формами материальных благ. Оба вида агрессивны и мгновенно отвечают жестокостью. В искусстве и религии обеих цивилизаций прослеживается высокое почитание воинской чести. В обеих культурах равенство полов. На этом сходство и заканчивается.

Верно подмечено.

— Вампиры Святой Анократии пытаются стать совершенными солдатами, — сказал Джордж

— Вампир, — пробормотала я. На экране крупным планом появился вампирский рыцарь в броне, размахивающий черно-красной булавой.

— Каждый рыцарь является универсальной машиной для убийства, воином, мастерски владеющим различными боевыми стилями.

Вампир на экране вступил в схватку с ящероподобным противником. Фиолетовая ящерица ухватила за его булаву и вырвала ее у него из рук. Вампир вытащил два коротких меча из ножен в броне и стал ими вращать, меняя позицию.

— Если пятьдесят вампиров окажутся на поле битвы, один из них будет командиром, а двое других буду служить ему сержантами, — продолжил Джордж. — Если лидер будет убит, один из сержантов займет его место, а лучший из солдат под его командованием станет сержантом. Они проходят через этапы военного обучения. Все начинают, как простые солдаты и получают начальную боевую подготовку. Те, кто с этим справляются, продолжают обучение и тренировки, достигая ранга рыцаря и признания среди рыцарства. Специализация встречается, но в целом, каждый вампир способен легко подстроиться. Ядро Святой Анократии, Дома аристократов, состоят из потомственных военных, являющихся военной элитой. У отрокаров все устроено по-другому.

— Отрокар, — шепнула я гостинице. Экран расширился, демонстрируя огромного мужчину-отрокара. Ростом он был выше двух метров и весил не меньше ста пятидесяти килограммов. Мускулы бугрились на его груди. Изображение растворилось, а на его месте возникло новое: другой отрокар, худой и ростом с метр восемьдесят, невероятно быстро вращающий перед собой двумя топорами.

— Вам, наверное, интересно, откуда взялось такое расхождение в размерах, — обратился ко мне Джордж.

Вообще-то, нет. Ни капельки не интересно. Я вздохнула и изобразила скучающий вид.

— В переходном возрасте тела отрокаров начинают продуцировать особый гормон, значительно изменяющий их телосложение. Если они начинают таскать тяжести, гормон дает им мышечную массу и делает их крупнее. Если они занимаются гимнастикой, то становятся более стройными и гибкими. Этот гормон возник в процессе эволюции как механизм адаптации, позволяя выживать в самых различных условиях климата. Дети, выросшие во время засухи — мельче, а те, что выросли в холодном климате — крупнее, и так далее. К несчастью для своего здоровья, отрокары с ним перестарались, и пока не организовали строгого контроля за подростками, некоторые из них выросли такими большими, что их хрящи стали изнашиваться от их собственного веса. Этот недуг зовется «Коленьями ветерана», и страдающие от него гости нуждаются в особом подходе.

В комнате повисла тишина.

Джек усмехнулся.

— Иногда он забывает, что мы глубоко не идиоты.

— Нет, я никогда не считаю людей идиотами, — возразил Джордж. — Я считаю, что порой им не нужно знать лишнего, ведь как показывает мой опыт, если кто-то на ключевой позиции знает то же, что и ты, это непременно приведет к катастрофе. Но мы сейчас говорим о высоком уровне специализации среди отрокаров. По достижению зрелости, выработка гормона прекращается, и они оказываются заложниками того выбора, который сделали подростками. Они обучаются лишь одной профессии, но осваивают ее превосходно.

— Получается, если необходимо взорвать мост на вражеской территории... — начал Гастон.

— Вампиры отправят команду из пятерых человек, — подхватил Джек. — Все пятеро будут знать, как собрать и как обезвредить бомбу.

— Отрокары отправят группу из двадцати человек, — продолжил Джордж. — Пятеро будут знать как управиться с бомбой, а остальные будут их прикрывать, пока они не доберутся до цели. У отрокаров большие семьи и численно они превосходят вампиров примерно 3 к 1. По отдельности, вампиры более умелые солдаты, из-за чего отрокары предпочитают набеги ордой. Вампиры находятся под управлением наследственной аристократии, в то время как повышение по рангу у отрокаров является меритократией вследствие соперничества за популярность. Различия между их идеологиями огромно; обе цивилизации испытывают огромное презрение друг к другу, не говоря уже о том, что сейчас они вовлечены в кровопролитную войну. Если представители их делегаций войдут в непосредственный контакт, стоит ожидать фейерверков.

— У них не будет возможностей для общения без надлежащего надзора, — сказала я, — Они размещены в максимум отдаленных друг от друга комнатах, доступ к столовой и залу у них разный. Если они попытаются навредить друг другу, то я им точно не завидую.

— И как вы себе это представляете? — спросил Джек, — Нам необходимо обсудить меры безопасности с вашей охраной.

Он издевается?

— Я владелица гостиницы. Мне не нужна охрана.

Он сузил глаза.

— Вы планируете удержать их порознь собственными силами?

— Да.

Гастон потер подбородок.

— Вы понимаете, что они профессиональные солдаты, — сказал Джек.

— Да.

Джек посмотрел на брата. Джордж улыбнулся.

Джек не остановится. Я распознала его тип. Может, он и не был из Солнечной Орды, но он был оборотнем и весьма походил на кота. Коты были самоуверенны и презирали любые авторитеты. Если Шон хотя бы давал мне возможность усомниться в своей своенравности, то Джек — нет. Пока я не щелкну его по носу.

— Вы профессиональный солдат? — спросила я.

— Было дело, — ответил Джек.

Ага.

— И я полагаю, вы быстрый и смертоносный?

Джек нахмурил брови.

— Конечно.

Я посмотрела на Гастона.

— Вы тоже профессиональный солдат?

Он ухмыльнулся.

— Я, скорее, искатель приключений.

Джордж тихо засмеялся.

— Я спас этих двоих от самих себя, — продолжил Гастон. — Время от времени я занимаюсь мошенничеством.

Чем?

— Мошенничеством?

— Взобраться по десятифутовой стене, выпрыгнуть из тени, сломать дипломату шею, подбросить ему фальшивые документы, предотвратить международный инцидент способный вылиться в войну, — услужливо пояснил Гастон. — Кошмарные дела, но весьма необходимые.

Действительно, своеобразное описание мошенничества. Я улыбнулась Джеку с Гастоном.

— Раз уж вы оба люди дела, это будет простая задача. Заберите у меня метлу.

Двое мужчин прикинули расстояние между нами.

Джек посмотрел на брата.

— Что-нибудь скажешь?

Джордж качнул головой.

— Нет, я только собираюсь позволить вам влезть в эту петлю. Вы хороши в работе.

Джек пожал плечами.

Гастон взмыл в воздух. Это был невероятно мощный прыжок, будто им пальнули из пушки, и летел он прямо на меня. Стена гостиницы треснула. Толстые, гибкие корни, мягкие из-за древесного волокна, но проворные, словно щупальца, устремились из разлома, схватили Гастона прямо в воздухе и скрутили его в кокон. Джек проскочил под Гастоном. Щупальца гостиницы устремились за ним вслед, но он вывернулся, будто его суставы были жидкими, и ускользнул из предела их досягаемости. Это было увлекательное зрелище. Я позволила ему подобраться на расстояние трех футов и стукнула метлой об пол. Древко метлы расщепилось, и в Джека ударила ярко-голубая молния. Он содрогнулся, бревном

рухнув вниз.

Джордж метнул что-то так быстро, что движение его руки промелькнуло смазанным пятном. Лианы кинулись на перехват, и четырехдюймовый дротик упал на землю, не причинив вреда. Пол гостиницы расступился, и Джек утонул в нем по самую шею. Комната вокруг меня слегка растянулась, ожидая. Метла в моей руке перестроилась. Я щелкнула пальцами, и пол потянулся вверх, с легкостью свернувшись, чтобы поднять Джека на уровень моих глаз. Над ним нависал Гастон, подвешенный вверх тормашками. На виду было лишь его лицо.

— Ладно. Теперь это уже не так легко, — разочарованно пробормотал сероглазый мужчина.

Я повернулась к дальней стене, направив на нее свою магию. Дерево растворилось. Перед нами раскинулось мелкое бледно-оранжевое море под аметистовым небом. В отдалении из воды поднимались заостренные пики. В лицо мне ударил ветер, принеся с собой запах моря и водорослей. Отлично. То, что надо.

Рябь взволновала поверхность моря. Огромный треугольный плавник с длинными шипами прорезал воду будто нож, направляясь к нам.

— Гостиница является моей собственностью, — заявила я. — Здесь я главная. Если вы продолжите мне досаждать, я вышвырну вас в этот океан и оставлю там на ночь.

Хвост отделяло от нас всего каких-то метров двадцать.

Девятнадцать.

Пятнадцать. Из-под воды показалась блестящая голубая шкура.

Стена встала на место прямо перед вынырнувшей из океана огромной пастью, усеянной острыми зубами.

Калдения спустилась по лестнице.

— О-о. Уже берешь кого-то в плен с утра пораньше, дорогая?

Если бы только это.

— Позвольте представить — Калдения как рет Магрэн, — произнесла я. — Ее Милость — постоянная гостья нашей гостиницы.

Джордж встал с диван и отвесил безупречный, изысканный поклон. Я позволила лианам освободить Гастона, и тот мягко опустился на пол и тоже поклонился.

— Вы собираетесь меня отпустить? — тихо спросил Джек.

— Как раз над этим думаю.

— Значит, Гастона отпустить можно, а меня нет?

— Он мне нравится больше, чем вы.

Джек ухмыльнулся, глядя на меня.

— Справедливо. Я сам напросился.

Я растворила пол и позволила Джеку тоже представиться Калдени.

Джордж подошел ко мне.

— Я не знал, что вы умеете открывать пространственные врата.

— Я — нет, но вот Гертруда Хант может.

Кашель заставил меня обернуться. Орро стоял в дверях маленькой столовой.

— Завтрак готов, — объявила я.

Трое мужчин, Калдения и я прошли в столовую, и расселись вокруг массивного старого стола. Щупальца выскользнули из стены, бережно опуская передо мной тарелку. Я моргнула. Жареное яйцо, толщиной с тончайшую бумагу, было свернуто в причудливый мешочек,

наполненный маленькими ломтиками золотистой картошки, измельченной колбасой и крохотными кусочками грибов. Из центра смеси «произрастал» тонкий зеленый стебелек, усеянный изящными розовыми цветочками, вырезанными из клубники. Небольшая корзинка, сплетенная из узких полосок бекона стояла рядом с яйцом-мешочком, желток — глазунья был посыпан специями и рядом с ним цветок из огурца, лепестки, которого были, как по конвейеру, расположены на нем с хирургической точностью. Это было так красиво, я не знала, стоит ли это съесть или повесить в рамку. Один аромат, чего только стоил.

— Яйца в трех видах! — объявил Орро и удалился на кухню.

* * *

Яйца в трех видах оказались невероятно вкусными. Дегустация их Калдений сама по себе была зрелищем. Ее Изыщество осторожно попробовала наполнение яичного мешочка, подцепила зубцами вилки свернутый в трубочку желток, подняла крохотную корзинку из бекона и грациозно отправила ее содержимое в рот. Блеснули острые хищные зубы, захрустел бекон, и она вытерла губы салфеткой.

Со своего места я могла видеть кусочек кухни в дверном проеме. Там стоял Орро, застыв у кухонного острова с полотенцем в руках.

Ее Изыщество опустила салфетку.

— Изысканно.

Все иголки Орро встали дыбом. Какое-то мгновение, он выглядел точь-в-точь как надутая рыба-шар, которую можно купить в игрушечном магазине. Через секунду его иглы вернулись на свое место, и он продолжил протирать кухонный остров.

Ланч был подан в двенадцать и состоял из блюда под названием «цыпленок со сливками и овощами», которое оказалось запеченной курицей с хрустящей корочкой и настолько нежным мясом, что оно распадалось от одного касания вилки. Все это было дополнено свежим шпинатом, цитрусовыми, миндалем и какой-то божественной заправкой. Я не могла позволить себе оставить Орро. Его услуги были слишком дорогими, но я не могла не насладиться его мастерством, пока была такая возможность.

К шести тридцати все было готово, и я ожидала на заднем крыльце, облачившись в свою мантию. Условленным местом прибытия было поле за моим садом, где кусты и деревья могли бы скрыть большую часть световых эффектов от прибытия гостей. Я бережно переместила шесть яблонь на несколько ярдов в сторону, чтобы у нас получился свободный проход через сад, и со своего места я могла видеть поле со свежескошенной травой. Небо было пасмурным, обещая ранний, хмурый вечер с последующей промозглой ночью. Налетел холодный ветерок, засвистев в кронах деревьев.

Почти сорок гостей, большинство из которых были высокопоставленными. Один неверный шаг и моя репутация вкупе с рейтингом гостиницы пойдут прахом. Мои мысли продолжали крутиться вокруг приготовлений: покои, бальная зала, инструктаж Орро... В последнюю минуту я активировала стойла, ведь Торговцы из Баха-чар порой путешествовали с животными. Они не всегда так делали, но когда мои родители принимали их у себя, они обычно являлись с вьючным животным или домашним питомцем. Много лет назад гостиница уже построила стойла, и мне оставалось только достать их из подземного

хранилища. Их подъем на поверхность вымотал и меня, и гостиницу, но так была гарантия, что никому не придется гарцевать под дождем на мокром динозавре, пока я в спешке буду их извлекать.

Я все продумала. Пройдясь по списку дел, я вычеркнула каждый пункт, но все равно оставалась на взводе. Будь я двигателем, то уже слишком долго работала бы на холостом ходу. Я могла справиться с сорока гостями. Мне приходилось справляться и с большим количеством в гостинице родителей, правда, только короткое время, и никто из них не воевал между собой.

Все будет хорошо. Это была моя гостиница, и никакое количество гостей не могло этого изменить.

Я коснулась рукой столба, поддерживающего крышу над задним крыльцом. Магия гостиницы соединилась с моей, беспокоясь. Гостиница нервничала тоже.

Столбики с крышей были новой пристройкой, которую гостиница вырастила самостоятельно. Сама того не сознавая, я обзавелась привычкой выходить на задний дворик, бывший бетонной террасой, и любоваться деревьями. Иногда я могла прихватить с собой складной стул и читать. Техасское солнце не знало пощады и после того, как я сторела во второй раз, задержавшись на пару лишних минут, гостиница взяла дело в свои руки, вырастив навес из дерева и камня. Еще она заменила бетонную площадку красивыми каменными плитами, и я понятия не имела, где гостиница умудрилась их раздобыть.

— Все будет хорошо, — прошептала я дому, поглаживая дерево кончиками пальцев. Магия гостиницы потянулась ко мне, утешая.

— Так и будет, — сказал Джордж. Он стоял рядом со мной, облаченный в тот же костюм, что и утром, держа в руках трость с богато украшенным набалдашником темного дерева, инкрустированного серебряными завитушками. Я бы не удивилась, если бы там был спрятан нож. Вместе с тростью, у него внезапно появилась легкая хромота. Похоже, Арбитру нравилось производить обманчивое впечатление. Позади нас Гастон с Орро вели тихую беседу. Окно было открыто и их голоса доносились до нас.

— Так если это было твое первое блюдо, то почему яйца? — спросил Гастон. — Почему не икра или трюфели или что-нибудь мудреное?

— Рассмотрим *coq au vin*, — начал Орро. — Даже самый простой рецепт этого блюда требует длительного процесса. Сперва, нужно обзавестись хорошей курицей и мариновать ее в бургунде два дня. Затем промаринованные, тонкие кусочки бекона должны быть прожарены на сковороде. После того, как курица приобретет коричневый цвет, ее нужно облить коньяком и поджечь.

Это был определенно земной рецепт, в частности, французский. Где он умудрился его выучить?

— Затем курица должна быть приправлена. Соль, перец, лавровый лист и тимьян. Нужно добавить лук, довести до кипения, затем равномерно присыпать все мукой и продолжить томить на медленном огне. Добавить больше ингредиентов — бекон, чеснок, куриный бульон, грибы — пока все не смешается в одно целое с восхитительным, гармоничным вкусом.

— От твоего рассказа у меня слюнки текут, — вставил Гастон. — Но я все равно не улавливаю сути.

— Ни один отдельный ингредиент не является изюминкой этого блюда, — продолжил Орро. — Они являются одним целым. Я мог бы приготовить его дюжиной разных способов,

меня пропорции продуктов и специй, и создавая новые вариации. Как приготовлен бульон? Насколько выдержано вино? Студент-кулинар второго курса может приготовить это блюдо и оно выйдет съедобным. Сложность в его приготовлении позволяет менять рецепт. А теперь рассмотрим простое яйцо. Вероятно, это старейшая пища, известная на просторах вселенной. Яйцо — это просто яйцо. Если готовить его слишком долго, оно станет твердым, если же наоборот — превратится в желейную массу. Достаточно неаккуратно задеть желток — и блюдо будет испорчено. А если поцарапать его нежную поверхность, очищая от скорлупы, то ни один кулинарный эксперт не сможет этого исправить. Яйцо не терпит ошибок. Вот где может блеснуть настоящее мастерство.

Джек проскользнул сквозь кухню и вышел на крыльцо.

— Через два дома вниз по улице стоит полицейская машина. Какой-то коп следит за гостиницей.

Я вздохнула.

— Должно быть, это офицер Мараис. — Как по расписанию.

— Нам стоит о нем позаботиться? — спросил Джордж.

— У нас с офицером Мараисом своя история.

Все люди обладают магией. Большинство не знает, как ей пользоваться, потому что никогда и не пытались, но магия все равно находит лазейки себя проявить. У офицера Мараиса она превратилась в интуицию. Он нутром чуял что-то неладное во мне и Гертруде Хант, и хотя не мог этого доказать, отступить не собирался. Офицер Мараис был добросовестным и трудолюбивым, и вероятно, когда сверхчутье сообщило ему, что грядет нечто «неладное», он примчался в Авалон и устроил слежку из засады.

— У него сверхразвитое чувство интуиции, — пояснила я. — Поэтому я убедилась, что все гости будут прибывать через сад. Пока он ничего не заметит, все будет в порядке.

— Ты связался с делегатами? — спросил Джордж.

Джек кивнул.

— Отрокары будут в семь, Торговцы в семь тридцать и вампиры в восемь. И еще я слышал кое-что интересное из центрального управления. Там сказали ждать неприятностей от вампиров.

Джордж поднял бровь.

— Дом Ворга.

Джек вздохнул.

— Раздражает, когда ты знаешь все еще до того, как я тебе расскажу.

— Ты сам сказал. — Джордж повернулся ко мне. — Делегация включает в себя рыцарей из каждого Дома, задействованного в военных действиях на Нексусе в настоящее время. Это три старших Дома и два младших. Все старшие Дома изначально были настроены на мирные переговоры; тем не менее, в последние дни Дом Ворга начал склоняться в пользу продолжения конфликта.

— И что это значит? — спросил Гастон из кухни.

— Могу предположить то же, что и ты. — Джордж поморщился. — Это может означать, что Дом Ворга вступил в тайный альянс с Домом Миир, чтобы сокрушить остальные Дома Или что кого-то из Дома Крар оскорбил кого-то из Дома Ворга, наступив на их тень, надев неправильный цвет, или не выдержав паузу перед священным алтарем. А может, кто-то просто увидел, как птица летит не в ту сторону над шпилем местного собора. Это политика вампиров. Пытаться ее понять — все равно, что искать на ощупь ужа в бочке с сорока

кобрами.

Лучшим в политике вампиров было то, что она была проблемой Арбитра. Мне же просто нужно было держать вампиров в целостности и сохранности.

Джордж с отрешенным взглядом смотрел в сад.

— Скажи-ка, Джордж, — произнес Гастон. Я посмотрела на него, и он мне подмигнул. — Почему именно сорок?

— Потому что это достаточно большое число, чтобы нахождение ужа стало невозможным, — равнодушно ответил Джордж.

— Да, но почему не пятьдесят или сто? Почему такое странное число — сорок? Змей вроде бы не по сорок считают.

Джордж повернулся на каблуках и посмотрел на Гастона. Здоровяк сверкнул ухмылкой.

Джек усмехнулся.

— Когда он вот так сосредотачивается, — сказал мне Гастон, — если вести себе тихо, можно услышать, как у него начинает варить котелок. Иногда, можно даже заметить, как у него из ушей тянется легкий дымок...

Воздух над травой свернулся, будто прозрачная пластиковая занавеска, на долю секунды приоткрывая темно-фиолетовую пустоту. Пустота моргнула своим пурпурным глазом, и группа отрокаров возникла на траве. Один, два, три... двенадцать. Как и ожидалось.

Один из группы двинулся в нашу сторону. Огромный примерно 7–6 футов высотой и мускулистый, судя по могучим рукам и ногам, он был завернут в традиционный отрокарский плащ, который был очень широкий, длинный шарф был сделан так, чтобы защитить руки и лицо от солнца. В то же время он был уже изношенный и покрывал голову, плечо и туловище примерно до середины бедра. Рукоять гигантского меча, завернутого в кожу поднималась выше плеча отрокара. Второй отрокар последовал по следам первого. Он был стройным и ниже, чем лидер, примерно на четыре дюйма. Разница между этими двумя было настолько велика, что они были почти не похожи, и не верилось, что они принадлежали к одному виду.

Остальные потянулись следом.

Лидер достиг крыльца и распахнул плащ одним плавным движением. Огромная отрокарская женщина стояла передо мной, одетая в кожу и носила традиционную клетчатую юбку — килт. Ее кожа была глубокой, насыщенной бронзовым цветом с оттенком оранжевого. Ее волосы были заплетены французской косой на висках и шли к затылку. Оставшееся богатство волос было зачесано назад в длинную гриву и темнели в корнях, казались черными. Грива постепенно светлела, и на кончиках цвет превращался в темно-рубиновый, словно ее волосы были тщательно смочены в свежей крови. Ее темно-фиолетовые глаза под черными бровями осмотрели на нас, оценивая. Поза ее слегка сместилась. В долю секунды она посмотрела на нас, она видела всех: Джека, Джорджа, меня, Гастона в дверях и Орро на кухне, и разрабатывала план сражения.

Джордж поклонился.

— Приветствую, Ханум. Простите, что мы вынуждены говорить в полголоса. Местная правоохранительная служба находится поблизости. Надеюсь, поездка прошла успешно?

— Мы выжили. — Как для женщины у нее был очень низкий голос. Подходящий для рева. — Ненавижу путешествия сквозь пустоту. Желудок так и норовит вывернуться наизнанку. — Ханум скривилась. — Полагаю, раз все здесь, можем приступать к официальной церемонии приветствия.

— Таков обычай, — сказал Джордж.

Отрокар стоявший рядом с ней, снял свой плащ. Он не носил доспехи, только килт, и его торс был открыт. Он был худой и жесткий, его мышцы легко и твердо определялись под бронзовой кожей, с зеленым оттенком. Если бы он был человеком, я бы дала ему лет тридцать, но о возрасте отрокаров было трудно говорить. Его волосы были длинные и черные, так что моментами отливали фиолетовым цветом и спадали на спину. Тонкие кожаные пояски и цепочки обвивали его талию, и с них свисали дюжины амулетов, мешочков и бутылочек. Ханум выглядела как могучая хищная кошка. Рядом с ней он казался обветренным деревом, или возможно, змеей: ничего, кроме иссушенных мускулов. Его лицо ему соответствовало: жесткое, прорезанное грубыми морщинками, с зелеными глазами, такими светлыми, что казалось, будто они сияют, излучая радиацию. Если он не шаман, я съем свою метлу.

Он разглядывал гостиницу.

— Там есть костровая яма?

— Есть комната, специально предназначенная для духов, — сказала я. — С огненным кольцом.

Его глаза чуточку расширились.

— Хорошо. Я попрошу духов дать мне знамения о мирных переговорах.

— Знамениям лучше быть благими, — тихо произнесла Ханум, в ее голосе зазвенела сталь.

Шаман и глазом не моргнул.

— Знамения будут, как им надлежит быть.

Ханум глубоко вздохнула.

— Похоже, мне придется с этим смириться. — Она немного повысила голос. — Приветствую тебя, Арбитр. Приветствую тебя, Хранительница гостиницы.

— Гертруда Хант приветствует вас, Ханум, — я склонила голову. — Зимнее солнце вам и вашим воинам. Моя вода — ваша вода. Мой огонь — ваш огонь. Мои кровати мягкие, а ножи острые. Наплюете на мое гостеприимство, и я перережу вашу глотку. — Вот так. Мило и традиционно.

Джек застыл рядом со мной. Он не был напряжен, он просто стал совершенно умиротворенным.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ханум улыбнулась.

— Я уже чувствую себя дома. Зимнее солнце тебе. Мы будем чтить этот дом и его хозяйку. Наши ножи остры, а наш сон чуток. Предашь честь своего огня, и я вырежу твое сердце.

Двери запахнулись, повинувшись моей магии. Я ступила внутрь.

— Пожалуйста, следуйте за мной, Ханум.

Через десять минут я вернулась на свой пост на крыльце. Гостиница запечатала вход за последним отрокаром, и теперь выйти они смогут только через бальный зал.

В семь тридцать пространство над полем задрожало, будто бы над травой внезапно возникло кольцо горячего воздуха. Мерцание преобразовалось в гигантский корабль с гладкими, плавными линиями, напоминающими собой скользящего под водой ската. Элегантный челнок опустился на землю будто перышко, открыл входной люк и наружу вышел Нуан Сее.

Ростом в четыре фута, он походил на лису с кошачьими глазами и ушами рыси. Мягкий,

роскошный мех, серебристо-голубой и идеально причесанный, покрывал его с головы до пят, переходя в белый на животе и становясь почти бирюзовым с вкраплениями золотистых розеток на спине. Он был облачен в красивый шелковый фартук и ожерелье с голубыми камнями.

Нуан Сее увидел меня, помахал лапой и крикнул через плечо.

— Мы на месте. Выгружайте вещи.

Он направился ко мне. За ним появилось четыре лиса, несущих паланкин с розовыми занавесками. Следом вышли еще пятеро других лисов, с мехом от белого до темно-синего, все в шелках и драгоценностях. Низкий рев донесся изнутри корабля.

Секундой позже оттуда вышел маленький лис, тянущий за вожжи нечто смахивающее на пушистую помесь верблюда с ослом. Пугающая стопка сумок, коробок и сундуков возвышалась поверх создания, нагруженного кипой поклажи чуть ли не вдвое выше своего роста. Лис потянул за вожжи снова и верблюдо-осел ступил на траву. За ним возникло еще одно создание, ведомое под уздцы другой лисой.

— Я правильно понимаю, — пробормотал Джек. — Они летают повсюду на космических кораблях, но загружают в них ослов?

— Им нравятся ослы, — ответил ему Джордж.

Из корабля вышел пятый осел, груженный так же, как и предыдущие. Раньше мои родители уже принимали у себя Нуан Сее. Я мысленно похвалила себя за создание для них комнат, способных вместить делегацию раза в три больше этой и за то, что подняла стойла из хранилища.

— И сколько нам ждать, пока выгрузится последний? — присвистнул Гастон. — Пару лет?

— Они обожают свою роскошь, — пояснила я. — Худшее, что можно сделать — это запретить им взять ее с собой. Как только мы все окажемся внутри, сможешь показать им их комнаты? — Я собиралась пойти следом, дабы никто не сбился с пути, а затем устроить всех осликов в стойлах.

— Без проблем, — отозвался Гастон.

Нуан Сее наконец-то добрался к нам. Джек разглядывал кисточки на его маленьких лисьих ушах с куда большим интересом, нежели из простого любопытства. Может, он превращался в рысь.

— Ди-ии-на! — протянул Торговец.

— Тсс, — прошипела я. — Почтеннейший Нуан Сее, у нас здесь полицейский следит за домом с улицы.

— О. — Нуан Сее понизил голос. — Хорошо. Я так рад посетить вашу гостиницу, так рад. Позвольте представить вам мою семью. — Он махнул своей лапой-рукой, и лисы выстроились в очередь, с паланкином во главе. — Моя бабушка, Нуан Ре. — Паланкин прошествовал мимо нас. — Моя сестра, Нуан Куо. Кузина моей сестры по мужу, Нуан Олер. Мой второй зять...

Пять минут спустя, последняя лиса наконец-то ступила на крыльцо.

— Нуан Куки, седьмой сын моей трижды троюродной сестры! — с триумфом объявил Нуан Сее. — Это его первое путешествие.

Седьмой сын посмотрел на нас. Ростом он был чуть выше метра, с бледно-песочным мехом и огромными голубыми глазами. Он помахал нам лапой, пискнул «Привет!» тоненьким голоском и юркнул вслед за процессией родственников Нуан Сее в гостиницу.

— Уфф. — Нуан Сее смахнул со лба воображаемый пот. — Я слишком тяжело работаю. Покажите-ка нам наши комнаты.

Он скрылся в гостинице, и я последовала за ним.

— Куки? — раздался голос Джека позади меня.

— Просто смирись, — сказал ему Джордж.

Я вернулась на крыльцо ровно к восьми часам. Поселение клана Нуан Сее заняло больше времени, чем я ожидала. У меня не было лишней минуты. По крайней мере, от них не было много шума. Если с вампирами все пройдет гладко, мы выйдем сухими из воды.

Мы молча ждали.

Прошла минута.

Другая.

— Им совсем несвойственно опаздывать, — нахмурился Джордж.

Магия прозвенела у меня в голове. О нет.

— Парадный вход! — Я помчалась через дом. Мужчины бросились за мной. — Они собираются войти через парадный вход!

Я пролетела сквозь парадную дверь.

— Всем на землю! — рявкнул мужской голос.

Посередине улицы двенадцать рыцарей Святой Космической Анократии в полном боевом облачении готовили оружие к бою. Офицер Мараис стоял у своей машины, нацелив электрошокером на старшего рыцаря.

— Я сказал, всем на землю! — проревел офицер Мараис.

Ближайший к нему вампир сжал свой огромный топор и по оружию заструились ярко-красные полосы. Он его только что зарядил.

— Нет! — Я выбежала на улицу.

Офицер Мараис спустил курок электрошокера. Дротики-электроды ударили в кровавую броню вампира, вспыхнув голубым разрядом. Вампир заревел. Огромный топор описал дугу и распорол капот полицейской машины надвое как пустую консервную банку. Какую-то секунду офицер Мараис просто таращился на него в оцепенении. Но затем его рука потянулась к пистолету.

Я не могла позволить ему выстрелить.

Магия вылетела из моей руки в метлу. Древко расщепилось на дюжины длинных нитей и кинулось на офицера как вцепляющийся в лицо монстр из фильма ужасов. Нити обвили его, превращая тело в подобие кокона. Он крутанулся на месте и опрокинулся на асфальт.

Вампиры издали победный клич.

Я повернулась к вампирам. Меня охватила такая ярость, что я даже говорить не могла.

Рыцарь с топором увидел мое лицо, а секундой позже его осенило, что я в балахоне хранителя, и он сделал что-то очень-очень плохое.

Я направилась к нему, и мужик попятился от машины к гостинице, словно нашкодивший сорванец, пытающийся сбежать с места преступления. Едва он переступил границу, как из темноты вынырнул корень, обхватил вампира и утянул его под землю, будто легкое перышко. Одну секунду он был здесь, а в следующую исчез.

Я зыркнула на остальных вампиров.

— Берите машину и этого мужчину, — процедила я сквозь сжатые зубы. — Отнесите их на мою подъездную дорожку в целости и сохранности, или о вас напомнят лишь кровавые пятна на асфальте. Сейчас же.

Две точки света справа оповестили о приближающемся автомобиле.

— Шевелитесь! — прикрикнул Арланд из-за спин здоровенных вампиров.

Дядя Арланда, лорд Сорен, подхватил офицера Марайса и рванул к гостинице настолько быстро, насколько позволяла его броня. Два вампира взяли за машину, подняли ее и перенесли на подъездную дорожку. Едва колеса коснулись земли, как авто утонуло в гравии. Земля проглотила его, машины как и вовсе не бывало. Вампиры устремились в дом.

Свет фар почти нас достиг.

Я спряталась за дубом. Дом перестроился, пряча оружие. Джордж притаился за изгородью.

У дверей Арланд рявкнул короткую команду и три вампира, все еще оставшихся снаружи, рухнули плашмя.

Мимо протарахтел белый пикап.

Я выждала пару секунд и кивнула Арланду. Рыцари поднялись и вошли в дом, Джордж последовал за ними. Я остановилась, осматривая улицу. Нигде никого.

Я подождала, прислушиваясь к любому подозрительному звуку.

Ничего.

Ни сирен, ни возмущенных соседей, выбегающих из домов узнать, что случилось, ни выстрелов. Тоскливая погода и холодный вечер буднегочетверга заставили жителей Авалона сидеть дома.

Неужели нас пронесло?

Как у хранителя, у меня было две главные обязанности: обеспечение безопасности моих гостей и сокрытие их существования от остальных жителей планеты. Вампиры были в курсе, в частности, Арланд и его дядя прекрасно об этом знали. Как они могли подвергнуть гостиницу такой опасности?

С неба посыпался мелкий, морозящий дождик.

Район оставался безмолвным. Где-то вдалеке жалобно залаяла собака, просясь обратно домой. Может, это все мое воображение, но мне послышался звук открывающейся двери. Лай прекратился.

Я медленно выдохнула и вошла в гостиницу.

Делегация вампиров толпилась у меня в гостиной.

Огромный рыцарь с черными, как смоль, волосами, стоял нос к носу с Арландом, почти

соприкасаясь доспехами. Оба вампира заняли боевую стойку, готовые в любой момент сцепиться и порвать друг друга в клочья. Оба оскалились, демонстрируя клыки, а их лица перекосило от ярости. Оба излучали агрессию, будто два космических обогревателя — тепла. Причем были они примерно одного размера и роста, и от ужасной бойни с морем крови их отделяли всего какие-то секунды.

Черта с два. Не бывать драке в моей гостиной. Я щелкнула пальцами — мне не обязательно было так делать, просто я хотела подчеркнуть действие для остальной аудитории. Два вампира просели в полу по самый пояс. Я сложила вместе указательные пальцы и развела их врозь. Вампиры разъехались в стороны друг от друга, оставляя между собой промежуток в пять футов. Джордж шагнул на это место, опираясь на свою трость.

— Маршал Дома Крар. — Он кивнул Арланду. — Маршал Дома Ворга. — Он кивнул темноволосому рыцарю. Его голос был теплым и дружелюбным. — Кто подал идею явиться через парадный вход?

— Где мой рыцарь? — зарычал Маршал Дома Ворга.

Я погрузила его еще на шесть дюймов в пол.

— Я требую...

Еще шесть дюймов. Теперь он был в полу по самые подмышки.

Маршал Дома Ворга раскрыл было рот, но тут же его захлопнул.

Джордж повернулся на каблуках.

— Маршал Дома Сабла, может, вы проясните ситуацию?

Женщина-рыцарь вышла вперед. Длинные, прямые каштановые волосы обрамляли ее лицо. — Координаты были переданы нам Маршалом Крара. Маршал Дома Ворга вводил их лично.

— Позвольте мне взглянуть на эти координаты? — спросил Джордж.

Она подняла руку, и на внутренней стороне ее запястья загорелся маленький дисплей, испещренный незнакомыми знаками.

— Спасибо, леди Исур, — поблагодарил Джордж. — Запись показывает, что лорд Арланд передал Домам верный набор координат. Лорд Робарт, вы ввели неверные координаты по ошибке?

— Мы рыцари Святой Анократии, — пробасил лорд Робарт. — Нам не пристало красться через черный вход, как каким-то отрокам.

— Понятно, — кивнул Арбитр. — Вы сами так решили?

— Я Маршал Дома Вампиров, — огрызнулся лорд Робарт. — Я не обязан отчитываться кому-то вроде вас.

Джордж улыбнулся.

— Справедливо, но вы уже ответили на мой первый вопрос, поэтому ваше возмущение слегка не к месту. Что ж... — Он поднял руку, и в ней словно по волшебству появился свиток, которому он дал развернуться. Посреди него сверкал ярко-красный символ Священной Пирамиды. Вампиры опустили на одно колено, и я увидела за ними Калдению, сидевшую в кресле у дальней стены, и прихлебывавшую чай с довольной ухмылкой на лице.

— Это священный ордер, пожалованный мне Ее Сиятельством, Иерофантой, — сказал Джордж.

У него в руках был священный ордер от религиозного лидера Святой Космической Анократии. Ничего себе. Он только что помахал перед носом вампиров эквивалентом атомной бомбы.

— Этот ордер дает мне право распоряжаться жизнью и смерть каждого из вас, — объявил Джордж. — Я могу убить любого из вас в любое время без причины или страха возмездия. Неподчинение мне равносильно неподчинению Иерофанте. Осмелитесь на это и вы будете отлучены от церкви. После смерти вашей душе будет закрыт путь в Рай, и она будет обречена скитаться по безжизненным, ледяным равнинам Ничто, где нет ни солнца над головой, ни животных, встречающихся на пути, ни звука, нарушающего тишину. Я ясно выразился?

— Предельно ясно, — не поднимая головы, отозвалась леди Исур.

Джордж свернул свиток и спрятал его в рукав.

— Вставайте.

Вампиры встали.

Джордж посмотрел на меня.

— Дина, можете освободить Маршалов.

Я заставила пол вытолкнуть обоих вампиров и снова поставить на ноги. Никто из них не проронил ни слова. Комната погрузилась в полную тишину. Джордж всецело завладел их вниманием.

— Взаимодействие галактики с Землей регулируется договором Космического Сената, — продолжил Джордж. — Леди Дина, какое его главное условие?

— Существование другой разумной жизни в галактике должно оставаться в тайне, — ответила я.

— Какое наказание за нарушение этого условия?

— Изгнание, — сказала я.

Лорд Робарт сжал зубы.

— Понесет ли наказание Дом Ворга, если о трансгрессии лорда Робарта станет известно?

— Да. Его Дом будет обесчещен и изгнан с Земли.

Несколько вампиров скривились. Земля была важным промежуточным пунктом, и потеря доступа к нему для Дома Ворга означала бы ограничение в их путешествиях. Другие Дома с радостью извлекли бы из этого выгоду.

— Лорд Робарт из дома Ворга, — произнес Джордж. — Я не желаю начинать мирные переговоры с кровопролития. Как и не считаю, что Дом Ворга должен пострадать из-за последствий трансгрессии, совершенной из гордости, а не злого умысла. Тем не менее, ваши действия едва не сорвали этот саммит, и вы обязаны искупить свою вину. Леди Дина, помните место, что вы показали нам утром? Не могли бы вы открыть эти ворота еще раз, пожалуйста.

Злить Джорджа было очень, очень плохой идеей. Я повернулась к дальней стене и воздействовала на нее магией. Дерево начало расплываться, открывая окно в бесконечное янтарное море под пурпурным небом. Вдалеке воду прорезали острые, темные скалы под рассыпанным ожерельем из красных планет. Нас окутал соленый бриз с неизведанной планеты. В оранжевой воде проскользнуло тело — толстое и чешуйчатое, увенчанное длинным гребенчатым плавником. Его кольца все сворачивались и сворачивались, скользя и бугрясь под поверхностью.

Джордж посмотрел на лорда Робарта.

— Один час, Маршал. Мы отложим официальную церемонию открытия до вашего возвращения.

Вампир поднял голову.

Если он войдет в море, его броня станет чересчур тяжелой. Он будет слишком медлительным и может утонуть. Попадание в эти воды было равносильно суициду.

Лорд Робарт оскалился.

Они носили свою броню, словно вторую кожу. Он никогда не...

Лорд Робарт вытащил из ножен короткий, мощный топор и коснулся герба Дома на своей броне. Черный металл разделился на части и осыпался с его тела, оставив стоящим в простом черном облегающем костюме. Он снял ботинки, одним движением руки зарядил топор и прыгнул в море, доходявшее ему до пояса.

— Пожалуйста, запечатайте вход, — попросил Джордж.

Я позволила дереву вернуться на место, скрывая рыцаря-вампира из вида. Нам понадобится обратный отсчет. Я шепнула об этом гостинице и на стене появились огромные цифровые часы, отсчитывающие секунды в обратном порядке с шестидесяти минут.

Джордж повернулся ко мне.

— У нас все еще остается проблема с машиной и офицером полиции. — Он одарил меня ослепительной улыбкой. — В этом плане мы полагаемся на ваш опыт. Делегация Святой Анократии, мои люди и я к вашим услугам, миледи. Как бы вы хотели ее разрешить?

Я повернулась к Арланду.

— Маршал, мне понадобится ваш лучший инженер. Остальные могут отправляться в свои покои.

— Хардвир, со мной, — приказал Арланд.

Немолодой темноволосый вампир вышел вперед.

— Я пойду с вами, — вызвалась леди Исур.

— Остальные — по коридору и налево. Идите и не пытайтесь оттуда сбежать. Гостиница этого не позволит.

Большинство вампиров покинули комнату, но пятеро из них остались в стороне.

— Мы не можем оставить нашего Маршала, — произнесла женщина-рыцарь.

Леди Исур посмотрела на меня.

— Хранительница?

— Оставьте двоих, — разрешила я. — Вы сможете ждать здесь. Если попытаетесь выйти из комнаты, то будете задержаны.

Женщина-рыцарь и пожилой, седой вампир, стали на страже у стены. Остальные разошлись по своим покоям. Калдения все так же попивала чай, выглядя невероятно довольной.

Теперь мне нужно было разобраться с этим ночным кошмаром.

— Следуйте за мной. — Я направилась вниз по длинному коридору.

Стойла занимали северо-восточный угол дома, выходя в сад. Снаружи они выглядели просто как застекленная веранда. Чудовище путалась у меня под ногами, суетясь в чистом восторге. Что ж, хоть кому-то было весело.

— Я могла бы его убить, — предложила леди Исур.

— Так у нас появится еще больше проблем, — возразил Джек.

— Правоохранительные органы здесь очень хорошо организованы, — добавил Арланд. — Если с ним что-то случится, остальные не оставят это место в покое. Так можно все невероятно усложнить.

Двери передо мной распахнулись, и я вошла в стойла. Руки у меня подрагивали.

Слишком много адреналина и слишком много магии в одно время. С наличием постояльцев в гостинице, я быстро восстановлюсь, но сейчас меня била дрожь, как если бы я выпила чашки три крепкого кофе на голодный желудок.

Офицер Мараис все также лежал на полу рядом со своей многострадальной машиной прямо посреди стойл. Девушка из клана Нуан Сее тихо рассыпала корм по ведрам, но увидев нас, остановилась. С моим приходом, нити соскользнули с тела полицейского, оставляя его прикованным к полу крепкими корнями гостиницы, и устремились ко мне, слившись в моей руке обратно в метлу. Корни закрыли Мараису рот, но мне хватало и одного его взгляда. Он был в ярости. Если бы ему удалось вырваться, он дрался бы со всеми нами не на жизнь, а на смерть.

Я взглянула на машину. Все было куда хуже, чем я ожидала. Топор прошел прямым через капот, разрезав мотор будто желе, так что сквозь прореху виднелся пол.

Тишину в стойлах нарушало лишь размеренное жевание, доносившееся от верблюдо-ослов.

— Я могу сделать это безболезненно, — пробормотала леди Исур. — Он ничего не почувствует.

Я протянула руку.

— Дай мне Последнее Средство.

Стена выплюнула маленький шприц. Присев на корточки, я впрыснула его содержимое в руку офицера Мараиса. Тот смерил меня взглядом, ясно говорившим, что он всеми фибрами души желает мне скорейшей кончины. Но тут его лицо смягчилось. Дыхание стало глубже. Его тело расслабилось, глаза закрылись, и он погрузился в глубокий сон.

— Что вы ему ввели? — спросил Джордж.

— Транквилизатор.

— Но он все равно будет помнить о случившемся, — сказал Джек.

— Это не важно, — отмахнулась я. — Чтобы ему поверили, нужны доказательства. А от них мы как раз и избавимся.

— И все? — леди Исур нахмурилась. — Это весь план?

— Да, — просто ответила я. — Он много раз срабатывал у других хранителей. Иногда чем проще план, тем лучше. — Я повернулась к инженеру Арланда. — Пожалуйста, почините ее.

Хардвир разглядывал патрульную машину.

— Вы хотите, чтобы я это починил?

— Да. Она должна быть восстановлена в первоначальное состояние, в точности, как до происшествия.

Темноволосый рыцарь нахмурился, подошел к машине и, подняв капот, заглянул внутрь.

— Это двигатель внутреннего сгорания.

— Да, — согласилась я.

— Это преступление против природы. — Хардвир отпустил покореженный капот и тот отвалился, с грохотом приземлившись на пол. — Я не стану этого делать.

Глаза Арланда вспыхнули. Он весь собрался, внезапно став еще больше.

— Что значит, вы не станете этого делать?

— Я не буду этого делать! Я дал клятву инженера. У меня есть обязательства перед моей профессией, которые требуют, чтобы я честно практиковал свое ремесло, оберегая бесценную природу вселенной. — Хардвир ткнул своим затянутым в перчатку пальцем в

сторону двигателя. — Он отравляет окружающую среду, работает на ископаемых и ужасно неэффективен. Какой идиот мог построить двигатель на невозобновляемом источнике энергии?

— Мне все равно, — прорычал Арланд. — Вы его почините.

Хардвир задрал подбородок.

— Нет, не починю. Вы просите меня починить нечто, что производит токсины и выбрасывает их в атмосферу. Будь это военный механизм, то он был бы вне закона.

— Вы лично мне поклялись в верности. Вы поклялись в верности нашему Дому.

— Я инженер. Я не предаю свою честь.

Арланд в ответ произнес всего одно слово:

— Риона.

Хардвир зарычал, обнажив клыки.

Лицо Арланда осталось безразличным.

— Если мы его не починим, то нас раскроют, и мирные переговоры будут провалены. Все жертвы вашей сестры на поле боя окажутся напрасными.

Хардвир резко развернулся, глянул на открытый двигатель, и повернулся обратно.

— Нет.

Арланд коснулся своего герба.

— Одалон? Прошу прощения, что прерываю ваш дозор. Вы нам нужны. Срочно.

Из герба донеслось одно-единственное слово.

Мгновением спустя гостиница сообщила о посетителе в саду. Я открыла ворота стойла и увидела одинокого рыцаря-вампира, шагающего к нам между деревьев. У него был средний для вампира рост — чуть выше метра восьмидесяти, — и он был очень худым, почти тощим. Его кожа была самой темной в генотипе вампиров — серой с голубым оттенком, как контур пера у голубой цапли. Его волосы струились по плечам каскадом длинных, тонких косичек.

Должно быть, когда-то они были черными, но сейчас их пронизывали седые пряди. Вампиры не сидели лет до семидесяти, но он и близко не походил на этот возраст. Поверх брони на нем были багряная и серебряная ризы, но в отличие от цельного облачения католического священника, его ризы были разрезаны на длинные полосы, шириной сантиметров двадцать каждая. Они колыхались при ходьбе, ниспадая с его плеч, словно неземная мантия. Наблюдать его приближение было очень необычно.

Арланд позвал своего Боевого Капеллана. Их космический корабль должен был быть на орбите. В стойла вошел капеллан. Его лицо было совершенно безмятежным, когда он спокойный взглядом окинул полицейскую машину, офицера Мараиса и наконец, нас.

Арланд подошел к нему поближе и тихо заговорил, едва ли не шепотом.

Одалон кивнул и повернулся к Хардвиру.

— Ваше отношение достойно похвалы. — Его голос был успокаивающим — такой голос заставлял расслабиться даже против воли.

— Я не стану этого делать, — повторил Хардвир.

— Идемте со мной, — сказал Одалон, приглашая.

Инженер последовал за ним в сад. Они остановились под яблоневым деревом и тихо заговорили.

Арланд вздохнул.

— Всего этого можно было избежать.

Леди Исур пожала плечами.

— Если бы не это, случилось бы что-то еще. Робарт намерен сделать эти переговоры как можно более неприятными. Вы знали, что так будет.

Хардвир и Боевой Капеллан вернулись обратно.

— Даже если я соглашусь помочь, ничего не выйдет, — сказал Хардвир. — Мне понадобится молекулярный синтезатор, чтобы починить части...

— Это стандартное оборудование на большинстве военных кораблей, — вставила леди Исур.

— Я еще не закончил, Маршал, — заметил Хардвир. — У нас есть молекулярный синтезатор на борту, но ремонт должен воссоздать износ двигателя. Для этого мне понадобится определить его возраст и степень изношенности, а значит, мне понадобится, возрастной секвенсер и специальное программное обеспечение. У нас его нет. Мы все-таки военное судно, а не исследовательский корабль археологов.

Родственница Нуан Сее прокашлялась. Мы повернулись к ней.

— У дяди Нуан Сее есть такой, — сказала она. — Он очень сложный. Очень дорогой. Абсолютно за пределами моего понимания.

Джордж улыбнулся.

— Возможно, я смогу убедить уважаемого Нуан Сее разрешить нам его использовать.

— Конечно же, он разрешит, — согласилась она. — За соответствующую цену.

— За соответствующую цену? — прорычал Арланд. — Это за легкое и половину сердца? Я уже когда-то имел с ним дело. Он выжмет последнее...

— Я позабочусь об этом, — сказала я ему.

Мы с Джорджем нашли достопопочтенного Нуан Сее в его покоях, почивающего на плюшевой мебели у маленького комнатного фонтана. Джордж вкратце обрисовал ему ситуацию.

Нуан Сее подался вперед, а в его глазах вспыхнул хищный огонек.

— Возрастной секвенсер — очень хрупкий прибор. Очень дорогой. У меня есть один, ведь порой люди пытаются продать мне кое-какие вещи, а мне нужно убедиться в их подлинности. Разве можно себе представить, чтобы я продал что-то, что было бы копией? — фыркнул он.

Я так и чувствовала, что дешево мы не отделаемся.

— Мы восхищаемся вашей мудростью, — сказала я.

— И мы рассчитываем на вашу щедрость, — добавил Джордж.

— Щедрость — ужасный порок, — вздохнул Нуан Сее. — Но, конечно, даже я не без греха. — Мы были у него на крючке, и он прекрасно это понимал. Я улыбнулась.

— У вас есть личный интерес в успехе этого саммита. Если война продолжится, то рано или поздно ваш космопорт на Нексусе будет захвачен.

Нуан Сее замахал лапами.

— У нас есть Туран Адин. Даже если Святая Анократия и Сокрушительная Орда объединятся, нам нечего бояться.

Кем или чем был этот Туран Адин?

— И все же, война губительна для бизнеса. Поэтому я окажу вам эту услугу.

Я собралась с духом. Чему быть, того не миновать.

— Но я потребую услугу взамен.

— Назовите ее, — сказал Джордж.

— Не от вас. От Дины.

Естественно.

— Чем я могу помочь великому Нуан Сее?

Нуан Сее ухмыльнулся, показав мне маленькие, острые зубки.

— Я пока не знаю. Но обязательно об этом подумаю. Обычно, я прошу о трех услугах, но из уважения к вашим родителям и нашей дружбе, я решил уступить. Только не рассказывайте об этом никому. Я не хочу потерять лицо.

Неопределенная услуга для Нуан Сее — на такое согласится только чокнутый. Было невозможно предугадать, о чем он мог попросить. Но саммит должен был состояться любой ценой. Мне не оставалось ничего другого, как протянуть руку.

— Идет.

Нуан Сее рассмеялся, обхватил мои пальцы и хорошенько встряхнул.

— Замечательно. Мне так нравится этот земной обычай. Поговорите в стойлах с Нуан Сама. Она эксперт в управлении этим прибором.

Кто бы сомневался. Мы поблагодарили Нуан Сее и вышли.

— Я бы не доверял всему, что они говорят, — заметил Джордж.

— Это относительно. Все возможно, пока идет торг, но как только они заключают сделку, то чтят ее. — И я только что умудрилась вляпаться по самые уши.

Пять минут спустя Хардвир и Нуан Сама отправились на поле к замаскированному космическому кораблю Нуан Сее. Я тем временем забралась в машину Мараиса и вытащила карту памяти из видеорегистратора.

— Глаз. — Я протянула руку. Серебряная сфера размером с лимон выкатилась из нового отверстия в стене и упала мне в руку. Я мягко ее сжала. Шарик щелкнул, открыв слот для карты памяти. Вставив туда карту, я раскрыла ладонь. Сфера вылетела наружу через открытую дверь стойла и скрылась за домом.

— Что вы сказали Хардвиру? — спросил Арланд у Одалона.

Боевой Капеллан вздохнул.

— Я напомнил ему, что клятва инженера также обязывает его при необходимости использовать свои навыки и знания ради всеобщего блага. Я не могу представить себе большего блага, нежели прекращение войны, уносящей жизни, но не дающей взамен ни чести, ни славы, ни земель. Э

о бедствие необходимо остановить любой ценой.

Тихий гудок эхом прокатился по стойлам.

— Маршалу Дома Ворга осталось три минуты. — Я поспешила обратно в гостиную. Вампиры с Джорджем устремились следом за мной. Вся эта беготня выглядела бы комично, не будь поставлены на карту Гертруда Хант и жизни ее гостей.

Я вошла в гостиную. До конца отсчета оставалось пятнадцать секунд, а двое вампиров все так же неподвижно стояли, наблюдая за таймером.

Я надеялась, что он все еще был жив.

Цифры обнулились и, вспыхнув, исчезли. Я растопила стену.

В гостиную ввалился Маршал Дома Ворга. Он был насквозь промокшим, а сквозь дюжины порезов на его костюме сочилась кровь. В правой руке он сжимал топор, а в левой держал метровую голову чудища. Та была бледно-оранжевой, покрытой блестящей чешуей и выглядела, будто зарисовка с античной карты с подписью «Здесь монстры».

С отвращением, Маршал плюхнул голову и полутораметровый обрубок шеи посреди пола, переступил через него, и посмотрел на Джорджа.

— Управление Арбитража довольно, — кивнул Джордж.

Лорд Робарт направился в сторону коридора. Двое вампиров подхватили его броню и последовали за ним, не проронив ни слова.

— Что прикажете делать с головой? — донесся голос Орро с кухни.

Маршал остановился.

— Делайте с ней, что хотите.

Они свернули в коридор, направляясь в покои вампиров.

— Пожалуй, настало время и мне удалится, — произнесла леди Исур. — Арбитр, Хранительница, Маршал, Ваша Милость, прошу меня извинить. Я должна привести себя в надлежащий вид перед церемонией открытия.

— Конечно, — кивнул Джордж.

Арланд поморщился.

— Полагаю, мне тоже лучше уйти. С вашего позволения.

Двое Маршалов удалились.

Орро прошмыгнул из кухни и сцапал голову своими длинными когтями.

— Пожалуйста, только не говори, что собираешься ее готовить, — простонала я.

— Еще как собираюсь, — тряхнул головой он. — Может, тебе напомнить, что у нас ограниченный бюджет?

— А если она ядовитая? — спросил Джек.

— Чушь! — прорычал Орро. — Ясно же, как белый день, что это мореанский водяной дракон.

Он подхватил отрубленную голову под мышку и бодрым шагом отправился на кухню, волоча по полу драконью шею.

— Мне так же следует подготовиться, — сказал Джордж. Они с Джеком вышли из комнаты.

Мои ноги подкосились, и я рухнула в кресло. Чудовище запрыгнула мне на колени.

Калденция посмотрела на меня с противоположного конца комнаты.

— Столько всего интересного, а мирные переговоры еще даже не начались.

Я застонала, закрывая лицо руками.

* * *

Джордж облачился в мягкие угольно-серые брюки, дополнив их высокими ботинками из темно-серой кожи с голубым оттенком. Его рубашка была бледно-кремовой, а темно-синий жилет был расшит запутанным серебряным узором, слишком сложным, чтобы понять его с первого взгляда. Его длинные золотистые волосы были зачесаны назад и собраны на затылке в хвост. К нему вернулась хромота, и он опять опирался на прогулочную трость, но будучи стоящим в огромном бальном зале, Арбитр выглядел, словно нестареющий принц из какой-то безнадежно романтической сказки.

Его брат стоял по правую руку от него, облаченный в коричневую кожу. Я не заметила у него оружия, хотя он непременно его где-то спрятал. Его рыжие волосы были слегка взъерошены. В то время как Джордж излучал утонченную элегантность, Джек был совершенно расслаблен, стоя вразвалочку с отсутствующим видом, будто ему не было

никакого дела до происходящего и ничто здесь не могло его заинтересовать.

В них не было ничего схожего, но я была совершенно уверена, что они были братьями. Никогда я еще не видела двух людей, настолько умело притворяющихся своими противоположностями.

Гастон встал справа от Джека. Из них троих, казалось, он один был самым собой — такой себе хмурой неподвижной горой. Я выбрала себе место слева от Джорджа, с краю. Я не была полноправным участником церемонии, но я была принимающей стороной, и членам делегаций следовало знать меня в лицо. Я остановила свой выбор на простом балахоне, заодно превратив метлу в посох, который с легкостью превращался в копьё. Не то чтобы оно мне понадобилось, но тут никогда не угадаешь.

Позади нас своей очереди ожидал длинный стол, готовый к обсуждению перемирия главами делегаций. Сейчас подобная перспектива казалась весьма отдаленной, но мирные переговоры были не моей проблемой. Моей проблемой был мир между их участниками.

Я взглянула вверх. На противоположной стене, в тридцати футах над нами, в королевской ложе сидела Калденция. Ее Милость была одета в платье медного цвета с искусной кружевной отделкой и потягивала вино из бокала. Рядом с ней сидела Чудовище. Пока я не узнала получше участников саммита, я хотела держать Калденцию подальше от места действия. Ее Милость могла за себя постоять, но на всякий случай я приказала Чудовищу оставаться рядом с ней.

Джордж взглянул на электронные часы над дверью.

— Можем начинать.

Я кивнула и пробормотала:

— Свет.

Яркий свет залил бальный зал.

— Выпустить Святую Анократию.

Двери с левой стороны зала распахнулись, и из них вышел высокий вампир, облаченный в кровавую броню. Огромный даже по меркам вампиров, он нес штандарт Святой Анократии — черные клыки на красном знамени. Он подошел к нам и упер знамя в пол, придерживая его левой рукой. Из скрытых динамиков грянула музыка — эпичный марш, безжалостный, неспешный и неуправляемый. По стенам зала заскользили изображения: закованная в броню вампирша, разрывающая на части огромную сороконожку, раз в пять больше нее; двое оскалившихся вампиров, сцепившихся в смертельной схватке; яростно ревущий вампир со штандартом Дома на вершине горы трупов. Прямо народная мелодия Святой Анократии «Мы Смертоносные Подонки». Те же изображения транслировались в покоях Торговцев и отрокаров. Ужасающие кадры шли один за другим. Невероятных размеров цитадель Багряного Собора; бесконечные шеренги вампиров, выстроившихся перед посадкой на корабль; вампирша в ниспадающих одеждах Иерофанта, взбегающая по спине громадного создания и прямо в прыжке рассекающая мечом его шею.

На стене возникло изображение небольшого отряда вампиров в кровавой броне, хладнокровно и методично прорезавших себе путь сквозь ряды освирепевших отрокаров. Орда налетала на них снова и снова, словно буйное море на скалы, и отступала назад, окровавленная и беспомощная. Посыл яснее некуда. Отрокары были необузданными дикарями и даже сотни их не могли сравниться с шестью вампирами.

Прекрасно. Как сорвать переговоры меньше, чем за две минуты. Чем вам не рекорд.

Джордж тихо вздохнул.

Изображения остановились и слились в одну огромную картину, занявшую все три стены: семь планет Святой Анократии. Как только изображение сфокусировались, остальные рыцари-вампиры промаршировали в зал тремя отдельными группами, выстроились подле знаменосца и замерли. На фоне звездного простора космоса возникло три лика, по одному на каждой стене: справа — серьезное лицо Главнокомандующего, вампира средних лет с угольно-черными волосами; умиротворенное женское лицо Иерофанты слева; и пожилой вампир по центру. Его волосы были снежно-белыми, кожа морщинистой, а взгляд пронзительным. Он казался таким же древним, как и космос позади него. Это был Судья, главный в высшем суде Святой Анократии.

Вампиры зарычали в унисон, отчего крохотные волоски у меня на шее встали дыбом.

Делегаты вампиров все как один повернулись и образовали шеренгу по левую сторону бального зала, трое Маршалов и знаменосец встали вблизи нас.

— Мы готовы к отрокарам, — пробормотал Джордж.

— Выпустить Орду, — шепнула я.

Тяжелые двери открылись справа и появились отрокары. Ханум была первой, ее сын шел за ней. За тем три огромных отрокара, каждый больше, чем самый крупный вампир, остальные члены делегации проследовали за ними. Они не шли, а шествовали как громадные хищные кошки, изумрудные, сапфировые и рубиновые отблески играли на их хитиновых доспехах, их парадные килты повязаны узелками на одной стороне.

Пронзительный свист прокатился по большому залу и превратился в дикую мелодию из звуков труб и барабанного боя. Стены вспыхнули снова, теперь сияя бесконечными равнинами Отрока, родной планеты Орды. Группа всадников ехала по желтой траве, восседая на странных лошадях с рыжеватой шерстью, копытами и собачьими головами. Изображение рассыпалось на части и собралось воедино видом на горный ландшафт из утесов и расщелин. Каменистая земля щетинилась стальными копьями, каждое с насаженной на него головой вампира.

Лица рыцарей слева от меня были абсолютно непроницаемы.

Задрожали лужи вампирской крови у оснований металлических копий. Содрогнулась земля. Глухой рев, будто звук далекого водопада, заполнил воздух.

Камера поднялась вверх, показывая мельком долину над головами. Там был океан отрокаров, слишком много, чтобы сосчитать. Орда бежала на полной скорости, завывая, как волки, их шаги сотрясали землю. Они пронеслись мимо камеры, их тела на долю секунды попадали в поле зрения. На экране появился мускулистый отрокар, его лицо перекошено дикой яростью. Он размахивал длинным мечом, мышцы на его предплечье напряглись, он нанёс рубящий удар и изображения пропали, экран почернел.

Окей. Их не зря окрестили Сокрушительной Ордой.

Музыка продолжалась. Изображение на стене превратилось в щит Орды на фоне огня. Ханум отошла в сторону, отрокары расступились, и один из них шагнул вперед. Он был среднего роста и хрупкого телосложения, достаточно мал, чтобы сойти за человека. Его черные волосы были коротко подстрижены. Отрокар скинул свою броню, позволяя ей упасть на пол. Каждый мускул на его торсе выделялся. Он был не мускулистый, как культурист — он был, как будто вырезан с нечеловеческой точностью. Его живот был достаточно жесткий, чтобы сломать копьё, если кто-то им его ударит. Отрокар вытащил два длинных темных клинка из ножен на бедрах.

Ханум захлопала в ладоши в ритм с музыкой, и отрокары последовали примеру своей

предводительницы. Мечник по центру начал крутиться на месте, разогреваясь. Нам предстояло увидеть все своими глазами.

Другая отрокар принесла корзину, наполненную небольшими фруктами похожими на маленькие зеленые яблоки Ханум. Она выбрала один, и метнула его в мечника. Он увернулся в последнюю секунду, поймав плод на плоскую сторону его левого клинка, подкинул его вправо, а потом обратно с нечеловеческой ловкостью. Отрокары продолжали хлопать. Мечник бросил плод вверх. Его меч сверкнул, и фрукт упал на пол, разрезанный пополам.

— Ничего такого, с чем мы не справимся, — тихо сказал Джек.

Ханум взяла несколько фруктов и передала корзинку налево. Дагоркун тоже взял несколько, и передал корзину дальше. Ханум коротко свистнула и отрокары стали что есть мочи швырять яблоками в мечника. Тот закрутился, будто дервиш в танце, и пол усеял град из иссеченных яблок, ни разу не попавших в цель.

— Он может стать проблемой, — прошептал Джордж. Его губы едва пошевелились. Если бы я не стояла рядом с ним, я бы и не узнала, что он говорит. — Один на один, я могу с ним справиться.

Мечник крутился все быстрее и быстрее, гибко, эластично, сильно. Слабое оранжевое свечение покрыло его лезвия. Они начинали светиться.

Джордж сощурил глаза.

Мечник остановился, подняв мечи, словно крылья птицы, готовившейся взлететь.

Отрокары расступились, пропуская вперед женщину, с чем-то вроде пулемета в руках. О, нет, только не это.

Она приложила оружие к плечу и выстрелила.

Я выстрелила своей магией. Из пола вылетели прозрачные стены, закрывая нас и вампиров.

На мечника обрушился поток пуль. Он завертел лезвиями настолько быстро, что они стали неразличимы для глаза, превратившись в арки оранжевого света. У меня перехватило дыхание. Пистолет щелкнул пустым магазином. Легкое стаккато прокатилось по большому залу — это остатки пуль усеяли собой пол. Мечник остановился. С него градом лился пот, но на его теле не было ни царапины. Пули — каждая рассечена надвое — лежали вокруг него, образуя подкову.

Невероятно.

Отрокары одобряюще заревели. Ханум широко улыбнулась, подмигнула вампирам и повела своих людей на правую сторону бального зала, выстраиваясь в идентичную линию.

Я выдохнула и позволила полу проглотить пули и разрубленные фрукты.

— Нам понадобится помощь, — угрюмо процедил Джек.

Джордж не ответил.

— Торговцы, пожалуйста.

Я открыла парадные двери. Клану Нуан Сее необходимо было выходить спереди, из-за того что их покои располагались у дальней стены, поэтому я сделала еще один коридор специально для этого. Двери распахнулись, выпуская Куки. Он был одет в ярко-бирюзовый фартук и нес корзину. Зал наполнила быстрая, замысловатая мелодия.

Куки пустился вприпрыжку в ритм с музыкой, словно человеческий ребенок в последний день школы, запуская руку в корзину и разбрасывая вокруг себя пригоршни золота и драгоценностей. Позади него в танце шли четыре лисы в вышитых золотом синих прозрачных вуалях, позвякивая золотыми браслетами и кольцами на лапах и ушах. Затем

последовали старшие члены семьи, покачиваясь в такт музыки: три шага вперед, шаг назад, поворот, и все сначала. Один нес блестящую клетку с красивой синей птицей. Второй размахивал драгоценным мечом размером с него самого. Третий крутился волчком, распуская вокруг волны сияющей материи толщиной с паутину.

Куки так и сыпал золотом, прыгая взад-вперед между рядами отрокаров и вампиров. Один из отрокаров потянулся к ярко-красному камешку с грецкой орех, приземлившись у его ног. Пожилой воин рядом с ним рыкнул и молодой отрокар тут же отпрянул.

— Взять их золото — значит стать их рабом, — тихо произнес вампир рядом со мной.

Лисы все выходили, каждая демонстрация богатства более нарочитая, чем предыдущая. Далее последовали паланкин с бабушкой Нуан Сее, плывущий по воздуху сам по себе, и, наконец, сам Нуан Сее, сидел, скрестив ноги, на личном паланкине, покрытом в переливающимися шелками, усеянном грудями камней и мягких подушек, показывая свои острые ровные зубы в лучезарной улыбке.

Процессия закончилась, и Торговцы образовали третий ряд, замыкая квадрат. Музыка стихла. Голос Джорджа прозвенел во внезапной тишине.

— Добро пожаловать! Саммит приступает к заседанию.

Он отступил в сторону, элегантно взмахом руки приглашая к столу.

Лидеры трех фракций направились к длинному столу, за ними последовал Джордж с Джеком. Когда все заняли свои места, я подняла прозрачную звуконепропускаемую стену, отделяющую стол и его заседателей от остальных гостей. Они все так же оставались на виду, но от них не доносилось ни единого звука.

Отрокары, вампиры и Торговцы посмотрели на меня в ожидании.

Я подняла руку, пол раскрылся, и в комнату поднялся Орро вместе с тремя огромными накрытыми столами. На каждом столе были расставлены белые тарелки с красиво нарезанными фруктами, корзинки с хлебом, рисом, мясной нарезкой, тарелки с супом и в самом центре изысканный, прозрачный цветок размером с арбуз, собранный из отдельных, тончайших лепестков из бледного мяса.

Суп пах божественно.

— Вечерняя трапеза! — огласил Орро. Сашими из мореанского водяного дракона с фруктами и гарниром!

Первое заседание мирных переговоров заняло три часа. Лидеры трех фракций сидели с каменными лицами за прозрачной стеной, возведенной нами с гостиницей, в то время как их подчиненные разделились на три отдельных группы в большом зале. Торговцы общались между собой, пока отрокары с вампирами продолжали разминать мускулы, слоняться без дела и одаривать друг друга презрительными взглядами. Не было смысла держать их всех в бальном зале, но пока их лидеры пребывали в компании друг друга, никто не собирался уходить, на тот случай, если развяжется драка. Мне нужно было придумать им какое-нибудь развлечение, если саммит мог затянуться на несколько дней.

Мне надо было наблюдать за бальным залом и за конюшней. Починка полицейского круизера шла хорошо, но следить одновременно за обоими местами меня утомило. Мне нужно больше практики. Мой отец мог следить за пятью, шестью местами одновременно. Это было умение, которое приходило с практикой, а я за эти последние несколько месяцев расслабилась. Наконец Ханум стукнула кулаком по столу — что выглядело удивительно комично без единого звука — и Джордж махнул рукой опустить стену.

Я распечатала боковые двери, ведущие в спальни. Отрокары вышли первыми, и дверь в стене растаяла за ними, будто ее никогда там и не было. Следующими уходили Торговцы. Нуан Сее остановился возле меня.

Я кивнула ему.

— Как прошли переговоры, великий Нуан Сее?

— Еще слишком рано, чтобы что-либо сказать. — Он указал на Куки, который начал собирать золото с пола, бережно укладывая его в большой ранец и улыбнулся. — Седьмой сын моей трижды троюродной сестры так старается. Какое прилежание. Истинная кровь всегда проявляет себя в нашей семье.

— Я могу попросить гостиницу собрать золото и драгоценности вместо него, — предложила я.

Нуан Сее отмахнулся своими руками-лапами.

— Черный труд — благо для души. Я выполнял его для своей семьи в его возрасте, так же как и его отец и мать... Это послужит ему хорошим уроком. Когда начинаешь с низов, нет другого пути, кроме как подниматься вверх. Он несет ответственность за сокровища; позвольте ему их собрать.

— Ему понадобится время, — заметила я. — Возможно, мне придется запереть его в зале, пока он все не соберет, для его же безопасности. — Мне не хватало только крошечного лиса, шастающего по гостинице с кучей золота и драгоценностей в мешке.

— Не имею возражений, — Нуан Сее снова замахал лапами. — Держите его взаперти сколько посчитаете нужным.

Торговцы вышли. Вампиры тоже, все кроме Арланда и Робарта, они оба направились ко мне. Почти сразу они поняли, что идут в одно и то же место. Арланд сердито взглянул на Робарта и ускорился. Маршал дома Ворга также зло посмотрел в ответ и пошел с такой же скоростью что и Арланд, а потом еще быстрее. Арланд еще ускорился, чтобы не отставать. Стоять и смотреть на них, пока они маршируют в доспехах, было все равно, что стоять на железнодорожных путях и смотреть, как на тебя едут два локомотива на полной скорости.

Мне стало интересно, побегут ли они, если дистанция будет достаточно большой.

Я дотронулась до пола прутьями метлы. Я ее превратила в посох в начале церемонии, но приблизительно через час переговоров, позволила ей превратиться обратно в метлу. Последние несколько дней и нехватка сна сыграли свою роль, метла же была удобной и знакомой. Пол слегка растянулся потом еще и еще, поднимаясь под небольшим углом и двигаясь в сторону вампиров, как один из эскалаторов которые возят людей в аэропортах. Только мой эскалатор двигался в противоположную сторону.

Никто из них не заметил, что теперь они поднимались по склону и съезжали назад с каждым шагом. Они все рвались вперед, не приближаясь ни на шаг.

Я закусила губу, чтобы не рассмеяться.

У стены в кулак хихикнул Джек.

Я добавила полу еще скорости. Теперь они уже заметили.

Маршалы удвоили свои усилия и теперь почти бежали. Если я не прекращу это безобразие, они врежутся друг в друга и их кровь будет на моих руках.

— Милорды! Я же не замок. Вам не нужно меня штурмовать.

Оба вампира остановились. Пол тоже остановился. Обычные люди потеряли бы равновесие и, споткнувшись, возможно полетели бы лицом в низ. Оба вампира одновременно прыгнули вверх, как две больше кошки в джунглях и приземлились каждый на своей стороне, того что раньше было движущимся эскалатором. Раздался грохот, когда на пол опустился полный вес доспехов.

Джек зашелся в приступе кашля.

Не смейся, не смейся, не смейся...

Оба вампира устремились ко мне, обратившись в унисон:

— Леди Дина...

Только не это.

Маршалы умолкли и попытались прикончить друг друга силой взгляда.

Я сжала левую руку в кулак. Если я прыгну от смеха им в лицо, можно забыть о любом дальнейшем сотрудничестве со Святой Анократией.

— Лорд Робарт, чем я могу вам помочь?

Робарт бросил Арланду ликующий взгляд.

— Я заплатил Арбитру цену за машину.

— Да, заплатили. Спасибо вам, гигантский водяной змей был очень вкусным.

Робарт моргнул, на мгновение сбитый с толку, но тут же спохватился.

— Я получу своего рыцаря обратно?

Рыцарь? Какой еще рыцарь? А, точно. Я совсем забыла про вампира, который почти разрубил полицейскую машину напополам. Я оставила его в подвальной камере почти на целых четыре часа. Я сосредоточилась. Рыцарь был жив и здоров. Он сидел на полу, медитируя. Я легонько подтолкнула пол и почувствовала, как он заскользил, унося на себе рыцаря.

— Вы найдете своего рыцаря в покоях вампиров.

Робарт кивнул и сощурил глаза.

— Если бы вы как следует заботились о своих гостях, которых обещаете чтить и защищать, у вашей гостиницы был бы рейтинг повыше.

Что он сказал? Вот подлец.

— Если бы вы обучили своих рыцарей подчиняться простым приказам, ваш Дом достиг бы куда большего признания на просторах империи.

Робарт стиснул зубы. Будь моя улыбка хоть чуточку слаще, ею можно было бы поливать блинчики и называть ее сиропом.

— Доброй ночи, Маршал. Лорд Арланд, чем я могу вам помочь?

Лорд Робарт развернулся и зашагал в покои вампиров.

Арланд кивнул мне с каменным лицом.

— Я пришел узнать, как идут дела с машиной.

— Конечно. Дайте мне минутку навести здесь порядок.

— Я буду ждать столько, сколько нужно, — сказал Арланд.

Я посмотрела, как Робарт вышел и проследила, чтобы дверь за ним исчезла. Калдения на своем балконе встала, помахала мне рукой и ушла, Чудовище последовала за ней. Мне нужно поговорить с ней завтра, вдруг у нее появились идеи. Остались только Арланд, Куки, Джек и я. Я повернулась к Джеку.

— Тебе что-то нужно?

Он покачал головой.

— Просто проверяю, что все расходятся по своим кроваткам, как порядочные мальчики и девочки. Увидимся с вами утром.

Джек вышел через парадный вход.

Я тихо вздохнула и подошла к Куки, который ползал по полу на коленях.

— Мне придется уйти на пару минут, но я скоро вернусь. Я запру двери, чтобы ты был здесь в безопасности. Но если что-то пойдет не так, сразу зови меня, и тут же приду.

Куки кивнул и опустил сапфир размером с железного мишку в свою сумку.

Мы с Арландом пошли обратно в конюшни, опечатав зал вместе с Куки, когда уходили. Чудовище подбежала ко мне и запрыгнула мне на руки, смотря на меня с собачьей любовью. Это самое замечательное в собаках. Неважно, ушла ли ты на день или на час — они абсолютно одинаково радуются твоему возвращению.

Рыцарь-инженер и племянница Нуан Сее о чем-то тихо беседовали. Офицер Мараис все также лежал на брезенте, где мы его и оставили. Его грудь вздымалась и опускалась в размеренном ритме. Легкая улыбка тронула губы... Должно быть, ему снилось что-то забавное. На какой-то момент я позавидовала его сну. Я устала как собака.

Патрульная машина стояла посреди стойл. Выглядела она нетронутой.

Хардвир открыл капот и показал мне двигатель.

— Смотрите.

Я посмотрела. Он выглядел как обычный, немного грязный двигатель.

— Никаких модификаций? — спросил Арланд.

— Никаких, — ответил Хардвир.

Арланд пристально на него посмотрел.

— Вы уверены? Я вас знаю. Вы точно ничего не улучшили? Никоим образом?

— Никаких улучшений. — Хардвир сплюнул в сторону. — Такой же уродливый и ядовитый, каким и попал мне в руки.

Я проверила капот, салон и багажник. Похоже, все было в порядке. Машина выглядела точь-в-точь как до встречи с кровавым топором. Я повернулась к Арланду.

— Не откажете мне в помощи? Мне нужно покинуть гостиницу и поместить офицера Мараиса в машину, а он довольно тяжелый.

Арланд кивнул мне с каменным лицом.

— Почту за честь.

Что-то было не так. Обычно он не был таким мрачным.

— Вам понадобится переодеться.

Он и глазом не моргнул.

— Само собой.

Я вышла и вернулась с парой джинсов, футболкой и спортивными ботинками сорок пятого размера. Арланд поднял густые брови — он носил эту одежду во время своего последнего визита, когда прикидывался человеком. Он взял вещи и отправился переодеться за машиной. Я повернулась к Хардвиру и племяннице Нуан Сее.

— Пожалуйста, не покидайте стойла.

— Даю вам слово, — кивнул Хардвир. — Мы останемся на месте. Я никогда не был хорошим пловцом. К тому же, я присмотрю за броней Маршала.

— Я также останусь, — отозвалась племянница. — Я слабая и беспомощная, и не хочу быть наказана.

Слабая и беспомощная, конечно. В следующий раз она попытается продать мне прибрежную виллу в Канзасе.

Арланд появился, замаскированный под человека, правда, очень большого. Камуфляж не совсем сработал. Одеть Арланда в одежду с Земли все равно, что надеть заячьи ушки на тигра. Ушки, конечно, миленькие, но тигр все равно страшный. Футболка была натянута на его плечах и слишком сильно обтягивала его руки. Он выглядел как медведь: широкие плечи, мускулистые руки, широкая грудь и плоский, жесткий живот. У него была такая фигура, которая позволяла носить весь вес вампирских доспехов и давала ему возможность махать тяжелым оружием часами без отдыха. Если полузащитник НФЛ на полной скорости врежется в Арланда, то игрок американского футбола просто от него отлетит.

Маршал подхватил офицера, будто рослый мужик был легче ребенка, положил его на заднее сиденье, а сам скользнул в пассажирское кресло спереди. Я завела двигатель, дала задний ход, и мы медленно покатались назад. Стены ускользнули с нашего пути, и когда, мгновение спустя, мы выехали на мою подъездную дорожку, рокот машины разнесся по улице. Я заглушила двигатель и затаила дыхание, прислушиваясь. Успех операции держался на отсутствии свидетелей.

Было десять минут пополуночи, и в районе царила тишина. Я подняла ручник и позволила легкому уклону дорожки сделать остальное. С легким шорохом, полицейская машина скатилась с дорожки, пересекла улицу, и поехала вниз по Камелот Роуд. Я аккуратно повернула руль, подводя ее к тому месту, где парковался Мараис до того, как начался весь сыр-бор, и я воспользовалась магией. У меня была лишь малая толика сил вне гостиницы, но и ее здесь было достаточно.

Воздух рядом с окном водителя начал мерцать, и Око материализовалось прямо из воздуха чуть справа за автомобилем, на его внешней оболочке, только что серебристого цвета, теперь клубилось идеальное отражение дороги. Я ошиблась на три фута.

— Остановить запись, — приказала я. — Стереть десять последних минут. Проекция положения.

Око излучало бледный луч зеленоватого света, который превратился в голографическую проекцию камеры приборной панели. Я медленно припарковала машину на место, пытаюсь соответствовать ей. Мне потребовалось три попытки. Офицер Мараис любил парковаться очень близко к обочине. Наконец-то реальная камера приборной панели и голографическая

проекция совпали.

— Домой, — сказала я Глазу. Он приземлился мне в руку, и я извлекла карту памяти, вставив ее обратно в бортовую камеру.

Район был еще пустынен. Здорово. Никто не заметил моих ночных маневров. Я вышла из машины и кивнула Арланду. Он вышел из автомобиля, поднял офицера Мараиса и усадил его в кресло водителя. Я пристегнула его ремень, и, дотянувшись через открытое окно, осторожно, держась подальше от зеркал, включила камеру. Мы тихо отошли в сторону, и пошли вглубь микрорайона.

— Что мы делаем? — пробормотал Арланд, его внушительная фигура маячила рядом со мной

— Мы сделаем большой круг и выйдем к гостинице с другой стороны, чтобы не попасть в камеру.

— Не будет ли в записи пробела?

Я отрицательно покачала головой.

— Око зафиксировало более четырех часов видео, а затем превратило его в семь часов отснятого материала, используя случайный алгоритм с фальшивой отметкой времени. Это полностью переписало ваше прибытие. Сейчас реальная камера приборной панели записывает уже поверх этого видео. К тому времени, когда он проснется, последние кадры со случайным алгоритмом будут заменены реальными видео. Когда офицер Мараис будет его смотреть, он будет видеть часы, как сидит перед гостиницей и ничего не происходит.

Незначительные скачки в поле зрения камеры — это единственный признак нечестной игры, который может быть. Око проанализировало кадры на sd-карте и позиционировало себя, чтобы вид точно соответствовал, но идеального соответствия положению автомобиля было очень тяжело добиться. Потратив больше времени, я, скорее всего, смогла бы добиться лучшего результата, но рано или поздно кто-нибудь заметит меня в полицейской машине.

— Разумно, — кивнул Арланд.

Да, разумно и очень дорого. Дистанционная камера стоила мне кучи денег и услуги, которую было очень сложно оплатить.

Мы свернули на Бедивер Роуд.

— Дина — сказал Арланд. В его голосе была легкая шероховатость. Не Леди Дина, а Дина. Он что-то затевает. Что не есть хорошо.

— Да?

— Я всего лишь скромный солдат.

Ну вот, приехали. Слышала я уже от него когда-то подобную речь. Ничего хорошего она не сулила.

— Нас с вами связывает общее прошлое.

Ладно, на что он уже мог обидеться?

— Мы были товарищами по оружию, сражались бок о бок ради общей цели. Мы преломили вместе хлеб.

Неужели это из-за еды? Он расстроился, что мы не подали на обед красное мясо? Но мы предупредили их, чтобы не ждали обильной трапезы в первый день, ведь отдельные обеды будут доставлены в покои. Мы не собирались накрывать банкет до завтрашнего дня.

— Такого рода связь остается с тобой.

Он обиделся, что я позволила отрокам попать из пушек? Или потому, что они явились в гостиницу первыми, а вампиры последними? Но мы вроде все компенсировали,

позволив Святой Анократии первыми открывать официальную церемонию в бальном зале.

— Дина...

Он опустил голову и посмотрел мне в глаза. Мелкая дрожь пробежала у меня по спине. Арланд был полностью сосредоточен на мне. Его лицо было красивым, но его глаза были захватывающими. Глубокие, насыщенно синие, как правило, в них была властность или агрессия, но прямо сейчас они были теплые, смягченные эмоциями, пока они выглядели почти бархатными. Он потянулся и взял мою руку в свою, мозоли на его сильных пальцах слегка царапнули мою кожу.

Я поняла, что мы остановились под дубом у какого-то дома. Внезапно, ночь стала очень маленькой, и Арланд целиком ее заполнил собой.

Я оставила свою метлу в гостинице. Здесь были только я, темнота, и вампирский рыцарь.

Он взял мою ладонь, проведя большим пальцем по моим пальчикам.

— Я хочу знать, чем я вас обидел. Какой бы промах я не допустил, я постараюсь его исправить.

Было бы здорово понимать, о чем он говорил. Сложно сконцентрироваться, когда на тебя так смотрят.

— Скажи мне, — Он стоял слишком близко. Его голос был слишком интимным. И он по-прежнему смотрел на меня с таким теплом, как будто я была кем-то особенным. — Что я могу сделать, чтобы вернуть твое расположение?

Он погладил мою руку. Почему-то это показалось более интимным, чем поцелуй. Мой пульс участился. Это было абсурдно. Если я не создам между нами какую-нибудь дистанцию, я могу сделать что-то, о чем позже пожалею. Если вы ответите вампиру «да», он услышит только «я сдаюсь», а я не собиралась сдаваться.

— Вы ничем меня не обидели.

— Тогда почему вы сначала обратились к Робарту?

Чего?

— Вы дали ему слово раньше меня.

Я прочистила горло.

— Вы расстроены, потому что я заговорила сначала с Робартом, а не с вами? Там, в зале, прежде чем пойти проверять машину?

— Я понимаю, что в обстоятельствах саммита обмена откровениями быть не может, — сказал Арланд. — Видимость приличия должна соблюдаться и любого намека на наличие любимчиков следует избегать любой ценой. Но когда кое-кто приехал так издалека, он ищет малого. Случайный взгляд. Немного доброты, безвозмездной и незаметной для всех, кроме адресата. Какой-то намек, знак, что он не забыт. Кое-кто может принять предпочтение ему извечного соперника на публике за определенный знак.

До меня дошло. Его чувства и правда, были задеты.

— Вы не забыты — сказала я ему, и это была чистая правда. — Я с нетерпением ждала встречи с вами. Я поговорила с Робартом, прежде чем говорить с вами, чтобы он ушел. Не поступи я так, он бы до сих пор был в зале, ожидая моего возвращения.

Арланд мне улыбнулся.

Ух ты.

Когда говорят, что улыбка может запустить тысячи кораблей, имеют в виду Арланда. Только в его случае, эти корабли будут армадами, перевозящими армию одних из лучших

человекоподобных хищников, которых удалось создать галактике, готовых перерезать своих врагов на поле боя.

Дыхание перехватило, и я захотела попятиться назад. Но он продолжал держать мою руку.

Я собрала волю в кулак, чтобы голос зазвучал нормально.

— Арланд? Могу ли я получить назад мою руку?

— Приношу свои извинения. — Он разжал пальцы и позволил моей руке выскользнуть. — Это было очень самонадеянно с моей стороны.

Судя по его самодовольной улыбке, он ни о чем не жалел. Он хотел получить ответную реакцию, и он ее получил.

Я совершила большую ошибку. Я общалась со многими вампирами раньше. Несколько месяцев назад, когда он помог Шону и мне уничтожить убийцу-дахака, он сделал все, чтобы показать заинтересованность во мне. Я не общалась с ним несколько месяцев, но ничего не изменилось. Вампиры, как правило, невыносимо целеустремлены.

Мне не стоило звать его со мной. Мне нельзя было ни в коем случае покинуть гостиницу вместе с ним. Я продолжала совершать дилетантские ошибки, поскольку устала так, что мне нужно было спички в глаза вставлять. Мне нужно было хоть немного поспать. Сейчас это уже стало необходимостью.

Я пошла. Чем раньше мы дойдем до гостиницы, тем лучше.

Улица повернула. Последний дом был без забора, который обвалился недели три назад, а хозяева его еще не заменили. Мы бесшумно прокрались через двор, пересекли главную дорогу до лесистой местности, и начали спускаться по узкой тропе, которая привела бы нас к заднему двору.

— Я рад, что вы обратились ко мне за помощью, — произнес Арланд. — Однажды я уже говорил вам полагаться на меня. В любое время, я готов стать вашим щитом.

— Спасибо. Вы очень добры.

Я ступила на землю гостиницы. И облегченно вздохнула, когда магия вернулась ко мне.

Через десять минут я впустила Арланда, Хардвир и племянницу Нуан Сее в бальный зал. Гостиница приглушила свет, и спокойное теплое сияние озаряло комнату. Я открыла двери и закрыла их после того, как они прошли.

Пол в бальной зале был чист. Не осталось и намека на присутствие золота и драгоценностей. Где же Куки?

Я закрыла глаза, сосредоточившись. Вот он где, в уголке. Я подошла к нему. Маленький лисенок свернулся клубочком на полу, подложив сумку под голову вместо подушки. Я ласково потрепала его за плечо.

— Куки? Куки?

Он открыл свои бирюзовые глаза и сонно захлопал ресницами.

— Идем, я проведу тебя в постель.

— Не могу, — зевнул он. — Я должен найти изумруд.

— Какой изумруд?

— Большой такой. «Зеленый Глаз». Очень дорогой. — Лисенок весь сник. Вид у него был измученный. — Если я его не найду, у меня будут проблемы.

Я заставила гостиницу проверить пол. Ничего. Изумруда здесь не было.

— Мы поищем его утром. — Я взяла его за руку и помогла подняться на ноги. — Идем. Пора спать.

Я довела его до выхода и проследила, как он поднимается по лестнице. Там он постучал в одну из дверей второго этажа. Она открылась, и другая лиса проводила его внутрь.

Я запечатала бальный зал и потащила к себе наверх. Мне нужно было принять душ, но кровать казалась такой уютной.

Мы с Гертрудой Хант пережили первый день. Мы справились с большим кризисом, преодолели грандиозную церемонию и сумели отправить всех по кроваткам без кровопролитий. Я похлопала гостиницу по стене:

— Я тобой так горжусь.

Гостиница тихонько закрипела, а дерево потеплело под моими пальцами.

Я собиралась сесть на кровать, но мои ноги так устали, что отказались держать вес. Я плюхнулась на покрывало, зевнула и отключилась.

* * *

Гостиница разбудила меня в шесть тридцать. Мне приснилось, что Шон Эванс вернулся, мы жарили барбекю, и он спорил с Орро, как правильно приправлять ребрышки. Я лежала в постели с открытыми глазами, глядя на потолочные балки и мысленно пересчитывала своих гостей.

Все были там, где им и положено находиться, за исключением Джорджа, который был на кухне с Орро. Арбитру и его людям была дана свобода передвижения по гостинице, за исключением личных покоев гостей. Каждая фракция была защищена двумя дверями. Наружные двери выходили в бальный зал. Я их запечатала, но они могли быть открыты по приказу Джорджа. Внутренние двери полностью контролировались гостями. Джорджу и его свите требовалось постучаться и спросить разрешения войти. Пусть он и был Арбитром и платил по моим счетам, но я бы не позволила ему иметь полный доступ. Приватность моих гостей была священна.

Я закрыла глаза. Сон о барбекю был таким ярким. За пару секунд до пробуждения я почти поверила, что он был наяву.

Эту странную одержимость Шоном Эвансом пора прекратить. В ней был бы смысл, если бы между нами существовали какие-нибудь отношения, но даже если бы я соврала себе и сказала, что они есть — он ушел. Они все уходят. Это основная истина жизни хозяйки гостиницы: гости приехали, вошли в вашу жизнь, и ушли, а вы остались, никогда не зная, увидите ли их еще раз. У меня была возможность поболтать с соседями и Калденцией, но у меня было мало друзей. Шон узнал меня и принял меня такой, какая я есть. С ним мне не приходилось притворяться кем-то другим.

Я постучала по покрывалу рукой. Чудовище вскочила и стремглав помчалась ко мне, в полном восторге, что ее приглашают на кровать. Я прижала ее к себе и погладила. Мне нужно привести свои чувства в порядок. Вчера был первый день, но сегодня начиналась настоящая работа.

— Музыка Рейки, — пробормотала я.

Тихая, успокаивающая мелодия флейт и барабанов наполнила комнату, парящая на фоне звуков далекой грозы. Я нашла саундтрек на распродаже, и он оказался на удивление успокаивающим. Я спокойно сидела на моей кровати с закрытыми глазами. Просто отпусти

все это. Погрузись в музыку, послушай успокаивающие звуки, и пусть все это уходит...

Меня растормошила магия гостиницы.

Я открыла глаза, и на стене появился экран, показывая выскакивающего из машины офицера Мараиса. Его лицо украшали свежие царапины — последствия вчерашнего падения на тротуар. Чудовище гавкнула разок, увидев его, и обнажила клыки.

Вот это будет любопытно.

Офицер Мараис подбежал к передней части автомобиля и уставился на нее в шок. Саундтрек Рейки продолжал играть. Пение птиц добавило приятных высоких нот к звукам флейты.

Офицер Мараис бросился обратно на водительское сиденье, нажал рычажок, открывающий капот, подбежал назад, и резко дернув, поднял крышку.

— За кого вы меня принимаете, за профана? — проворчала я.

Офицер Мараис отпрыгнул от капота, его лицо побелело, и он пустился расхаживать взад-вперед перед машиной, поглядывая на капот время от времени.

Я почувствовала себя виноватой. Мне встречались плохие полицейские. Иногда, стоит человеку получить немного власти — особенно, если всю жизнь он чувствовал себя бессильным, — как она заводит его в ужасные места. Мараис не был одним из таких копов. Он спокойно следовал правилам и посвящал себя своей работе. Он не упивался властью, не орал на людей и не издевался над ними. Он был копом типа Энди Гриффита — который полагался на свой авторитет больше, чем на пистолет. Он скорее хотел, чтобы его уважали, а не боялись. Его разум твердил ему, что с Гертрудой Хант что-то было не так, и он искренне хотел докопаться до истины. Если бы я устроила нарко-лабораторию или организовала шайку автоугонщиков, он бы расправился со мной в кратчайшие сроки, но гостиница была так далеко за пределами его понимания, что он не мог даже догадываться о правде, и если бы ему каким-то образом это удалось — он бы не поверил.

Мараис повернулся и посмотрел на гостиницу.

— Все верно. Вас обвели вокруг пальца.

Офицер Мараис стиснул зубы, отчего на его челюсти вздулись желваки, ринулся к машине и забрался внутрь.

— Приблизь, — попросила я.

Гостиница увеличила изображение. Офицер Мараис с мрачным видом просматривал записи с видеорегистратора.

— Не-а, там тоже ничего. Моя взяла. Чешите домой.

Сейчас он заведет свою колымагу и уберется восвояси, а я наконец-то начну свой день.

Офицер Мараис вышел из машины, лязгнув дверью, и направился к гостинице.

Вот блин.

Я выпрыгнула из постели и натянула свежую пару спортивных штанов. Мне нужен лифчик. Где, черт возьми, я сложила свою стирку? Я вытащила корзину с бельем из шкафа и принялась ее перерывать. Если бы я раскладывала свои вещи по местам после стирки, у меня бы не было такого бардака... Вот он. Я надела лифчик, накинула белую футболку, и, выскочив из своей спальни, побежала по длинному коридору. Музыка Рейки следовала за мной.

— Выключить — выдохнула я. Музыка исчезла. Чудовище бежала впереди меня и лаяла в полном восторге. Я побежала вниз по лестнице, прыгая через ступеньку, и ворвалась в прихожую как раз, когда позвонили в дверь.

Я влетела на кухню, пробежав мимо Орро и Джорджа, схватила чашку из шкафчика, сунула ее под кофемашину, и нажала первую попавшуюся кнопку.

Дверной звонок зазвонил снова. Чудовище зашлась лаем в соседней комнате.

Я схватила кофе, плюхнула в него целую кучу сливок, чтобы охладить, и направилась к двери.

Звонок разрывался вовсю.

Я распахнула дверь и уставилась на разъяренную рожу офицера Мараиса.

— Офицер Мараис! Доброе утро. Чем могу быть полезна? Что стряслось на сей раз? По соседству заметили чупакабру? Или бигфута? Может быть, кто-то видел НЛО? С нетерпением жажду услышать, что это все моя работа.

Я отхлебнула кофе с самым невинным видом.

— Вы... — офицеру Мараису понадобилась недюжинная сила воли, чтобы сдержать себя в руках. — Я знаю, что произошло.

— Что произошло, когда? Где?

— Здесь. — Он ткнул пальцем в пол.

Я покосилась на пол.

— Я не...

— Я видел, как на дороге возникла группа мужчин.

— Что значит «возникла»? — раздался голос Джорджа.

Я оглянулась через плечо. Он был одет в просторные серые брюки и бежевый шерстяной свитер. Офицер Мараис посмотрел на него долгим взглядом, без сомнения, сохраняя его лицо в памяти.

— Когда я попытался допросить их, то подозреваемый — большой мужчина — размахнулся огромным клинковым оружием и разрезал капот моего автомобиля. Затем вы использовали неизвестное устройство, чтобы задержать меня. Меня протащили по туннелю в конюшни, где я лежал на полу, пока вы с остальными обсуждали, что со мной делать. Потом вы сделали мне укол, и я потерял сознание.

Я вздохнула и отпила кофе.

— Если все произошло так, как вы говорите, тогда должны были остаться доказательства. На вашей машине должны быть повреждения, а на бортовой камере — запись этих событий. У вас есть какие-нибудь доказательства, офицер Мараис?

Его лицо стало пунцовым.

— Вы ее починили.

— Я починила ваш автомобиль? Если абстрагироваться от того, что я не механик и ничего не знаю о ремонте автомобилей — если я его починила, то на нем должны были остаться какие-то следы. Имеются ли признаки ремонта?

На челюсти офицера снова заиграли желваки.

— Мне кажется, что вы работаете сверхурочно, — сказала я. — Я видела, как вы спали сегодня утром в своей машине. Похоже, вам приснился очень яркий сон. Ваши сны не дают вам право приходить сюда и преследовать меня и мою гостиницу. Я не знаю, что я сделала, чтобы вы меня так невзлюбили, но это неправильно и нечестно. Сейчас вы мешаете мне зарабатывать на жизнь. Я не нарушала никаких законов. Я не преступник. Вы считаете нормальным постоянно приходить сюда и обвинять меня в случайных происшествиях только потому, что я вам чем-то не угодила?

Он выглядел опешившим.

— Отправляйтесь домой, офицер. Уверена, ваша семья вас уже заждалась. Я не собираюсь подавать жалобу, но надеюсь, что вы прекратите заявляться у меня на пороге всякий раз, как происходит или не происходит что-то странное.

Я закрыла дверь и прислонилась к косяку.

Моментом позже, магия прозвенела у меня в голове, сообщая, что Мараис покинул пределы гостиницы. Джордж подошел к окну.

— Он уходит. Отлично сработано.

— Если бы я стала с ним спорить, он бы продолжил атаковать. Вместо этого, я повела себя как жертва, а офицера Мараиса обучали им потакать, — я все еще чувствовала вину за манипулирование им.

— Саммит начнется через два часа, — сказал Джордж. — Боюсь, я должен просить вас об услуге. Мне нужна ваша помощь.

Я посмотрела на свою чашку кофе. Я не хотела оказывать никому никаких услуг. Я просто хотел пятнадцать спокойных минут наедине с моим холодильником. Я едва поела прошлым вечером, и только что выдула целую чашку кофе на пустой желудок. Но у меня была работа. Наверное, это будет что-нибудь простое.

Я улыбнулась Арбитру.

— Чем могу быть полезна?

— Если я дам вам координаты определенного мира, не могли бы вы открыть в него дверь? — спросил Джордж.

— Какого мира?

Он взмахнул тростью. В воздухе вспыхнул ряд багровых чисел. Первые две цифры сказали мне все, что мне нужно было знать.

— Нет, — ответила я.

— Но я видел, как вы открываете врата, — возразил он.

— Это не так просто. — И никогда не было. — Почему бы нам не присесть?

Мы вернулись на кухню и сели за стол. Орро подошел ко мне, как некое пятно коричневого цвета и вдруг передо мной из ниоткуда материализовалась тарелка с двумя крошечными блинчиками, наполненными кремом и ломтиками клубники. Я даже не видела, как он его туда поставил. На нашей кухне работает ниндзя.

— Спасибо, — сказала я.

Орро кивнул и направился к плите.

Джордж терпеливо ждал.

— Механизм гостиниц не до конца понятен. — Я отрезала маленький кусочек пирожного и попробовала. Он практически растаял у меня на языке. — Орро, это божественно.

Иголки Орро слегка приподнялись.

— Мы живем в них, мы пользуемся ими, но даже мы, хозяйева, не знаем, почему они функционируют именно так.

В кухню вошли Джек с Гастоном.

— Проще всего представить их в виде деревьев. Гостиница, например, Гертруда Хант, начинается с семечки. Семя — слабое и хрупкое, но если должным образом за ним ухаживать, как правило, прорастает. Оно направляет корни глубоко в землю. То, что мы видим — я сделала небольшой круг вилкой, охватывающий всю кухню — это только малая часть истинного облика гостиницы. По мере того, как она растёт, она начинает

распространять ветви по вселенной. Эти ветви не подчиняются нашей физике. Некоторые пронизывают нашу реальность. Некоторые меняются, выходя за пределы нашего понимания. Одна гостиница приличного возраста, как Гертруда Хант, может простираться в другие миры.

— Как Иггдрасиль, — сказал Джордж.

— Да, вроде того.

— Что такое Иггдрасиль? — спросил Джек.

— Священное дерево древних норвежцев, — пояснил Джордж. — Оно простирается во все девять миров их мифологии.

— Дело в том, что хранители не могут указывать направление роста ветвей, — сказала я. — Мы узнаем, когда гостиница дотягивается до определенного мира, и спустя какое-то время получаем к нему доступ, но мы не можем заставить гостиницу вырастить ветвь к месту по нашему выбору. Большинство гостиниц инстинктивно выискивают Баха-шар. Обычно это первый мир, который открывается нам. Мы не знаем, почему. Люди иногда говорят, что семя первой гостиницы было привезено к нам из Баха-шара и что все его потомки инстинктивно ищут путь на родину, также как лососи преодолевают сотни километров, чтобы добраться до своих нерестилищ. Могу вам сказать только, что я знаю каждый мир, в котором есть ветви гостиницы — мира с вашими координатами среди них нет. Кроме того, вы запрашиваете портал в мир, который очень похож на наш. Это ещё одна Земля, которая существует в её собственной крошечной реальности, отщеплённая от большинства космоса. Это как сунуть руку в карман пальто вселенной. Я не знаю возможности каждой гостиницы на Земле, но мой отец всегда говорил мне, что создание прохода в такое альтернативное измерение невозможно. Это разрушит гостиницу.

Джордж откинулся на стуле. Я ела свое пирожное, наслаждаясь каждым кусочком.

— Но вы можете открыть портал в Баха-чар?

— Да.

— Если тебя поймают, у нас будут крупные неприятности — сказал Гастон.

— Придется рискнуть. — Джордж спокойно встал. — В таком случае, я все же буду признателен вам за вашу помощь. Я хотел бы, чтобы вы сопровождали меня в тот мир и обратно. Я могу найти путь туда от Баха-чар, но вы нужны мне, чтобы привести меня обратно к гостинице.

Я потеряла лицо.

— Вы просите меня покинуть гостиницу полную гостей.

— Да. Всю ответственность я беру на себя.

— Я не понимаю. Вы арбитр. У вас есть технологические возможности, чтобы найти гостиницу из Баха-чар.

— Я не хочу использовать эти возможности по личным причинам — сказал Джордж.

— Вы чего-то не договариваете.

— Он хочет отправиться в запретный для нас мир, — сказал Джек. — Наш родной мир. Если он воспользуется любым из гаджетов, предоставленных нам Арбитражным Управлением, его можно будет выследить. И они возьмут его за зад.

Я потратила несколько мгновений, чтобы оплакать мою опустевшую тарелку и подумать о том, что я собиралась сказать дальше, чтобы не добиться полного отчуждения человека, отвечающего за подписание денежного чека.

— Итак, вы хотите, чтобы я подвергла опасности моих гостей, оставив гостиницу, и

сопровождала вас на миссию, которая потенциально может привести к вашему увольнению, срыву мирных переговоров, отказу оплаты моих услуг, а также к потере репутации моей гостиницы. Помогите мне понять, почему я должна все это сделать?

Гастон тихонько рассмеялся.

Джордж вздохнул.

— Я просто заинтересован в успехе мирных переговоров, как и вы. Сейчас так обстоят дела, что я не верю в успех саммита. Вся проблема в Руахе, пуленепробиваемом мечнике.

Ага. Он подразумевает, что Гертруда Хант не сможет совладать с одним отрокаром?

— Ты сомневаешься в моей способности справиться с ним?

Джордж поморщился.

— Это не вопрос. Я знаю, что вы можете превозмочь Руаха. Проблема в мышлении отрокаров. Отрокары признают, что отдельно взятый вампир — это более элитный воин; однако, они имеют непоколебимую веру в собственное превосходство путем применения генной специализации. Руах — вершина этого процесса. Они верят, что он непобедим с мечом. Пока он царствует, он заставляет их чувствовать себя непобедимыми. Я должен разрушить эту веру. Я должен доказать им, что он и Орда не являются непобедимыми и мне нужно сделать это на языке, который они поймут.

— Почему бы не использовать вампиров? — Спросила я.

— Потому что это обмен шила на мыло. — Калдения прошествовала на кухню. Её волосы были тщательно уложены, её бледно-зелёное платье, которое красиво подчёркивало цвет ее кожи и ее макияж были безупречны. Глаза ее были внимательны, и в ее поведении было что-то королевское, и что-то придающее ей лёгкий оттенок опасности. Ее Изящество в своем репертуаре.

Трое мужчин поклонились. Она кивнула им и приняла чашку чая у Орро.

— Если он использует рыцаря, чтобы победить непобедимого отрокара, то же чувство неприкосновенности, которое сейчас испытывают отрокары, появится у Святой Анократии. Чтобы заставить их сотрудничать и работать вместе, обе стороны должны быть унижены. Он должен потрясти их мировоззрение.

— Я готов рискнуть своей карьерой — сказал Джордж, — потому что я считаю, что это совершенно необходимо. Это не сиюминутное решение.

У меня было ощущение, что Джордж ничего не делал сиюминутно. Если он когда-либо решит спонтанно переспать с кем либо, он, вероятно, все очень тщательно изучит и организует.

Мяч в моих воротах. Оставлять так много гостей без присмотра — сумасшествие. Но Джордж был прав. Чем дольше эти переговоры продолжались, тем больше восстановиться гостиница, но тем больше денег будет стоить нам их присутствие. Саммит должен завершиться в разумные сроки, и все должно было кончиться миром, а не войной. Если на саммите не удастся подписать мирное соглашение, то тумакон будут раздавать очень много, и Гертруде Хант тоже большая порция достанется.

Что делать? Нас не будет, по крайней мере, час. За час много всего может произойти. Офицер Мараис может вернуться с подкреплением. Отрокары могут попытаться пробиться через стены и устроить дебош. Вампиры могут поджечь гостиницу...

Так, пора с этим завязывать. Безумные теории ни к чему не приведут.

Моя мать не одобрила бы этого безрассудного плана. А отец посчитал бы его приключением. Даже от родителей не было помощи.

— Проводи меня до Баха-чар, — сказал Джордж. — Я обещаю, что после того, как мы туда попадем обо всем лично позабочусь.

Если нас поймают, у Джорджа будут проблемы, и у меня, за компанию, тоже.

— Завтрак будет подан гостям в их покоях через полчаса, — сказала я. — В соответствии с расписанием, саммит должен начаться через час после завтрака. Итого, у нас есть полтора часа. Вашим людям придется следить за порядком все это время.

— Это не будет проблемой, — заверил Джордж.

Я встала.

— Нам стоит поторопиться.

* * *

Я села на корточки на полу небольшого магазина. Красивые, бледные ковры закрывали стены и пол, обеспечивая фон для сотни сложных лакированных изделий украшенных с кропотливыми узорами сочного бирюзового, жизнерадостно золотого и ярко-алого. Кувшины в форме экзотических птиц, тарелки, где странные монстры сошлись в битве друг с другом, блюда, показывающие иноземные цветы, заполняли все прилавки и ждали в каждом углу. Как хорошо, что я взяла с собой очень мало денег, а то я бы ушла отсюда с чем-то.

Джордж, одетый в простой коричневый плащ, сидел рядом со мной на корточках, погрузившись в переговоры с владельцем магазина. Лавочник был так укутан слоями синих и белых лохмотьев, что не было видно ничего кроме глаз и узкой полоски оливковой кожи вокруг них. Он махал руками, пока торговался с Джорджем на незнакомом языке. Его руки выглядели вполне человеческими, но на каждой было только три пальца, кроме большого.

Нам понадобилось двадцать минут, чтобы найти магазин, и мы сидели здесь на корточках так долго, что у меня начали гудеть ноги. Я чувствовала, как утекает время, капля за каплей. Отчасти мне хотелось вернуться обратно в гостиницу. А маленькая частичка меня хотела снова отправиться к Уилмосу, и спросить у него о Шоне.

Торговец поднялся. Джордж встал, и бросил небольшой кошелек ему в руки. Лавочник протянул клубок синей пряжи Джорджу, привязал конец нити к полке, ушел в заднюю часть магазина и вытащил ковер. Утренний свет заполнил лавку. Лавочник поманил нас.

Здорово. Вот волшебная нить. Держись так, чтобы не заблудиться и надейся, что в конце пути тебя не ждет Минотавр. Джордж пошел на свет, позволяя пряже разматываться от клубка, пока он двигался. Я встала и последовала за ним. Огромный сад раскинулся перед нами: ряды и ряды розовых кустов в окружении сорокафутовой стены винного цвета. Тут и там стена перемежалась башнями.

— Где мы? — спросила я.

— Это Ганэр — колледж — сказал Джордж. — В моем мире это место лечения.

Женщина прогуливалась среди роз. Она была примерно моего роста. Ее темно-шоколадные волосы были собраны в консервативный, но элегантный пучок. Серое платье облегло фигуру, спадая тяжелыми складками, подол касался камешков на тропинке, когда она шла. Тонкая, как паутинка подходящая серая ткань была задрапирована, образуя ассиметричную оборку на левом плече. Она, казалось, примерно моего возраста, не особо

высокой, сильной или очень впечатляющей.

Я взглянула на Джорджа. На мгновение его холодная маска соскользнула, и я увидела глубокую, всепоглощающую тоску в его чертах. Мой отец безраздельно любил маму. К тому же он с подозрением относился к современному миру. Он понимал его, но тот развивался слишком быстро и его опасности казались отцу преувеличенными. Он рассматривал каждую поездку в магазин как неудачную попытку самоубийства, а каждый крупный город, как рассадник головорезов и воров, поджидающих своих жертв. У него и в мыслях никогда не было запретить маме делать то, что она хотела. Но иногда, когда мама собиралась уходить по делам, особенно если ей нужно было ехать в город, он смотрел на нее именно так, словно больше всего на свете хочет обнять ее и держать с собой в безопасности.

Выражение мелькнуло и исчезло с лица Джорджа, но было уже слишком поздно. Я его увидела. Космический арбитр не был безупречным.

Джордж начал спускаться вниз, и я последовала за ним. Когда мы где-то в тридцати футах были от женщины, она остановилась.

— Это достаточно близко.

Джордж остановился.

— Ты меня очень разозлил. — Она говорила с незнакомым, но интеллигентным акцентом. — Я не люблю злиться, Джордж. Я очень усердно работаю, чтобы избежать эмоций. Ты должен уйти.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он.

Она развернулась. Я почти никогда не завидовала женщинам. Если это случалось, то обычно потому, что я отправлялась за покупками. Я стояла в очереди, скучала, и если журнал «Пипл» или какая-нибудь другая газетенка привлекали мое внимание, то я их покупала, потому что чувствовала себя виноватой, если ставила их назад, после того как пролистала. Я смотрела на актрис и моделей за чашечкой чая, и иногда мне хотелось, чтобы мои глаза были больше, а губы полнее. Но актрисы и модели были абстрактными людьми: наполовину реальность, наполовину отретушированное совершенство. Эта женщина была реальной, моего возраста, чуть выше ростом и она была невероятно, потрясающе красива без помощи фотошопа. Ее кожа была светло-золотистого оттенка, идеально полные губы, высокие скулы и глаза, похожие на горький шоколад, под почти черными бровями. Когда вы ее видели, не хотелось отрываться от нее взгляд.

Сейчас она смотрела на Джорджа, судя по изгибу её бровей, Джордж был явно не самым её любимым человеком в данный момент.

— Ты не сказал им, — произнесла она. — Ты ужинал с семьей в усадьбе Камаринов. Помогал маленькому Уильяму ловить светлячков в банку, принес подарки девочкам, и вы сидели на балконе, и пили вино с Декланом и твоей сестрой. А спустя неделю ты просто исчез.

— Я оставил записку, — сказал Джордж.

— Записку, в которой написал, что отправляешься на секретное задание за пределами планеты, забираешь с собой Джека и Гастона и вернешься через двадцать лет. Это все, что ты оставил в объяснение. Ты хоть представляешь, как волнуется твоя сестра? Твои племянницы? Племянник? Ты играешь с жизнями людей, как с игрушками, Джордж. Мы все словно шахматные фигуры для тебя. Ты перемещаешь нас по доске по своему желанию. Я могла бы понять, если бы тебе были чужды человеческие эмоции, но ты полностью осознаешь наши чувства. Ты просто решил их игнорировать. Я не могу этого понять. Ты был

таким отзывчивым, когда мы были детьми. Теперь же мы совсем ничего для тебя не значим.

— Это часть работы, — произнес он.

Она просто смотрела на него.

— Мне не позволили попроситься. Записка — все, что я мог сделать.

— Но ты снова здесь. — Она сузила глаза. — Разве ты не говорил, что приняв эту работу, не сможешь вернуться обратно? Ты опять нарушаешь правила?

— Конечно, нарушаю.

— У тебя нет проблем с нарушением правил, когда тебе это удобно. Ты хочешь сказать, что ты не мог найти какой-нибудь способ, чтобы смягчить этот удар для собственной семьи?

— Я эгоистичный убудок, — сказал Джордж. — Я не люблю боль расставаний, поэтому я её избежал.

Девушка вздохнула.

— Чего ты хочешь?

— Мне нужна твоя помощь.

— Ты меня уже спрашивал. Тогда ответ был нет. И до сих пор нет. Я не собираюсь участвовать в твоём безумном приключении. Здесь мой дом.

Джордж провел большим пальцем по трости. В воздухе возникло изображение Руаха. Мы наблюдали, как он, вращая мечами, режет пули на лету. Женщина склонила голову набок, постукивая пальцем по нижней губе. Запись остановилась и отрокар замер на середине удара, грациозный как танцор.

— Миленько, — сказала она. — Он хорош.

— Он лучше тебя? — спросил Джордж.

Она задумалась над застывшим изображением.

— Я не знаю.

— Не хочешь это выяснить?

Хищная искорка блеснула в её глазах и погасла.

— Нет.

— Идем со мной, — попросил Джордж. — Пожалуйста.

— Джордж, я работала много лет, чтобы избавиться от того, чем сделал меня мир за пределами этих стен. Там я чудовище. Я убийца. Нет, мое место здесь.

Он покачал головой.

— Ларк...

— Меня зовут Софи, — поправила она.

— Что ты здесь нашла? Это? — Он повернулся, развел руками указывая на цветы.

— Здесь я не монстр. — Она подняла голову. — Здесь я никого не убиваю. Здесь я в покое.

— Твой покой — ложь.

Она пристально смотрела на него, у меня появилось желание отойти.

— Ты не имеешь права указывать мне, как мне жить мою жизнь. Не дергай меня. Оставь меня в покое, Джордж. Я хочу умиротворения!

— Ты не создана для умиротворения. Мы, человеческие существа призваны жить полной жизнью. Мы предназначены, чтобы испытать все — грусть, разочарование, злость, доброту, радость, любовь. Мы предназначены, чтобы себя проверять. Это больно и страшно, но это то, что делает нас живыми. Ты прячешься здесь от жизни. Это не умиротворение. Это медленное, преднамеренное самоубийство.

Он замахнулся и воткнул свой посох в дорожку. Вспыхнули изображения: огромная, клубящаяся туманность, космические корабли, планеты, древние руины, странные здания, страшных и прекрасных существа... они закружились вокруг нас, красочные, яркие, колоритные... Софи смотрела на них и звезды отражались в ее глазах.

— Посмотри на это! Голос Джорджа дрожал от едва сдерживаемого трепета. — Посмотри на это! Разве ты не хочешь испытать это? Разве ты не хочешь быть смелой? Ты не нежный цветок, который проводит всю жизнь в теплице. Ты лесной пожар, Ларк. Лесной пожар.

Солнце взорвалось на изображении, его неистовая ярость потопила космос.

— Осмелюсь сделать этот шаг, и я покажу тебе чудеса за пределами твоего воображения. Я дам тебе шанс, изменить что-то. Пойдем со мной. — Джордж протянул руку ей руку. — Живи. Со мной или без меня, но живи, будь ты проклята, потому что я не могу вынести мысль о том, что ты медленно ветшаешь здесь, как какой-то пыльный ископаемый под стеклом. Возьми мою руку и захвати свой меч. Вселенная ждет.

Мы вошли в гостиницу за двадцать минут до начала саммита. Джек встретил нас в гостиной, и на его лице расплылась широкая ухмылка. Он оглядел Софи с головы до ног, изучил ее платье и два меча, которые она несла в руках.

— Что на тебе надето? Хочешь, чтобы тебя приняли за девушку?

Софи вскинула брови и ткнула его кулаком в предплечье.

— Это еще за что?

— За то, что ушел, ни с кем не попрощавшись.

Я повернулась к Джорджу, который нес большую парусиновую сумку Софи.

— Можете ее поставить.

Он бережно опустил сумку на пол, и та утонула в дереве. Софи округлила глаза.

— Идемте со мной, — позвала я. — Я покажу вам вашу комнату.

Я провела ее по восточному коридору. Лучшим местом для нее было нейтральное крыло, рядом с Калденией. Я уже рассказала ей о гостинице и о правилах пребывания в ней.

— Я размещу вас рядом с нашей постоянной гостьей.

— Вы злитесь на Джорджа, — сказала Софи. — Почему?

Я моргнула.

— Все в порядке. Вы хорошо это скрываете, но я обучалась распознавать язык тела.

Я вздохнула.

— Я должна присутствовать, когда начнется саммит, так что у меня остается меньше пятнадцати минут с вами. Приветствовать гостя в гостинице — святая обязанность хозяина. Это должно быть сделано должным образом, однако Джордж не оставил мне времени. Я ненавижу разочаровывать.

Калденция вышла из своей комнаты.

— Еще один гость? Какая прелесть.

— Ее Милость, Калденция как рет Магрэн, — представила я.

Софи опустилась в изящном реверансе.

У Калденции загорелись глаза.

— Как твое имя, моя дорогая?

— Софи.

— Просто Софи?

Софи улыбнулась.

— Пока да.

— Ты собираешься наблюдать за саммитом? — Спросила Калденция.

— Я подумывала об этом.

— Ты непременно должна меня навестить. У меня целый балкон в полном распоряжении.

— Буду счастлива, — сказала Софи.

— Тогда решено.

Ее Милость улыбнулась и пошла дальше по коридору, ее платье тянулось позади с царственным величием.

Я остановилась перед дверью. Обычно я бы предложила бы Софи напитки и побеседовала с ней в гостиной, медленно обустривая ее комнату, основываясь на ее ответах.

Времени не было. Мне придется угадать. Ppp. Что бы понравилось Софи? Она держалась с тем сдержанным самообладанием, которое казалось естественным, но, скорее всего, было результатом многих лет обучения этикету и воспитания. Калдения сразу обратила на это внимание. Они были из разных миров, но очевидно вращались в одинаковом кругу аристократичных и образованных женщин. Когда я смотрела на нее, я представляла ее в южном особняке со всеми этими белыми колоннами и бархатной мебелью, но что-то казалось неправильным. Итак, простота и элегантность в традиционном стиле или изысканная смесь английского сельского стиля?

— Она ведь не человек, не так ли? — спросила Софи.

— Нет.

— У нее острые треугольные зубы.

— Она очень опасна, — сказала я.

В Софи было что-то такое под всем этим лоском и утонченностью, что-то вроде скрытой хрупкости. Возможно, хрупкость была не тем словом. Ломкость, как у слишком острого лезвия. Нет, определенно ни простота и элегантность, ни изысканность. Черт тебя возьми, Джордж. Мне нужно на чем-то остановиться. Я не могла просто стоять перед дверью.

«Доверяй своей интуиции». Так всегда говорила мама.

— Калдения не причинит вам никакого вреда, потому что гостиница — ее убежище, и она знает, что нападение на другого гостя, кроме как в целях самозащиты, уничтожит наше соглашение. Однако она очень любит манипулировать.

— Возьму это на заметку, — кивнула Софи.

Я открыла дверь. Золотистый сосновый пол переходил в деревянные стены, выкрашенные нежным бежевым цветом. Я оставила фахверковые стены открытыми, словно никакой изоляции не было. Простая, но комфортабельная кровать из шершавого луизианского кипариса с толстым матрасом на крепком каркасе, белое плюшевое покрывало и пухлые подушки. Бежевый плетеный ковер, не слишком новый, закрывал пол. Бледно-зеленые занавески обрамляли два широких окна, открывающих вид на сад. Между ними располагалась дверь на длинный деревянный балкон. На грубо обтесанной полке в углу стояло несколько книг в мягких обложках. Оружейная стойка рядом с книжной полкой была готова принять мечи.

Рустикальный модерн. Не знаю, с чего я так решила, но это казалось верным.

Я повернулась к Софи, и практически отшатнулась. Она выглядела потрясенной.

Черт побери, ей не понравилось. О чем я только думала? Смешать сосну и кипарис, да это просто не имеет смысла...

— Вы бы хотели другую комнату?

— Нет, — тихо ответила Софи. — Нет, эта идеальна.

Пол расступился, и на поверхность вынырнула ее сумка.

— Вы входите в персонал Арбитра, и у вас есть доступ в большую часть гостиницы, — сказала я. — Если вы хотите присоединиться к нам на первом этаже, поверните направо и спуститесь на два лестничных пролета. Если желаете присоединиться к Ее Милости, поверните налево, снова налево в следующем коридоре и продолжайте идти, пока не дойдете до большой серой двери.

— Спасибо.

— Если вам нужна какая-нибудь информация, просто спросите гостиницу. Гертруда

Хант окажет вам все возможное внимание.

Пять минут до саммита. Мне ужасно нужно было попасть в ванную, прежде чем спустится вниз. Софи пробежала кончиками пальцев по деревянной подставке для мечей.

— Все возвращается на круги своя, не так ли?

Я понятия не имела, что она хотела этим сказать, поэтому промолчала.

— Мне не стоило соглашаться, — сказала Софи. — Дина, вы верите в судьбу?

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что шесть лет назад, что-то забрало моих родителей. Оно вырвало их из моей жизни и заставило исчезнуть. Я не могу поверить, что, после всего, через что они прошли, и всего, что они сделали, это была их судьба. Я не позволю стереть факт их существования. Мы сами делаем выбор в жизни. Наши действия влияют на наши жизни и только мы несем за это ответственность.

— Когда я была младше, мою маму забрали наши враги, — сказала Софи.

— Вы нашли ее?

— Моя сестра нашла, но к тому времени она уже не была нашей матерью. — Тень старой горечи заволокла ее глаза, притупившаяся, но все еще необузданная и яростная. — Ничто не ранит больше, когда ты — ребенок. Я надеюсь, что вы найдете своих родителей, Дина. Я действительно искренне надеюсь.

— Спасибо.

Огромное количество магии пронеслось по гостинице и моей голове. Я повернулась к стене.

— Внешний периметр.

Контейнер размером с дом приземлился на поле, на краю моего сада. На нем был стилизованный символ Арбитражного управления — балансирующие весы с грузом, мягко светящиеся белым. Что там еще?

— Прошу меня извинить, — сказала я.

— Конечно.

Я оставила Софи, и спустилась вниз. Джордж встретил меня у подножия лестницы.

— Что вы задумали? — спросила я, когда мы свернули к бальному залу.

— Просто маленькую демонстрацию для общего блага, — ответил он. — Прошу прощения.

— Вы заранее приносите извинения.

— Да.

Дурной знак.

* * *

Я ожидала, что Джордж откроет переговоры с того замечательного сюрприза, который он оставил в саду, но он начал переговоры так же, как вчера, сопроводив лидеров к их столу. Почти три часа прошло и ничего особенного не случилось.

Вампиры выглядели нещадно скучающими. Купцы собрались в кружок вокруг одного из пожилых Лисов, который объяснял что-то, требующее размахивания лапами и подёргивания

ушей. Некоторые отроки забросили все попытки выглядеть вежливыми и растянулись на полу. Один из наиболее больших и старых воинов отроков храпел. Пара помоложе наблюдала за ним, обмениваясь спекулятивными взглядами. Если они вытащат межзвёздный эквивалент перманентного маркера и начнут рисовать пенис у него на лбу, мне придётся вмешаться.

Мне надо было бы взять книгу, только я не смогла бы её читать. Мне нужно наблюдать за этой компанией. Я взглянула на балкон, где Калдения и София, казалось, увлечённо обсуждали что-то интересное. Хотелось бы мне быть там. Все что угодно было бы лучше, чем эта скукотища.

Магия взвыла у меня в голове, исходя из дальнего конца сада. Вот и приехали.

Непрозрачная перегородка, отделяющая лидеров фракций, скользнула вниз, и Джордж вышел с озабоченным лицом, набалдашник его трости светился.

— Мои искренние извинения!

Все бросили свои дела и повернулись к нему.

— Не соизволите объяснить, что это? — спросила я.

— Да, Арбитр, — потребовал Нуан Сее.

— Боюсь, один из наших охранных Сентинелей вышел из строя. — Лицо Джорджа было само раскаяние.

— Вы притащили сюда Сентинеля? — брови Ханум сошлись на переносице.

— Только на случай непредвиденных обстоятельств, уверяю вас. — Джордж повернулся ко мне. — Не могли бы вы включить визуализацию?

Я повернулась к левой стене.

— Вид на сад, пожалуйста.

Стены засветились, предавая изображение сада. Контейнер арбитра валялся разбитый на куски. Широкая полоса вспаханной земли делила поле, направляясь к кустам, где лежали сломанные стволы. Звук ломающейся яблони эхом отдавался в зале. Темное пятно возникло из-за деревьев, грязь полетела и огромная металлическая штукавина появилась на открытом пространстве. Она выглядела, как три сложных каркаса из черного металла, каждый толщиной в фут с бронированными панелями, вращающимися друг напротив друга, всё это было связано светящимся синим шаром в центре, шириной около шести футов. Страж завис на месте на секунду. Цепи с лезвиями выстрелили из него. Страж вертелся, как дервиш, клинки менее чем в трех футах от ближайшей яблони.

Нет. Он не посмеет.

Два фута. Джордж одарил меня извиняющейся улыбкой.

Лезвие полоснуло кору. Нет, нет, нет...

Сентинель свернул влево. Лезвие прошло прямым сквозь ствол яблони.

Только не это.

Дерево рухнуло с оглушительным треском.

Он выжил из ума.

— Лорд Камарин, — прорычала я.

— Это просто ужасно, — посетовал Джордж. — Мои глубочайшие, искреннейшие извинения.

Рухнуло второе дерево. Я вскинула метлу. Демонстрация это или нет, он об этом пожалеет.

— Нет-нет, пожалуйста. Мы позаботимся об этом. Я настаиваю. — Он посмотрел на

балкон. — Софи, не возражаешь?

Софи встала и вышла с балкона.

Он срубил мои яблони. Он за это заплатит.

— Человек? — спросил Арланд. — Вы отправляете человека против этого?

Робарт указал на Сентинеля, который повернул прочь из сада и кружил в поле.

— Это охранный модуль для массового поражения 6 класса. Эта штука призвана быть практически неуязвимой. Потребуется усиленный лазерный огонь или КСЗМ, чтобы его обезвредить.

— КСЗМ? — я была слишком взбешена, чтобы не показывать это в голосе.

— Кинетический Снаряд Значительной Массы, — пояснил Робарт.

— Он имеет в виду огромный кусок металла, выпущенный из пушки космического корабля на орбите, — растолковала мне леди Исур.

Софи появилась на экране, проходя по саду, все еще в ее сером платье и с мечом в ножнах в левой руке. Ее лицо выражало смирение перед судьбой, ее глаза были грустными. Страж был целых двадцать футов в диаметре, больше, когда цепи и лезвия снаружи. Ее рост был едва ли пять с половиной футов. Даже если она лучшая мечница в истории Вселенной, это было все равно, что пытаться остановить грузовик, несущийся вниз по шоссе, зубочисткой.

— Это самоубийство. — Дагоркун посмотрел на свою мать. — Я сейчас же могу собрать команду. Дайте нам двадцать минут, и мы превратим его в металлолом.

Ханум сощурила глаза. Она подняла руку и Дагоркун умолк.

— Мы находимся в жилом районе, — я выдавила из себя слова. — Есть предел тому, как долго я смогу скрывать это. Я позабочусь об этом.

Джордж бросил мне предупреждающий взгляд.

— Пожалуйста. Это моя забота. Позвольте мне все уладить.

Я уставилась на него, жалея, что не умею пускать лазерные лучи из глаз.

Софи нагнулась, взялась за подол своего платья и порвала его до середины бедра.

Страж увидел её. Его металлические каркасы скользили друг против друга. Шипы вскочили, защищая панели. Синее свечение запульсировало, и Страж пулей полетел в сторону Софи, огромный, яростный многотонный торнадо с острым как бритва металлом.

Софи слегка наклонилась вперед, встав на носочки.

Её сейчас переедут. Страж разбрызгает её останки на то, что осталось от моих яблонь. Я сжала мою метлу.

Джордж наблюдал за Софи со странным выражением лица.

Страж мчался к ней. Из него появилась цепь с черным лезвием в фут длиной на конце.

Софи атаковала.

Все произошло так быстро, что я этого не увидела. Одно мгновение — она стояла неподвижно, в следующее — цепь и лезвие улетели в сторону отрубленные, врезавшись в кусты, в то время как Софи побежала к Стражу. Ее меч искрился чистым белым светом, будто кто-то взял тонкие, как волосы, молнии и привязал их к стальному лезвию. Страж круто развернулся, раскачиваясь в сторону, его колоссальные каркасы крутились, пока машина лихорадочно пыталась обработать новые данные. Цепи, шипы, копья стреляли в Софи. Она уворачивалась от них, едва сдвигаясь в сторону, изящная, красивая, и нанесла новый удар. Ее меч двигался так быстро, что очертания его размывались, только призрачные движения, еле уловимые, как облако мерцающего воздуха парящего над раскаленным

асфальтом. Оружие Стражника разваливались, как будто они были сделаны из хрупкого стекла. Синий свет Стража пульсировал. Колоссальная машина атаковала Софи. Это было прямое нападение на всех парах. Он хотел раздавить ее.

Она улыбнулась. Меланхолия в ее глазах исчезла. Они сияли чистым безудержным весельем. Эти глаза, они принадлежали кому-то другому, кому-то беспощадному и жестокому, и хищному. Кто-то, кто жил ради шанса отнять жизнь другого существа и упивался этим.

Сентинель покатился прямо на нее.

Она нанесла удар. Ее меч сверкал таким белым, так ярко, что глаза слепило.

Машина продолжила катиться. Софи испарилась. О нет, он должно быть, ее переехал...

Страж развалился. Бронированные рамы разъехались друг от друга, разрезанные на куски, по краям разрезы были идеально ровные. Синий шар помутнел и рассыпался вниз рыхлой кучкой синего порошка, открывая Софи нашим глазам. Она усмехалась остаткам машины, и выражение ее лица вызвало у меня холодную дрожь в позвоночнике. Софи это понравилось. Она наслаждалась каждым моментом.

Джордж, кого ты притащил в мою гостиницу...

Софи спрятала меч в ножны.

— Как я и говорил, мы возместим все убытки... — начал Джордж.

— Дипломатии на сегодня достаточно, — оборвала его Ханум, ее голос полоснул воздух, будто удар хлыста. Она развернулась и направилась вон из комнаты, отрокары последовали за ней по пятам.

* * *

Я следила за тем, как вампиры покидают большой зал. Торговцы потянулись следом за ними. Кто-то потянул меня за балахон, и я повернулась. Передо мной стоял Куки, его огромные голубые глаза были полны печали. Кончики рысьих ушей поникли. Он выглядел таким несчастным, что я едва сдержалась, чтобы не погладить его по пушистой голове.

— Госпожа Хранительница? — пропищал он тоненьким голоском.

— Да. — Какой же он пушистый.

— Вы не нашли изумруд, не так ли?

— Еще нет.

Его уши поникли еще больше. Он был невероятно очарователен.

— О.

— У тебя проблемы с Нуан Сее? — спросила я.

— Это очень дорогой изумруд. Я в ответе за него перед моей семьей.

Поскольку отрокары взяли свой мяч, без сомнений, сделанный из черепов и завернутый в шкуру их врагов, и отправились в гнев к себе в покои, мирные переговоры фактически застопорились. Это означало, что вторая половина моего дня освободилась.

— Знаешь что, я поищу его сегодня.

Куки просиял.

— Спасибо вам!

Он вприпрыжку догнал делегацию Торговцев и вышел вместе с ними.

Нуан Сее задержался в бальном зале и подошел ко мне.

— Что хотел Нуан Куки?

Я вскинула бровь.

— Это только между мной и Куки.

— Хм. — Нуан Сее посмотрел на удаляющуюся фигуру седьмого сына своего троюродного брата.

— Тяжелый день? — поинтересовалась я.

— Я не возлагаю больших надежд на эти переговоры, — ответил он.

— Это всего лишь второй день.

Нуан Сее посмотрел на меня.

— Торговля — это старейшая и самая благородная профессия в галактике, а заключения сделок является ее валютой. Это обряд, древний, как сам космос и основы математики. Что-то всегда равно чему-то еще, и всегда можно совершить обмен. Если вы чего-то желаете, то можете от чего-то отказаться, чтобы получить желаемый результат. Жизнь — это торговля; мы обмениваем труд на его результат, обмениваем часы обучения на знания, обмениваем желания на удовольствие, а иногда и на богатство, безопасность или потомство. Я совершил тысячи сделок. Но я не могу вести дела с этими людьми. У меня нет того, что они хотят. Я предлагаю им мир, но они не хотят его. Они жаждут только войны.

Он покачал головой.

— Дайте им шанс, — попросила я.

— Я так и сделаю. Но я приму меры. — Его голос звучал зловеще. — Кроме того, у нас есть несколько просьб. Я направлю вам моих людей, чтобы вы с ними это обсудили.

Вот здорово.

— Я с нетерпением жду этого.

Я запечатала двери в гостевые покои и направилась в сад. Чудовище побежала со мной и принялась обнюхивать поваленные деревья.

Останки Сентинеля по-прежнему были разбросаны по земле. Четыре из моих двадцати деревьев лежали сломанными. Я стиснула зубы. Деревья были продолжением гостиницы, и, так же как и все на ее территории, являлись частью Гертруды Хант. Видеть их вот так сломанными причиняло физическую боль. Мне хотелось обнять их, чтобы они снова стали целыми. Джордж за это заплатит. Так или иначе.

Я пнула кусок каркаса Сентинеля. Ай.

— Мне очень жаль, — сказала я.

Оставшиеся деревья зашелестели.

Я кивнула в сторону Сентинеля.

— Забери его. Используй все, что сможешь. — Гостиница могла найти применение и металлу, и продвинутой электронике. Джорджу ничего не достанется.

Страж исчез в земле. Я нагнулась и погладила отрубленные стволы. Их стебли, может, исчезли, однако их корни были все еще там, все еще живы. Может быть, они еще вырастут. Только время покажет. Я хотела ударить Джорджа прямо по лицу.

Я вошла внутрь, приготовила чашку чая и уселась в гостиной в свое любимое кресло. Чудовище запрыгнула в свою собачью постельку, покрутилась вокруг себя раза три, и улеглась. Гостиница записывала каждую минуту встречи. Будет не трудно выяснить, кто взял изумруд Куки. Я просто должна буду посмотреть около пяти часов записей и выяснить, куда он делся.

— Мне нужен экран и запись первого вечера саммита.

С потолка спустился экран, растущий на тонкой ножке. Запись началась. Я щелкнул по ней, перематывая вперед, до входа Куки... проблема была в том, что он бросал камни полными лапами. Трудно было сказать, какой конкретно изумруд он имел в виду.

Я почувствовала, что ко мне кто-то приближается, и остановила запись.

— Да?

— Мята. — Орро потряс передо мной веточкой мяты.

— И?

Он сунул веточку мне под нос.

— Она вялая! Я не могу готовить из вялой мяты!

— Я пойду сегодня вечером и куплю больше мяты.

— Хорошо! — Он сунул мне листок бумаги. Фотографии трав, мяса, риса, молока, и яиц заполнили его две аккуратные колонки с большими черными цифрами цен рядом с ними.

— Что это?

— Все остальное, что мне необходимо.

— Где ты это взял?

— Ваши рынки рассылают перечни продуктов, напечатанные на этой устаревшей бумаге.

— Ты взял это из рекламки «ХЕБ»? (ХЕБ» — сеть продуктовых магазинов в Техасе)

Орро замахал своими когтями в мою сторону.

— Я не знаю, как это называется. Из всех листов рынков продуктов этот лучший. Мне нужны эти вещи. Мы обслуживаем банкет.

Я открыла было рот поспорить, но тут же его захлопнула. Он был прав. Мы еще не устраивали официального обеда.

— Продукты! — Орро погрозил мне бумажкой.

— Я все куплю, — я взяла у него листок. — Спасибо.

Он уронил тонкий ломтик лимона в мой чай и исчез на кухне.

Я возобновила запись. Пригоршни драгоценностей разлетаются по полу...

Мягкий перезвон объявил о входящем запросе от гостя. Я остановила запись и щелкнула по экрану. Он разделился, показывая одного из членов клана Нуан, стоящего у двери, ведущей в бальный зал. Требования, упомянутые Нуаном Сее. Я открыла дверь, закрыла ее за гостем и поднялась, когда он вошел в гостиную. Серая лиса в крапинку из красивых синих пятен, у него в левом ухе были два золотых кольца, и он был в фартуке. Он был старше, чем Куки, но моложе Нуан Сее.

— Я — Нуан Ара, младший сын единокровной сестры Нуан Сее.

— Рада знакомству, — я жестом предложила ему присесть в кресло напротив и убрала экран в сторону.

Нуан Ара сложил лапы на коленях.

— Это для Нуан Рэ, уважаемой бабушки, она, кто обладает великой мудростью, корень, из которого мы растем.

— Да не коснутся её ноги земли. — Это не первое мое родео. Я знаю обычаи. Купеческие кланы почитают свое старшие поколения. Если бабушка захотела что-то, весь клан бы вывернется наизнанку, чтобы получить это. Мне придется выполнить эту просьбу или Нуаны будут ненавидеть меня вечно. Что она могла захотеть?

— Она желает приобрести маленького хищника.

— Маленького хищника?

— Да. — Нуан Ара кивнула. — Бесшумный, таинственный, безжалостный убийца, который бродит по ночам, и нещадно убивает своих жертв для еды и удовольствия.

Эм... Что?

— И она уверена, что может найти этого хищника здесь?

Нуан Ара кивнул.

— Она видела картинки. У них горящие глаза, острые когти и они известны своей жестокостью.

— Ага.

— Что она имела в виду?

— Она особенно заинтересована в скучающем хищнике. Ей очень нравится манера поведения и расцветка на картинках. Она понимает, что не может получить именно его, но может быть какого-нибудь похожего? Маленького?

Скучающий хищник.

— Где она увидела эти картинки?

— По холонету вашей планеты, — услужливо подсказал Нуан Ара.

У нас не было холонета. У нас был Интернет... А...

— Значит, почтеннейшая бабушка хотела бы котенка, похожего на Сердитого Котика? — Я взяла ноутбук, вбила в поисковике Grumpy Cat, и показала ему картинку.

— Да!

— Я посмотрю, что я могу сделать.

— Замечательно! — Нуан Ара встал. — Премного благодарен. Можете рассчитывать на нашу щедрость.

Я подождала, пока он вернулся в их покои, и закрыла за ним дверь. Мне нужно будет побывать в местном приюте и, возможно, у ветеринара. Может у них будут бесшумные, таинственные, безжалостные хищники, которых отдадут в добрые руки.

Софи спустилась по лестнице и села напротив меня. Она надела мягкие черные брюки, расклешенные к низу и ярко-зеленую тунику, которая была помесью с толстовки капюшоном и блузкой. Ее ноги были босыми. Она держала в руках свой меч и ее темные волосы, ранее уложенные в сложный узел, были собраны на затылке в конский хвост.

— Мне нравятся ваши полы, — сказала она, сжимая пальцы ног на деревянных досках.

— Спасибо. Не желаете чаю?

— Конечно.

Я сходила на кухню и принесла ей чашку зеленого чая.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Я возобновила просмотр записи.

— Стоп. Приблизить.

Вот он — изумруд размером с клубнику, самый красивый и ярко-зеленый, который вы только могли себе представить. Если бы весна могла плакать, это была бы ее слеза. Это должен быть тот самый изумруд.

— Четверть обычной скорости.

— Я вас напугала? — спросила Софи.

Изумруд отскочил от пола в замедленном движении.

— Вы меня встревожили. Безопасность моих гостей — мой первый приоритет.

— Я не психопатка, — сказала Софи. — И не психически больная.

Изумруд приземлился на пути у других Торговцев из клана Нуан.

— В чем разница? — спросила я.

— Психические больные страдают из-за отрыва от реальности, часто сопровождающегося галлюцинациями и бредом. Они не в курсе своей болезни. Я же полностью осведомлена о своей истинной сущности.

Одна из лис на ходу задела изумруд и большой драгоценный камень, вращаясь, полетел по полу.

— Психопат не способен испытывать сочувствие. Он может убивать без угрызений совести. В его жизни нет места чувству вины. Жертвы для него имеют не больше значения, чем использованная салфетка, выброшенная в мусорное ведро. Я способна сопереживать. Я чувствую вину и горечь, и я способна на действительно добрые поступки.

Она так описала это с медицинской точки зрения, словно говорила о ком-то другом.

— Тем не менее, я серийный убийца.

— Пауза.

Я оттолкнула экран в сторону и посмотрела на нее. Она сидела в моем кресле, подогнув под себя ноги. Меч покоился рядом на полу.

— Когда я была младше, мне пришлось пережить худшие вещи, которые взрослый может сделать с ребенком, — сказала она. — Это причинило ущерб и теперь, я понимаю, что ущерб непоправимый.

— Мне жаль, — искренне сказала я.

— Когда я была подростком, мой дядя женился на женщине, которая стала мне второй матерью. Она поняла, что со мной что-то не так, и отвела меня в Ганэр — колледж, где лучшие целители разума моего мира пытались излечить мои раны. Я честно прилагала усилия, чтобы стать лучше, но потом появилась возможность делать то, что у меня получается лучше всего в интересах моей страны, и я позволила себе это. Я вернулась в Ганэр, когда пролила слишком много крови, снова ушла, опять вернулась и, наконец, пробыла там почти три года. Я прочитала бесчисленное количество книг. Прошла через множество терапий и медитаций. И все же мы здесь. — Она улыбнулась. — Наступает момент, когда нужно перестать переделывать себя и признать, что ты неисправен. Джордж прав. Ненавижу его за это, но он прав. Сегодня был первый раз за многие месяцы, когда я по-настоящему жила, пусть даже и несколько минут. Я решила, что лучше буду жить по несколько мгновений каждые пару недель, чем буду пытаться отрицать свою натуру.

Пока ее натура не мешает безопасности моих гостей, все будет просто замечательно.

— Я не хочу, чтобы вы меня боялись, Дина. Убийство меня не интересует. Я пристрастилась выигрывать поединки. Я люблю их, их азарт, восторг от использования своего мастерства против оппонента, жестокий финал, но я контролирую свой меч. Меч не контролирует меня.

— Я вас не боюсь, — сказала я ей. — Но если вы нападете на гостя в моей гостинице, я вас остановлю.

— Мы с вами поняли друг друга.

— Да, поняли.

— Это меня радует.

Она улыбнулась и допила чай.

Экран зазвенел. Я потянулась влево и включила его. На экране возникло лицо Джорджа.

Его влажные светлые волосы спадали на плечи, обрамляя изящное лицо. Он был одет в какое-то легкое белое облачение... Этот мужчина невероятно красив. Все только подчеркивало это. Мне все еще хотелось ему врезать.

Что-то в чашке Софи, должно быть, было чрезвычайно интересным, потому что она изучала ее со спокойной беспристрастностью.

— Чем я могу вам помочь, Арбитр? — спросила я.

— Пожалуйста, зовите меня Джордж. У меня в ванной нет горячей воды.

— Серьезно? — Кто бы мог подумать.

— Да. Точнее, она ледяная. — Он поднял наполовину полный стакан с плавающими в нем льдинками. — Я набрал его из крана в своем умывальнике.

— Какое невезение. Когда это произошло?

— Минуты две назад.

— Когда вы были в душе?

— Да.

— Мои извинения. Я все исправлю.

Джордж, прищурившись, посмотрел на меня с задумчивым выражением лица и взмахом руки завершил связь.

Софи откинулась на стуле и рассмеялась.

— А вы, и правда, любили эти деревья.

Я возобновила просмотр записи.

— Когда я приехала сюда, Гертруда Хант была в спячке. Гостиница не работала в течение многих лет. Без посетителей, она медленно умирала с голоду и провалилась в глубокий сон, похожий на смерть. Меня предупреждали об этом, но я не понимала, что это значит на самом деле.

Воспоминания об этом дне всплыли и захватили меня, принеся с собой резкий, интенсивный страх.

— Это был пасмурный весенний день. Двор представлял собой заросли кустов, старых деревьев и пожухлой травы, о которых долгие годы никто не заботился, и в центре этого беспорядка стоял полуразрушенный дом со сгнившей обшивкой и темными окнами. Я не чувствовала никакой магии. Никакого присутствия. Осталось не так много спящих гостиниц, и это был мой единственный шанс стать ее владелицей. Если бы я не смогла разбудить Гертруду Хант, мне пришлось бы вырастить новую гостиницу из семени, на это ушли бы годы. Я была так напугана, что гостиница мертва, что не смогла заставить себя зайти внутрь, так что я обошла вокруг дома, и затем увидела деревья. Их было двадцать, и все они цвели этими нежными белыми цветами с легким оттенком розового. Вот тогда я поняла, что гостиница еще жива.

Софи кивнула.

— Я понимаю. Джордж тоже это понимает.

— Я в этом сомневаюсь.

— Вы знаете, чем занимался Джордж, до того как стал Арбитром?

— Нет. — Плевать я хотела, чем он там занимался.

— Он возглавлял разведку нашей страны. Ему подчинялись все шпионы и контрразведчики. Среди десятков тех, кто занимал эту должность, он был лучшим. Самым хитрым и самым жестоким. Когда мы росли, он был самый добрым и нежным человеком, которого я знала. Теперь на его руках кровь сотен. Я знаю, что он заплатил за это огромную

цену.

— Тогда зачем он это делал?

— Долг, — сказала Софи. — Джордж сделает все, что в его силах, чтобы выполнить свои обязательства, даже если ему придется пожертвовать частичку своей души ради этого.

Мой экран снова запищал. Что такое? Что опять? Я включила связь. На экране возникло лицо Арланда.

— Миледи.

Пощадите меня.

— Чем я могу вам помочь?

— Прошу прощения. Мои рыцари — это воины, создания поля боя. Они явились сюда, предвкушая битву...

— Лорд Арланд, буду признательна, если вы выразитесь яснее.

— Им скучно, — сказал он. — Совсем скучно. Я надеялся убедить вас организовать какое-нибудь развлечение.

— Я прослежу, чтобы предоставить вам что-нибудь сегодня вечером.

— Спасибо.

Я посмотрела на Софи. Она мне улыбнулась.

Я отпустила экран, позволяя ему втянуться в потолок. Изумруду придется подождать. Мне нужно купить достаточно продуктов для небольшой армии, посмотреть котят в приюте, и найти какое-то развлечение, чтобы занять отряд обученных убийц, или они никогда не оставит меня в покое. Проще простого.

Глава 8

Первой я купила мяту. Я даже не стала возиться с продуктовыми магазинами. Я взяла пару собачьих галет из кладовой и поехала прямо в «грязь и сорняки Минди». Минди выращивала английских спрингер-спаниелей, и содержала самый успешный питомник города. Эта женщина может посадить деревянную палку в землю, и она вырастет в шикарную орхидею в течение двух недель. Клюв, последняя призовая собака Минди, встретила меня у двери с выражением собачьего отчаяния на морде.

Минди клялась, что дома Клюв была опытным вором носков и ложек, которая не знала стыда, но всякий раз, когда я видела ее, черно-белый спаниель смотрела, как будто она была самая грустная, самая многострадальная собака во всем мире. Я дала ей два собачьих галета — один просто казался не достаточным для того, чтобы вытащить ее из утомленного отчаяния — поболтала с Минди, купила четыре больших ведра живой мяты и базилика, погрузила их в кузов автомобиля, и направилась в продуктовый магазин.

Список Орро сжег пятьсот долларов на еду и сорок пять минут моего времени. Я могла бы закупить хотя бы некоторые из продуктов дешевле и быстрее в Костко, но последний раз, когда я там была, на меня напали инопланетные монстры. К сожалению, женщина увидела меня и даже помогла мне. Когда она пошла, чтобы сообщить об этом, я спрятала улики, и это стоило мне всех моих сил. Я сбежала до того, как она вернулась с менеджером, и он, вероятно, посмотрел на неё так, как будто она сумасшедшая. Я не хотела с ней столкнуться, так что я ездила в Костко только во время ужина. Я встретила ее утром, и мне показалось, что у неё семья, поэтому я думала, что ужин это наименее вероятным временем для посещения магазина.

«Гэйм стоп» был рядом. Я купила PlayStation 4 и пару игр. Вампиры были бы в состоянии синтезировать дополнительные игровые консоли и программное обеспечение. На это ушли еще шесть сотен долларов. Мой оперативный бюджет заканчивался с такой скоростью, что если этот саммит продолжится дольше, чем неделю, я буду вынуждена начать попрошайничать, чтобы не отключили свет.

Я оставила зоомагазин напоследок. Нашла тележку и повернула налево, мимо аквариумов, наполненных стайками разноцветных рыбок, к ряду стеклянных клеток с кошками из местных приютов. В первой клетке был жирный, старый трехцветный кот, он спал, прижавшись задницей к стеклу. Нет. Слишком старый, слишком спокойный и совершенно по другому выглядит. Во второй клетке сидел небольшой светло-коричневый комочек шерсти. Густую шерсть окропляли темно-коричневые розетки. Я посмотрела на карточку. Злючка, трех месяцев от роду, женского пола, дружелюбная... с этого ракурса она выглядела как бенгальский тигр. Я наклонилась поближе.

Меховой комочек вскочил, как крошечное кошачье пушечное ядро, выстреленное из пушки, и набросился на стекло. Большие желтые глаза смотрели на меня и, ловя свет, святились ярче янтаря. Я приложила палец к стеклу и подвигала им вперед и назад. Злючка нападала на него лапками. Она не выглядела как Сердитый Кот, но она, безусловно, подходит под пункт прелестности. Я подошла к оставшейся занятой клетке. Большой серый кот смотрел на меня большими зелеными глазами. Его густой длинный мех распушился вокруг головы, как у мейн куна. В нем было что-то изящное, почти аристократическое, словно настоящего льва каким-то образом уменьшили до размеров кота. Я посмотрела на

карточку. «Граф. Три года, самец, кастрирован».

Кот смотрел на меня. Он не двигался. Не подошел к стеклу, но он точно знал, что я была там, и внимательно меня изучал. Его большие глаза были завораживающими. Когда я была младше, то слишком увлекалась поэзией. Строки из стихотворения Байрона пришли на ум:

Она идет во всей красе,
Светла, как ночь её страны.
Вся глубь небес и звёзды все
В её очах заключены.

(Перевод стихотворения С.Я. Маршака)

Байрон писал не про кота, он писал о своей овдовевшей кузине, которая была в трауре, когда он ее встретил. Этот кот не был черным. Он даже не был самкой, но когда я смотрела в эти глаза, то думала о ночи и звездном небе. В нем было что-то колдовское. То, что он находился там, заключенный в маленький стеклянный ящик, казалось неправильным и неестественным, словно он был птицей со связанными крыльями.

— Ищите кошку?

Я чуть не подпрыгнула.

Немолодой лысеющий мужчина в униформе магазина «Пэт Сمارт»- брюках цвета хаки и синей рубашке-поло — остановился около меня.

Серый кот смотрел на меня. Я чуть было не спросила про него. Нет, слишком старый.

— Могу я посмотреть на котенка? — Спросила я.

— Конечно. — Он открыл стеклянную дверь, пропуская меня в огороженную часть, открывающую доступ к тыльной стороне клеток.

Злючка была всем, чего только можно ожидать от котенка. Она когтила игрушку с перьями, когтила маленький кошачий мячик, когтила мою ногу, и, когда я посадила ее на колени, заурчала и стала прихорашиваться. После двух минут ласки она решила, что с нее довольно, и укусила меня. Не до крови, но я почувствовала зубы. Что ж, если бабушка Нуан хотела милого, беспощадного охотника — это был лучший выбор.

— Я её возьму.

— Ок. — Мужчина протянул мне какие-то бумаги, которые нужно было заполнить. Пять минут спустя, Злючка была заперта в небольшой картонной переноске.

— А с ним что? — спросила я, указывая на серого кота.

— Граф? Он здесь уже давно. Он не то, что можно назвать ласковой кошкой. Он не подлизываться.

Да, он не был похож на подлизу.

Он здесь до завтра, а потом его вернут в приют. Они должны менять кошек. Если они его заменят кем-то менее скучным, то, возможно, ту кошку кто-нибудь заберет.

— Спасибо. — Я положила Злючку в корзину и пошла дальше, в сторону полок с товарами для кошек. Наполнитель для кошачьего туалета, кошачий туалет, совок, корм, миска...

Я никогда не считала себя кошатницей. Мне было плевать на них. У моей матери был один — большой черный пушистый кот по кличке Снагс. Когда я выходила из комнаты на пять минут и возвращалась, наши собаки реагировали так, словно меня не было целую вечность. Снагс, в основном, игнорировал нас, включая маму, которая заботилась о нем.

Единственное время, когда он считал необходимым замечать наше существование, наступало, когда он был голоден.

Давай-ка посмотрим, ей также понадобится кошачий ошейник. И немного игрушек. Я схватила длинную пластиковую палку с перьями на конце. Прежде чем саммит вытащил меня из оцепенения от скуки, я прочитала статью — иногда можно узнать много действительно странных вещей, если просидеть день в Фейсбуке — в ней утверждалось, что на самом деле коты не любят своих хозяев, только манипулируют ими. Они узнают голоса хозяев и игнорируют их. Они трутся об ноги, потому что помечают новый “объект” в комнате своим запахом. И большинство из них на самом деле не любят, когда их гладят. Кроме того, Чудовище, вероятно, не любит кошек.

Никто не заберет его. Он будет просто сидеть в клетке с его глазами, похожими на звездное — небо. А завтра кто-то приедет и увезет его обратно в приют.

Это была очень глупая идея.

Я дала задний ход. Мужчина, помогший мне, кормил рыбок.

— Я его возьму!

— Кого? — Спросил он.

— Серого кота. Я его заберу домой.

Я вернулась домой без дальнейших инцидентов, оставила продукты прямо в машине, чтобы их разобрала гостиница. У меня было несколько неотложных дел. Сначала я отнесла серого кота в мою комнату, и оставила его там в переноске. Он не выглядел слишком напуганным, но я не хотела рисковать. Мне нужно придумать ему имя в ближайшее время, но сейчас у меня не было ни идеи. Затем я надела мантию, позаимствовала инженера у Арланда, отправила его дублировать игровые приставки и контроллеры. Наконец, я понесла Злючку клану Нуан. Меня встретил и проводил в покои Нуан Ара. Весь клан Нуан собрался в зале, они стояли небольшим полукругом с бабушкой, отдыхающей на роскошном диване в середине.

— Это котенок, — объяснила я. — Очень молодой хищник. Она не выглядит, как Скучающий хищник, но у нее игривый дух. Сейчас она, должно быть, испугана, поэтому, когда я открою переноску, она может убежать. Не ловите ее. Она спрячется и выйдет, когда будет готова.

Я открыла дверку переноски, ожидая, что Злючка пулей выскочит.

Медленно шли секунды.

Вдруг она как-нибудь умерла в перевозке? Окей, откуда вообще появилась данная идея?

Переноска содрогнулась. Злючка вышла и осмотрела клан прямоходящих лисиц. По выражению её морды можно было понять, что они её не впечатлили. Она еще обвела присутствующих насмешливым взглядом, издала властное «мяу», и направилась прямо к дивану. Купцы собрались вокруг котенка, издавая воркующие звуки. Я облегчено вздохнула, передала игрушки и кошачий туалет Нуану Ара с короткой инструкцией и ушла к благородным рыцарям Святой Анократии.

К тому времени, когда вампиры собрались, гостиница закончила усвоения новых игровых консолей. Я махнула рукой и три огромных телевизора с плоским экраном появились на каменных стенах в покоях вампиров. Из стены возникли наборы контроллеров.

— Приветствую, — сказала я. — Дом Крахр, Дом Сабла и Дом Ворга, позвольте продемонстрировать вам Call of Duty.

Три экрана зажглись одновременно, проигрывая заставку «Зов долга: Передовая война».

Солдаты в высокотехнологичной броне стреляли по мишеням, перелетали через весь экран от взрывов бомб, и драматично передвигались в замедленной съемке. Автомобили ревели, морская пехота кричала еще громче, и Кевин Спейси сообщил нам, что политики не умеют решать проблемы, а он с этим справился.

Вампиры уставились на экраны.

— Это игра о боевой кооперации, — сказала я, — где небольшой элитный отряд, может взять верх над превосходящими силами противника.

При слове элитный, они оживились, как дикие собаки, которые услышали кролика.

— Игра научит вас, как в нее играть. Да победит достойнейший дом своих противников.

Арланд потянулся к первому контроллеру. Я повернулась и вышла, запечатав за собой дверь. Теперь была задета их гордость. Это должно занять их на несколько дней. Надеюсь, они не поубивают друг друга из-за игры.

Я добралась до покоев отрокаров и попросила Дагоркуна собрать всех в общем зале. Большинство из них уже были там, развалились вокруг костра в центре комнаты и пили чай. Даже Ханум присутствовала, задумчиво разглядывая подушки, раскинутые по полу.

— Все здесь — объявил Дагоркун.

Я щелкнула пальцами. Огромный экран появился из стены и почернел. Тихо началась песня. Футбольная команда ворвалась на стадион. Песня набирала обороты. Футбольные команды схлестнулись, как две армии. Бегущие спины мелькали по всему полю. Ресиверы взлетали с травы, чтобы поймать невероятные пässe, пока дифенсивбеки неслись на них. Огромные лайнбекеры врезались в друг друга, пытаясь раздавить квотербеков. Тренеры кричали. Квотербеки бросали пässe, нарушая законы физики. Сама суть игры была в этом видео, со всеми её недостатками, её жестокостью и чистым, безудержным восторгом победы, и песня звучала над всем этим громкая и торжествующая.

Отрокары смотрели, как зачарованные.

— Что это? — тихо спросил Дагоркун.

— Это американский футбол — ответила я.

Экраны меньшего размера открылись на одной стороне комнаты, пока из стены под ними появились геймпады.

— Вы можете смотреть его на большом экране. Или... — Я сделала паузу, чтобы убедиться, что их внимание сосредоточено на мне. — Вы можете в него играть.

Логотип Мэддена зажегся на двух небольших экранах.

— Американский футбол — это военная игра, смысл которой в захвате земли...”, — начала я.

* * *

Когда я, наконец, добралась до своей комнаты, было уже шесть. Орро накричал на меня, когда я шла к себе в комнату. Видимо, все спонтанно решили перенести праздничный ужин на завтрашний вечер. Были котята, с которыми нужно поиграть, враги для свержения, и мячи для передач. Это значило, что я могу, по крайней мере, спокойно принять душ.

Чудовище сидела около переноски в моей спальне и выглядела оскорбленной.

— Все хорошо, — сказала ей я. — Это просто еще один постоянный гость.

Я аккуратно приоткрыла переноску. Серый кот вышел, мягко опираясь на лапы, огляделся и спрятался под кровать.

Чудовище, заскулила, глядя на меня.

— Ну, ты, хотя бы, не устраивай. — Я покачала головой. — У меня был тяжелый день.

Чудовище снова заскулила.

Я пошла в мою ванную. Будем надеется, что мыло и горячая вода смогут снять отпечаток сегодняшнего дня. После душа я залезла в кровать и попросила гостиницу спустить экран. Потолок раздвинулся, на тонкой ножке, которая наклонилась ко мне, вырос экран.

— Продолжить видео — я пробормотала.

На экране изумруд отскочил. Отрокары и вампиры проходили мимо, занятые своими делами. Большой зеленый драгоценный камень валялся забытый, словно дешевая стеклянная безделушка.

— Перемотать вперед, — приказала я. — Увеличить скорость в четыре раза.

Запись ускорилась. Отрокары и рыцари начали бегать, как актеры из немого кино, их движения гипертрофированы скоростью проигрывания. Отрокар задел его. Изумруд укатился в сторону. Я зевнула. Было бы много веселее, если бы Шон был здесь, чтобы шутить над всем этим. Однажды он назвал Арланда Златовлаской, а затем сказал, что тот должен попросить помощи у своих лесных друзей, если попадет в беду. Я представила, как залезаю себе в голову, достаю эту мысль и отставляю в сторону. Шона Эванса здесь не было. Возможно, я могла заключить сделку с собой. Когда закончится саммит, как бы там ни было, я отправлюсь в оружейный магазин Уилмоса, и организую длинную милую беседу с мистером Эвансом. Раз уж он так меня волнует, я могу поинтересоваться, собирается ли он вернуться в ближайшее время. Таким образом, я не буду терять время, закливаясь на...

Изумруд исчез.

— Стоп! — Я вскочила и едва не столкнулась с экраном.

Запись остановилась.

— Отмотать на нормальной скорости.

На экране очертания изображений размылись, и вдруг изумруд снова появился из ниоткуда на полу.

— Стоп. Покажи видео на четверти от нормальной скорости.

Медленно, часть экрана слегка размылась, двигаясь по направлению к изумруду. Это был не ясное, ярко выраженное пятно, как будто кто-то взял испачканное увеличительное стекло и направил его на экран. Я никогда прежде не видела ничего подобного. Датчики гостиницы не безупречны, но довольно близки к этому.

Смазанное пятно коснулось изумруда, и зеленая драгоценность исчезла.

— Термо-сенсорное изображение, тот же временной период.

Экран моргнул. Желтое пятно с ярко-красным центром двинулось к изумруду. Таким образом, что бы это ни было, оно защищало владельца также от тепловизоров. Должно быть, какое-то устройство проецирует поле, искажающее гостиничное. Мои внутренности сжались.

Кто-то мог бесконтрольно передвигаться по моей гостинице, и я не знаю кто, и почему.

В моей гостинице. В Гертруде Хант.

Я должна в этом разобраться и быстро. От этого зависела жизнь моих гостей, потому что пока это возможно, все гарантии безопасности, которые я давала, не стоили выеденного

яйца.

Я смотрела на искажение на экране. Ты хочешь в игры играть? Хорошо. Я найду тебя, и тебе не понравится то, что за этим последует.

Было воскресенье, и мы снова были в бальном зале, наблюдая за стагнацией переговоров. Прошло три дня с того момента, как я обнаружила искажение записей гостиницы. И я так и не приблизилась к нахождению виновника. Я все еще не знала, кто взял изумруд. Кот все еще прятался. Раз или два в полусне я чувствовала его на краю кровати, но когда я просыпалась, его уже не было. Я проследила, чтобы у него была еда и вода и убирала его лоток, на этом наше взаимодействие заканчивалось. Я явно потерпела неудачу, заводя друзей. Отрокары и вампиры все еще скучали и раздражались, несмотря на предоставленные развлечения. И что самое главное, у мирного саммита все еще не было никакого прогресса.

Единственное, с чем мне удалось справиться, это убедиться, что запланированный Орро банкет подготовлен к сегодняшнему вечеру.

В дальнем конце бального зала поднялся большой отрокар, уставившись куда-то позади меня. Я освежила свои знания по типам воинов-отрокаров, и для меня он выглядел как башер. В бою такие, как он, носят самую тяжелую броню, которая только есть у Орды, оснащенную ручными орудиями, установленными на плечах и конечностях. Каждое из орудий весит более ста фунтов. Башеры были огромными передвижными орудиями. Они прорывались сквозь ряды противника, а воины более легкого типа прятались за ними и обрушивали смерть на оппонентов. Этот конкретный экземпляр был более семи с половиной футов ростом, с плечами, которые, вероятно, были слишком широки для моей входной двери. Если ему когда-нибудь придется проходить через нее, ему придется повернуться боком.

Я повернулась так, чтобы видеть, как проходит саммит за прозрачной перегородкой и в тоже время не спускать глаз с башера. За столом переговоров Маршал дома Ворг подался вперед, упираясь кулаками. Когда вампиры сталкивались с опасностью, они пытались сделать себя крупнее, как коты перед дракой. Лорд Робарт решительно навис над столом с перекошенным от ярости лицом. Звуконепроницаемый барьер лишил его голоса, но выглядел он так, словно кричит. Ну, по крайней мере, он не обнажил клыки.

Мужчина отрокар целенаправленно пошел вперед, голова слегка опущена, немигающие глаза с убийственной силой впились в лорда Робарта. Ой-ой.

Джек оттолкнулся от стенной перегородки и непринужденно направился на перехват.

Ханум что-то сказала, выражение ее лица было насмешливым.

Вот и клыки показались.

Худая, крепко сложенная женщина отрокар плавно оказалась на дороге высокого солдата.

— Куда ты собрался, Колто?

— Я ему шею сломаю — прорычал огромный отрокар.

— Для начала ты туда не пойдешь.

— Можешь просто смотреть, как я это сделаю.

— И, если пойдешь, Ханум тебе яйца оторвет, а потом заставит их съесть. У нее все под контролем. Если ей понадобится наша помощь, то она нас позовет.

За перегородкой Дагоркун что-то сказал, его поза была расслабленной, а руки сложены на груди. Два других отрокара расхохотались. Ханум выдавила улыбку. Лорд Робарт попытался броситься со своей высокотехнологичной броней во внушительный рывок, но Арланд, леди Исур и военный капеллан схватили его и оттащили назад. Нуан Сее опустил

пушистую голову на стол вниз лицом. Лорд Робарт зарычал, обнажив клыки, и попытался вырваться.

У меня все больше росло чувство, что добром это не кончится.

— Видишь, под контролем. — Сказала отрокар женщина — И ты все еще при всех частях тела.

Отрокар мужчина нахмурился.

— А тебе то что?

— Я не знаю. — Женщина отрокар подняла бровь. — Может, я хочу, чтобы ты остался цел.

Она развернулась и ушла, присоединившись к группе из трех других отрокаров.

Мужчина отрокар снова нахмурился, очевидно, его мозг пытался вычислить, почему женщина была заинтересована в безопасности его гениталий. Затем его глаза просияли. А выражение лица стало задумчивым. Да, ты ей нравишься, большой тупица.

Джордж сделал какой-то успокоительный жест и сжал набалдашник своей трости. Перегородка ушла вниз, и лорд Робарт вышел с лицом, все еще перекошенным от ярости. Леди Исур и Военный Священник последовали за ним.

Арланд устремился ко мне.

— Леди Дина. Нам нужно уединение. Он сейчас не способен на общение с людьми.

Я открыла главный вход.

— Гостиная и кухня в вашем распоряжении.

— Благодарю — Арланд ушел за Робартом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я открыла боковые входы и наблюдала, как все выходят. После того, как все разошлись по своим покоям, я пошла на кухню.

Лорд Робарт сидел за столом с кровожадным лицом. Арланд подпирал стену рядом. Военный Священник топтался рядом, его малиновое облачение обрамляло большое тело, словно потрепанные крылья. За кухонным островом Орро резал сельдерей и морковь, мрачно игнорируя присутствие вампиров.

Я достала три кружки, бросила пакетик мятного чая в каждую и во все налила горячей воды из кофеварки кёриг.

— Мы так некогда не договоримся — тихо сказал Арланд.

— Не говори мне о договоре — оскалился Робарт — Это ты хочешь договора. Ты хочешь им все отдать. Неужели твоя честь значит для тебя так мало? Как же низко пал твой дом!

Арланд открыл рот.

— Именно потому мы еще не победили, — сказал Военный Священник, его голос звучал глубоко и размеренно. — Мы предпочитаем сражаться друг с другом, войне с нашим общим врагом.

Я использовала ложку, чтобы выловить пакетик из чая, добавила немного меда в каждую кружку и поставила на стол перед вампирами.

— Спасибо. — Одалон взял свою чашку и отпил чай. — Мята. — Он довольнo улыбнулся. — Восхитительно.

Арланд забрал свою кружку. Робарт отодвинул свою подальше.

— Я не хочу этого. Мне не нужно ни успокоение, ни исцеление.

— Ты ведешь себя, как ребенок — сказал Одалон.

— Избавь меня от своих лекций. Ты волен советовать по вопросу моего благочестия, но

не вмешивайся, в то, как я управляю своим Домом.

Одалон вздохнул.

— Могу я задать вопрос? — Я села на другой стул.

Робарт посмотрел в сторону, игнорируя меня.

— Естественно, Леди Дина, — сказал Арланд, делая ударение на слово леди.

— Прошу прощения, — проворчал Робарт — Пожалуйста, задавайте Ваш вопрос.

— В моем понимании, Нексус имеет единственный массив суши. Святая Анократия удерживает большую часть этого материка на севере, а Орда занимает почти равную часть на юге. Клан Нуан владеет небольшой частью на востоке, но их территория — лучшее место для космопорта. Я права?

— По сути, — проворчал Робарт, — магнитные аномалии на Нексусе затрудняют постройку любых постоянных баз. Мы вынуждены доставлять оборудование и войска с орбиты с помощью шаттлов. У клана Нуан единственная на планете гравитационная труба, что означает, что они могут относительно безопасно перемещать товары и персонал.

Однажды я пользовалась гравитационной трубой. Это был огромный лифт, протянувшийся с орбиты до поверхности, работающий на сверхзвуковой скорости. Он приводился в действие магией и после поездки меня чуть не вырвало.

— Именно поэтому Нуан Сее ищет мира, — объяснил Арланд. — Главная ценность Нексуса в залежах куйо — жидкого минерала, который нам постоянно требуется для военных целей. Он тяжелый. Его нелегко добывать и еще тяжелее транспортировать. Торговцы хотят заработать на поставках куйо с Нексуса. Они знают, что мы будем вынуждены воспользоваться их услугами.

И зная Нуан Сее, он считает каждый день, который он не сдирает с Орды и Святой Анократии бешеные тарифы, как день потерянной прибыли.

— Мы много раз пытались захватить гравитационную трубу, но терпели поражение. — Сказал Одалон

— У них Туран Адин. — Произнес Робарт, в его лице читалась безнадежность.

Все трое вампиров на секунду замолкли.

— Кто или что такое Туран Адин? — спросила я.

— Туран Адин — создание войны, — произнес Робарт, делая глоток мятного чая. — Он живет и дышит сражением. Убийство течет в его венах. Нексус был заселен двадцать лет назад по местному времени, и он был там с самого начала. Он как роса в красной траве, как шишар в глубокой воде. Демон того ада.

— Мы не знаем, где торговцы нашли его, — сказал Арланд. — Мы даже не знаем, что он за создание. Он неподкупен и несокрушим. Он управляет их наемной армией в течение двух десятилетий. Он учится, адаптируется и никогда не устает.

— Но сейчас, как я понимаю и вы, и Орда можете добывать куйо для военных нужд? — Спросила я.

— Да — ответил Арланд

— Тогда почему не оставить все как есть?

Робарт уставился на меня.

— Вы не вампир. Вы не рыцарь.

Арланд закрыл лицо рукой.

— Помогите мне понять, — попросила я.

— Земля, которой владеет Орда, запятнана нашей кровью, — сказал Робарт, едва

контролируя свой голос. — Только когда они уйдут, эти пятна можно будет смыть. Разве хирург, удалив половину раковой опухоли, оставит остальное, удовлетворившись тем, чего уже достиг? Разве охотник освежает только половину туши, оставив драгоценную шкуру гнить? Мы должны убить их, или изгнать из этого мира. Все, что меньше — смертный грех. Таков древний закон. Да не пострадает никто из тех, кто решит остаться на избранной земле. Так говорят легенды.

— Иерофанта не разделяет твоей интерпретации, — сказал Одалон.

— Иерофанта могла посчитать нужным изменить свое мнение, — сказал Робарт. — Но я не изменю своего. Мой отец умер на кровавых полях Нексуса. Женщина, которую я любил больше жизни, женщина, от которой я хотел детей, потеряла там свою жизнь. Ее свет... — Его голос надломился, и он сжал кулаки. — Ее свет померк. Один взгляд на территорию Орды на Нексусе оскверняет ее память. Когда я встану перед воротами загробного мира, и мой отец и моя нареченная встретят меня и спросят, были ли они отомщены, что я им скажу? Что я слишком устал от сражений? Что я не мог больше проливать кровь во славу их имени?

— Что ты скажешь духам тех, кто стоит за ними — Спросил Арланд. — Что ты им скажешь, когда они тебя спросят, почему ты выбросил их жизни в бою, который мы не можем выиграть?

— Мы выиграем — Робарт ударил кулаком по столу. — Это праведная война. Священная война!

— Это логистика, — сказал Арланд, — ни мы, ни Орда не можем доставить достаточно войск на Нексус, для обеспечения решающей победы. Мы потеряли два транспорта буквально в прошлом месяце. Что ты скажешь солдатам внутри них? Они даже не вкусили битвы.

— Они знали, на что шли! — Выкрикнул Робарт.

— Да, но они верили, что мы поведем их в бой. Они верили, что не выкинем их жизни впустую. Я не собираюсь больше жертвовать жизни моих рыцарей этой бессмысленной войне.

— Если ты слишком слаб, я найду себе другого союзника.

Арланд прошел к кёригу, и я услышала, как он налил воды. Если ему нужно еще чая, я бы налила.

— Типа Дома Миир? — спросил Арланд, открывая холодильник. — Трусов, которые даже не стали сражаться?

— По крайней мере, Дом Миир отказывается уважать твои, достойные жалости, попытки подписать перемирие. — Сказал Робарт. — Их инакомыслие... — Он глубоко вдохнул.

Я почувствовала запах кофе. О нет.

Арланд вернулся к столу с кружкой. Если судить по цвету, по крайней мере, треть кофе состояла из сливок с фундуком, стоявших в моем холодильнике.

— Лорд Арланд. — в голосе прозвучало предупреждение.

— Что это такое? — Робарт посмотрел на кружку.

— Напиток для настоящих мужчин — ответил, Арланд. — Тебе я его пить не рекомендую. Он только для посвященных.

Лорд Робарт, повернулся ко мне.

— Я хочу такой же напиток.

— Это ужасная идея — воскликнула я — В этом напитке...

— Вот — Арланд дал Робарту свое кофе — Если ты так настаиваешь, я себе новое сделаю.

— Нет. — Я потянулась за чашкой.

Робарт глотнул кофе.

— Он с изюминкой. Вкусно, но я жду тех глубинных воздействий, которые вы мне обещали.

Он выпил пол кружки.

Вот блин. Кофе так же воздействует на вампиров, как алкоголь на людей. Он только что тяпнул эквивалент полбутылки виски.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Арланд? — Его язык слегка заплетался. — Ты трус...

Одалон моргнул от неожиданности.

Робарт отхлебнул еще один могучий глоток.

— Вы все — он помахал указательным пальцем вокруг — трусы. Мы должны быть первобытными. Решительными. Как и наши предки. Нашим предкам не было нужно... оружие. Им не нужна была броня. У них были зубы.

Он оскалил клыки, сжал правый кулак, и напряг бицепсы.

— Конечно, — пробормотала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. Может быть, он просто будет сидеть здесь, рассказывать нам о своих предках, и этим все кончится.

— И они охотились на своих врагов. — Он допил кружку, перевернул ее вверх дном и поставил на стол. Затем он посмотрел на свои великолепные доспехи. — Это навоз. Мне не нужен этот навоз.

Знаю я, к чему это все приведет.

— Держите его!

Арланд не сдвинулся с места. Одалон смотрел на Робарта огромными от изумления глазами.

Робарт ударил себя по груди. Доспех упал с него, обнажив черную рубашку и брюки. Он сорвал с себя одежду.

— На охоту! — заревел Робарт, выскочил из задней двери и исчез за стеною дождя.

Будь оно все проклято.

Орро перестал резать, закатил голову назад, и зафыркал.

— Арланд! Это не смешно. — Я навела на него метлу.

— Ему это было необходимо. — Сказал Арланд, в его тоне не было ни капли раскаяния.

Я выдавила сквозь зубы.

— Идите, ловите его, мой Лорд, пока он не поохотился на семейную или полицейскую машину, и офицер Мараис не утащил его на допрос.

Арланд вздохнул и убежал следом за Робартом на дождь.

— Почему вы всегда раздеваетесь, когда пьяны? — Спросила я Одалона.

Брови Военного священника поползли вверх.

— Это раньше случалось?

— Лорд Арланд выпил случайно кофе, кода был здесь в последний раз.

— Это должно быть броня. Мы в ней живем, так что мы снимаем ее только в безопасности наших домов. Если ты снял доспехи, ты чист, в безопасности, свободен, скорее всего, сыт, вероятно, готовишься к встрече со своим партнером в уединении вашей спальни. — Мрачное лицо Одалона оставалось по-прежнему стоическим, но крошечный

озорной огонек играл в его глазах. — Упоминал ли, случайно, лорд Арланд о том, что жена его двоюродного брата с Земли, пока он недужил?

Мое лицо было безмятежным.

— Возможно.

— Вселенная бесконечна и мы ее величайшая тайна, — пробормотал Одалон и последовал за Арланд на улицу.

Я сидела в гостиной, просматривала записи фантома, который украл изумруд. Я решила, что называть вора фантомом будет лучше, чем обращаться к нему или к ней, как к невидимому пятну. Я пришла к нескольким выводам.

Во-первых, фантом определенно был живым. Это была не машина. Мне удалось выделить шестисекундное видео, на котором по легкому свечению я могла видеть, как он передвигается сквозь толпу. Фантом старался избегать людей на пути и явно перешагивал через другие драгоценные камни и золото на полу, выбирая свободное место. Если бы фантом был машиной, у него должны быть мыслительные способности и сложный механизм передвижения. Если бы он просто катился на колесах, я бы увидела, как вещи отлетают от него.

Когда каждая из делегаций входила в бальный зал, я заставила гостиницу просканировать их на наличие оружия. Я знала, что отрокары пронесли ружье, хотя, на самом деле, не ожидала, что они будут стрелять. Гостиница не зарегистрировала ничего с продвинутой робототехникой или искусственным интеллектом, а также ничего с искусственными ногами.

Во-вторых, раз уж фантом был живым, он или она проник в гостиницу вместе с одной из делегаций. Я бы почувствовала нарушителя.

В-третьих, так как нарушитель был одним из гостей, он или она будет отсутствовать в толпе в большом зале, когда изумруд украли. Проблема в том, что Гертруда Хант записала широкоугольное видео, которое давало мне хороший панорамный вид толпы, но они слишком сильно сгрудились в эти решающие пять секунд.

Я посмотрела на часы. Мы устраивали банкет в девять. Для меня это было слишком поздно, поздновато для Торговцев и вампиров и рановато для отрокаров. На часах было шестнадцать минут четвертого. Куча времени. Я нащупала рукой чашку на столике рядом с диваном и коснулась чего-то мягкого.

На столике сидел Кот.

Мы посмотрели друг на друга.

Чудовище один раз тихонечко гавкнула.

Кот прошел по подлокотнику дивана, потоптал мои колени — он был на удивление тяжелым — и потерялся об меня. Я гладила его по голове. Он потерялся еще раз, мурлыча, подошел к другому концу дивана, и устроился на одеяло. Потянулся, выпустил все когти на передних лапах, и начал месить одеяло.

Я посмотрел на Чудовище. Ее большие круглые глаза озадачено смотрели на меня.

Кот укусил плед и начал урчать.

Хорошо-о-о. Это не странно, ни чуточку.

Калденция проплыла в гостиную и села на стул напротив меня. Её Изящество была одета в темно-фиолетовое платье со строгим высоким воротником. Искусная вышивка в бледно-фиолетовых и золотых оттенков украшала платье по всей длине — распадающиеся на красивые узоры на юбке.

Калденция, нахмурилась, глядя на кота.

— Зачем он это делает?

Я понятия не имела.

— Он псих.

Псих продолжил месить плед и начал посасывать его.

Мой экран засигналил. Портрет Дагоркуна появился в левом нижнем углу.

— Чем могу быть полезна, Под-Хан?

— Ханум хочет пригласить Вас на чай. Будете ли Вы свободны через 10 минут?

Приглашение на чай было честью и привилегией. Все-таки, если бы это зависело от меня, я бы осталась на моем милом удобном диване.

— Пожалуйста, передайте Ханум, что для меня её приглашение большая честь, и я увижу ее через 10 минут.

Изображение Дагоркун исчезло.

— Я тоже пойду — заявила Калденция.

— Как пожелаете, Ваша Светлость.

— О, я не желаю. Они же варвары. Удручающе нерафинированная культура. — Калденция встала. — Однако я не доверяю этой грубой женщине, она может отравить тебя.

Я отвела экран, и он убрался в стену.

— Яд не в характере отрокаров. Они предпочитают откровенную жестокость.

— И именно поэтому я иду. В вопросах дипломатии и любви человек стремится действовать спонтанно. Неожиданные действия часто приводят к нужному результату. Для Орды нетипично прибегнуть к яду, поэтому мы должны предположить, что они сделают это.

Мы шли по лестницам, двери открывались, когда мы приближались к стенам.

— И какие же у них вероятные причины, чтобы меня отравить?

— Мне видятся несколько. Самая очевидная — получить доступ к остальной части гостиницы. Убрав тебя с пути, они смогут подстеречь и убить вампиров.

— Это навсегда запретит им доступ на Землю.

Не говоря уже о том, что гостиница их убьет.

Калденция улыбнулась.

— И надежда на мир между Ордой и Святой Анократией погибнет вместе с ними. Из всех живых существ, с которыми приходится иметь дело, истинно верующие — худшие. Душа обычного разумного существа представляет собой паутину. Потяни за нужную ниточку и получишь желаемый результат. Похвали их, и они полюбят тебя. Насмехайся над ними, и они возненавидят тебя. Жадного можно купить, робкого — запугать, умного — убедить, но фанатики невосприимчивы к деньгам, страху или доводам рассудка. Душа фанатика — это канат. Они обрубают все остальное во имя своей цели. Они заплатят любую цену за победу, и это делает их несравненно более опасными.

Разум Калденции был не просто паутиной, это было целое сборище паучьих гнезд.

— Так что же, нет никакого способа победить истинно верующего?

— Я этого не говорила. — Калденция слегка улыбнулась. — В глубине души, ими зачастую правит страсть. При наличии времени и продуманного соблазна, одна страсть может быть заменена на другую. Но это занимает много времени и требует тщательного эмоционального руководства.

Дагоркун встретил нас у двери. Он кивнул мне, демонстративно проигнорировав присутствие Калденции, и повел нас обратно туда, где на освещенном балконе сидела Ханум.

В центре располагалось место для костра, а каменный балкон обрамлял его разорванным кольцом, образуя круглую скамью, накрытую оранжевыми, зелеными и желтыми подушками. Густые облака одеялом укрывали небо, обещая дождь, но так и не проливаясь. Ханум откинулась на подушки. На ней не было космической брони. Вместо него она одела яркое объемное платье кровавого цвета, расшитое бирюзовыми птицами, чье оперение было украшено белоснежными точками, которые резвились среди острых темных ветвей. Вблизи было трудно игнорировать, насколько огромной она была. По сравнению с ней я выглядела ребенком.

Ханум посмотрела на меня полузакрытыми глазами.

— Приветствую тебя хозяйка гостиницы.

— Приветствую Вас, Ханум.

— Сядь со мной.

Я села напротив нее. Калдения сидела справа от меня.

Ханум размяла плечи и посмотрела на Её Изящество, взгляд у нее был тяжелый.

— Ведьма.

— Дикарь. — Улыбнулась Калдения в ответ, показывая свои острые, нечеловеческие зубы.

— Мы знаем о Вас — сказала Ханум. — Вы убили очень много людей. Вы съели некоторых из них. Вы кадул.

Каннибал.

— Мразь, — сказала Ханум.

— Вы знаете, что они говорят о мразях, — сказала Калдения. — Мы — худшие враги.

— Это угроза? — глаза Дагоркун сузились.

— Это предупреждение. — Калдения сложила руки на коленях. — Угрожать можно, только тогда, когда собираешься вступать в переговоры. Я не собираюсь.

Мужчина отрокар вошел, неся поднос с чайником и четырьмя чашками.

— Ханум... — начал Дагоркун.

— Тихо. — Сказала она ему. — Годы прошли с тех пор, когда я в последний раз наливала тебе чай. Притворись, что тебе пять лет, ради мамы.

Дагоркун сел слева от меня и смотрел, как Ханум наливает каждому чай. Калдения взяла свою кружку, повернула левую руку так, чтобы большой аметист на кольце на среднем пальце коснулся поверхности, и окунула его в рубинового цвета жидкость.

Ханум вздернула брови.

— Это оскорбление — сомневаться в гостеприимстве Ханум, — сказал Дагоркун.

— Увы, меня это не волнует.

Калдения взглянула на свое кольцо. Яркий голубой символ появился на поверхности прекрасного камня. Калдения подняла чашку и сделала глоток. Я последовала ее примеру. Ароматный, пряный и слегка горьковатый чай прокатился по моему языку. Я подержала его во рту, ожидая знакомого пощипывания и проглотила.

— Вы уже пробовали красный чай раньше, — заметила Ханум.

— Да, но не эту разновидность.

Большая часть красного чая, который я видела, была светлее по цвету, иногда почти оранжевая.

— Это — ванла, — сказала Ханум. — Чай бедняков. Вы, наверное, встречали наших богачей. Они предпочитают бледный чай. Я люблю тот, который делала моя мама. Его пьют

в Орде после тяжелого похода.

Я сделала еще глоток. Ханум чего-то хотела. Иначе она не пригласила бы меня. О том, чтобы спросить ее напрямую, не было и речи. Мне придется подождать.

Мы в тишине допили первую чашку, и Ханум налила еще.

— Светловолосый вампир желает вас. Ваш вид может становиться его парой?

Спасибо, Арланд, что поставил меня в такое замечательное положение.

— Это возможно, но меня не интересуют подобные отношения.

— Почему нет? — Спросил Дагоркун.

Я улыбнулась ему.

— Потому что у меня нет намерения покидать дом, а лорд Арланд будет ужасным хозяином гостиницы.

— Вы могли бы отправиться с ним, — предложила Ханум.

— Мое место здесь, — я сделала глоток чая. — Его место — с его домом. Его внимание льстит, но оно не помешает моей миссии.

— И в чем она заключается? — Спросил Дагоркун.

— Не дать вам с ними поубивать друг друга.

Отрокар выбежал на балкон спиной вперед, подпрыгнул и поймал футбольный мяч, сшитый из грубой кожи. Он увидел Ханум. Его глаза распахнулись, и он умчался внутрь. Дагоркун закатил глаза.

— Следует ли мне купить несколько шлемов? — спросила я.

— Нет, — сказала Ханум. — Несколько сотрясений мозга им не повредит. Это их утихомирит. — Крупная женщина откинулась назад. — Я не понимаю вас, хранительница. Я понимаю торговцев. Ими движет прибыль. Я понимаю вампиров. Они наши смертельные враги, и они стремятся к тому же, что и мы: слава в сражении, победа и земля. Я даже понимаю арбитра. Есть власть и удовлетворение в смещении баланса в отношениях между многими нациями. Что движет вами, хранительница?

— Я хочу, чтобы моя гостиница процветала. Чем больше у меня гостей, тем сильнее и жизнеспособней гостиница. Если саммит пройдет успешно, станет известно, что в моем доме вас хорошо обслужили.

— Мы знает, что Арбитр обращался к другим владельцам гостиниц с просьбой о проведении саммита, — заявил Дагоркун. — Они ему отказали.

— Моя гостиница исключительно подходит для саммита, — сказала я. — Она невелика и по большей части пустует в настоящий момент. Мы специализируемся на опасных гостях.

— Чтобы взяться за такую работу, нужна сильная мотивация, — сказала Ханум. — Какие у вас причины?

— Я потеряла свою семью, — сказал я. — Их забрали у меня. Я искала их сама, но потерпела неудачу. Я хочу, чтобы моя гостиница процветала и была полна гостей, потому что рано или поздно кто-нибудь войдет в эти двери, и я замечу на лице узнавание при виде портрета моих родителей внизу.

Ханум кивнула.

- Семья. Это я понимаю.

Мы выпили еще чая.

— Сейчас третий день осени, — сказала Ханум. — В нашем родном мире лето — это время жары и засухи. Зима — желанная передышка; это время теплой погоды и дождей, когда отрастают травы. В третий день осени мы общаемся с нашими предками, чтобы

отпраздновать то, что пережили еще один год.

Я не так уж много знала о праздниках Орды, кроме того, что большинство из них проводятся на улице.

— Вы бы хотели провести осенний праздник? — Спросила я.

— Мои люди встревожены, — сказала Ханум. — Это пойдет нам на пользу.

Я ждала.

— Арбитр отклонил мою просьбу.

Вот оно.

— Должно быть, у него были веские причины.

— Он считает, что мы намеренно затягиваем переговоры, — сказал Дагоркун. — Он надеется использовать наши обычаи, что надавить на нас.

— Могу я задать вопрос о переговорах? — спросила я. Ханум подняла брови.

— Да.

— Вы управляете большой территорией на Нексусе. Анократия контролирует такую же большую территорию. Вам обоим придется работать с Торговцами, чтобы доставлять товары с планеты. Почему не согласиться на мир?

Ханум коснулась своего одеяния и вытащила небольшой диск, вырезанный из чего-то похожего на кость. Она сжала бока, и появилось изображение мужчины отрокара. Он был в полной боевой броне. А лицо напоминало и Дагоркуна, и Ханум.

— Кордуган, — сказала она. — Мой третий сын. Он лежит мертвым на Нексусе. Мы так и не нашли его тело.

Дагоркун опустил взгляд на руки.

— Мои соболезнования. — Сказала я.

— Дети умирают, — сказала Ханум и ее голос надломился. — Это закон жизни. Я вспоминаю об этом снова и снова. И каждый раз это причиняет боль.

— Тогда почему не перестать погибать на Нексусе? — спросила я.

— Потому что мы не ведем переговоров, — сказала Ханум. — Мы завоевываем. Когда я смотрю на половину континента, принадлежащую Анократии, я вижу землю. Вижу фермы. Вижу семьи, наши семьи, воспитывающие детей, обустроившие быт, разводящие скот.

Дагоркун посмотрел на мать.

— Мама, скот не выживет на Нексусе. Это голые скалы. Там недостаточно пищи.

Она отмахнулась от него.

— Это к делу не относится. Мы расширяем территории, или умираем, как мой сын. Это наш путь. Также действует Анократия. Они стоят на пути нашего развития. Мы должны взять их под контроль на Нексусе. Мы должны обескровить их, сломить их дух, а потом начать наступление. Они владеют семью планетами. Семью тучными, богатыми планетами. Это достаточно земли, чтобы прокормить моих детей, и детей Дагоркуна, и детей их детей. Дети должны рождаться на планете, с землей под ногами, и они будут рождаться на Нексусе. Вот ради чего умер мой сын.

Правильно. Ни одна из сторон не готова была прислушаться к доводам рассудка. Я могла понять, почему Нуан Сее был в отчаянии.

— Но если вы так сильно против мира, зачем же вы вообще согласились на саммит? — спросила я.

— Кто сказал, что я против мира?

Ханум вздохнула, протянула руку и погладила Дагоркуна по голове. На секунду

опытный воин стал похож на восьмилетнего мальчика, чья мама поцеловала его на прощание перед школой у всех на глазах.

— Я сказала вам то, что диктует политика Орды, — сказала Ханум. — Мои взгляды не имеют значения. Мои люди желают пообщаться с предками. У нас хорошая память. Вы поговорите с Арбитром?

Сделка была очевидной: если я выступлю в их защиту, они будут должны мне услугу. Им даже не нужно обещать ее мне. Моей обязанностью было заботиться о комфорте моих гостей.

— Я поговорю с Джорджем, — сказала я. — Не знаю, насколько велико мое влияние на него, но я попытаюсь. Даже если он согласится, нам нужно будет добиться согласия вампиров и торговцем, что означает, что нам, возможно, придется пойти на некоторые уступки.

— Мы понимаем. — Сказал Дагоркун.

Я встала и поклонилась.

— Благодарю, что разделили со мной чай, Ханум. Пусть ваши дни будут долгими, а солнце слабым.

Ханум кивнула головой.

Дагоркун поднялся, и мы последовали за ним через покои отрокаров. Что-то в словах Ханум о причинах войны казалось мне неправильным. Она прекрасно подобрала слова, с достаточным рычанием в голосе, но я чувствовала, что она не принимает это сердцем.

Дагоркун остановился около двери.

Я вышла за дверь.

— Благодарю за ваше гостеприимство.

— Пожалуйста.

Дверь плотно захлопнулась.

— Что ж, это было поучительно, — пробормотала Калдения, пока мы спускались по лестнице. — Она отчаянно жаждет успеха мирных переговоров.

— Вы так думаете?

Калдения покачала головой.

— Моя дорогая, тебе нужно научиться наблюдать. Она — военачальник этой огромной орды, но кроме этого, она еще и мать, которая любит своих детей больше жизни. Мы с тобой обе знаем, кто возглавит наступление на Нексусе — это будет сын, который сейчас сидит с ней рядом. Помнишь тот документальный фильм, который мы смотрели на прошлой неделе по Нешинел Джиографик, там, где львы пытались пережить засуху? Эта женщина — старая львица, которая пытается защитить последнего детеныша. Она отчаянно пытается сохранить ему жизнь, и она теряет надежду.

Она была права. Это имело смысл, и поэтому было ужасным. От горечи всего этого перехватывало дыхание.

— Это чудесно, — сказала Калдения. — Надави на этот рычаг и вынешь ее сердце. О большей слабости нечего и мечтать. Ты должна брать меня на все свои переговоры. Они такие увлекательные.

Волосы Джорджа, как правило, безупречно причёсанные и собранные в хвост на затылке, были небрежно завязаны, несколько прядей рассыпались вокруг его красивого лица. На челюсти были видны следы щетины. Его кремовая рубашка была немного влажной. Когда он встретил меня у дверей своей комнаты, он выглядел слегка растрепанным и мрачным, как человек, который покорился судьбе. Удивительно, потеря идеальной элегантности перевела его из категории поразительно красивого в категорию возмутительно соблазнительного. Я на мгновение задумалась, смогу ли я найти какой-нибудь предлог, чтобы отправить Софи сюда. У меня было чувство, что она это действительно оценит.

Я рассказывала ему о желании Ханум устроить осенний праздник, а Джордж делал вид, что не слушает меня. Он подвернул рукава. Откинул волосы назад. Почесал заросшую щетиной челюсть. Казалось, он совершенно отвлечен, но годы, которые я ребенком провела в гостинице, научили меня наблюдать за гостями. Джордж с большим вниманием выслушал все, что я сказала.

— Я пытался побриться и кран окатил меня водой, — сообщил Джордж, когда я закончила. — Ледяной водой. Прошло три, нет, четыре дня с тех пор, как у меня была возможность принять горячий душ. Нет, все-таки, три...

Очень хорошо.

— Если вы спрашиваете, достаточно ли вы уже наказаны за вырубку моих тридцатилетних яблонь, я уверена, мы что-нибудь придумаем.

Я эффектно щелкнула пальцами. Каждый кран и душевая насадка в ванной комнате включились, выстреливая мощные потоки дымящейся воды. Я дала им поработать в течение трех секунд и выключила.

— Кроме того, я была бы вам благодарна, если бы вы перестали притворяться, что не слушаете меня.

Джордж отбросил свой мученический вид.

— Существуют определенные правила, когда дело доходит до этих вещей. Известное количество пустых разговоров, которые ведут большинство людей. Вы минуете вступительную фазу. Я не могу решить, является ли ваша прямота освежающей или раздражающей.

— Чем больше танцев с бубнами я устрою вокруг этой темы, тем больше возможностей я вам дам для спора, — объяснила я. — Некоторые гости иногда бывают очень...

— Хорошо манипулирующие людьми?

— ... сложными — сказала я

— Но долгий разговор также дает вам возможность больше узнать о человеке, — сказал он — На какие кнопки нужно давить. Какие рычаги тянуть.

— Я здесь не для того, чтобы давить на кнопки. Я по определению нейтральна. Моя цель — обеспечить жильё и комфорт гостям, и удовлетворить их потребности. Я здесь, чтобы уладить их проблемы, пока они находятся под моей крышей и прямо сейчас, я хотела бы поговорить о просьбе Ханум.

— Очень хорошо. Давайте оставим словесную эквилибристику. Дело пойдет быстрее.

Джордж взмахом руки пригласил меня на диван. Я села, а он занял бархатное кресло напротив.

— Объяснила ли Ханум, что Орда подписала важный документ перед началом переговоров, указывающий, что они готовы приостановить торжества и религиозные праздники на время саммита?

— Нет.

— На самом деле, каждый участник саммита подписал данный отказ.

Голубые глаза Джорджа были суровыми и ясными, а взгляд сосредоточенным. Что-то жестокое было в его теперешней манере поведения. Он напоминал мне сокола, высоко в небе наблюдающего за птицей, прямо перед тем, как выпустив когти, нырнуть в смертоносное пики. Что ж, так выглядела реальность.

— Баланс сил в рамках саммита очень шаткий и ни один из участников не намерен упустить даже его малой части. Если они увидят хоть какую-нибудь возможность, они будут продавливать свои интересы. Поэтому, если мы сейчас удовлетворим просьбу Ханум, придется пойти на уступки, чтобы задобрить Святую Анократию и Торговцев.

— Другими словами, они захотят взятку. — Сказала я. Конечно.

— И чтобы они не попросили, результатом будет проблемы.

— Кроме того, как только мы согласимся устроить праздник, отступить будет некуда. Если вампиры, к примеру, выдвинут какие-нибудь запредельные требования взамен согласия на торжество, и мы не сможем достичь соглашения, в глазах отрокаров Святая Анократия станет людьми, которые препятствуют проведению любимого ритуала. Кто-то может подумать, что учитывая историю их взаимной вражды, этот маленький инцидент не будет иметь значения, на самом деле, этот теоретический проступок затмит всю неприязнь, которая у них уже есть.

— «Они убили моего брата, украли нашу планету, но, более того, они не позволили нам провести осенний фестиваль»?

— Да. Это специфическая особенность психологии небольших изолированных собраний, поэтому в первую очередь я выбрал этот формат и земную гостиницу. Когда берешь заклятых врагов и помещаешь их всех в уединенном месте, при условии, что группа достаточно мала, они переживают одни и те же события и у них складываются подобные отношения, что дает какую-то общую почву там, где ранее не было ничего. Это создает настроение «мы-тут-все-вместе», дух товарищества. Вампиры и отрокары распознают собственные эмоции в своих врагах: скука, пока идет процесс, облегчение, когда он заканчивается, радость простых удовольствий от хорошо приготовленной еды. Эта общность обстоятельств и реакций способствует эмпатии, которая является предвестником какого-либо консенсуса. Сейчас эта эмпатия очень хрупкая, и конфликт из-за осенних праздников может все разрушить до того, как что-то наладится.

— Но если каждый пойдет на уступки и согласится на праздник, разве это не покажет уважение и терпимость к религии и традициям друг друга? Если вампиры и Торговцы проявят уважение к фестивалю и понаблюдадут за ним в качестве гостей, разве это не поощрит чувство сопереживания?

— Если предположить, что праздник будет, то да. Но это большое допущение. Оно несет в себе большой риск.

Я откинулась на спинку стула.

— Если я не ошибаюсь, мирные переговоры зашли в тупик.

— Вы не ошиблись, — лицо Джорджа исказила гримаса.

— Это может их подтолкнуть.

— Или уничтожить все шансы перемирия.

— Вы — арбитр. Решение за вами, но я согласна поговорить со всеми заинтересованными сторонами, чтобы увидеть согласятся ли они.

Джордж посмотрел на меня на несколько мгновений.

— А у вас какая в

том заинтересованность?

— Ханум и её люди — мои гости. У них стресс, а я хочу, чтобы им было хорошо. Осенний фестиваль поможет.

— И это все?

Это, и замаскированное отчаяние в глазах Ханум, которое заставляло меня вздрагивать каждый раз, как я его вспоминала. Воспоминание о том, как она сидела на диване, трепала сына по волосам и удерживала свою печаль и беспокойство стальной хваткой, не давало мне покоя. Я не могла помочь с мирными переговорами. Я ничего не могла сделать, чтобы удержать ее сына от войны. Но я могу сделать для нее одну эту маленькую вещь, и приложу все усилия для этого.

— А разве этого не достаточно?

Он мгновение раздумывал над этим.

— Вы победили. Мы пойдем на риск. Если хотите поторговаться с вампирами и Торговцами, я вам разрешаю. Но я хочу быть в курсе всего.

— Я буду записывать все встречи, и показывать их на вашем экране.

— Хорошо. Но, Дина, не соглашайтесь ни на что, не поговорив со мной. Ничего не обещайте. Они это используют против вас.

— Поняла. — Я встала — Благодарю вас.

— Пожалуйста, хотя я не очень уверен, за что вы меня поблагодарили. — Джордж улыбнулся едкой улыбкой. — Это должно быть весело. Хорошо, когда удается повеселиться время от времени.

— Вы сами говорили, что подобное веселье рискованно, — напомнила я ему.

Его улыбка стала шире.

— Это самый лучший вид веселья.

* * *

— Категорически нет. — Если бы у вампиров был мех, то шерсть Одалона вздыбилась бы, как у разъяренного кота, так что Военный священник стал бы вдвое больше от крайнего негодования. — Нет, они не могут проводить свои языческие обряды здесь, на этой земле, где мы вынуждены будем оставаться, после того как она будет осквернена.

Я в первую очередь пошла к рыцарям, потому что заставить их согласиться на фестиваль отрокаров будет гораздо труднее, чем договориться с Нуан Сее.

— Они имеют такое же право исповедовать свою религию, как и вы. — Я стояла на своем. — Вы все здесь гости и находитесь на равных.

— Вы знаете, что подразумевает эта ересь? — Одалон наклонился ко мне всеми шестью футами и несколькими дюймами роста, его алое одеяние полыхало. — Они освещают землю и посвящают ее своим языческим божествам. Я вступаю на их проклятую землю только с

боевым молотом в руке, с которого стекает кровь отрокаров.

И я еще считала его самым разумным во всей делегации.

— Поможет ли, если я предоставлю им отдельное место для освящения? Тогда вам не придется по нему ходить, и мы сможем избежать окровавленных молотов.

Одалон зашипел.

— И как вы это сделаете? Вы намереваетесь поднять участок земли, чтобы он летал в воздухе?

— Как вариант, — сказала я. На самом деле нет, но не было смысла обсуждать пределы моих возможностей.

— Однако я собиралась предложить вырыть ров и наполнить его водой. Они собираются вызывать определенных духов земли, и текущая вода обеспечит границу.

— Это кощунство! — провозгласил Одалон так же, как когда-то Джерард Батлер проревел: «Это — Спарта». К сожалению, Одалону некого было швырнуть в бездонную пропасть для выразительности, поэтому он принял крайне раздраженный вид.

— Давайте не будем спешить. — Сказал Арланд — Ну, хотят они праздник. Ну какой от этого вред?

— Так вы не против?

— Я против. — Сказал Арланд. — Я совершенно категорически против, но в интересах мира я готов отложить свои возражения.

— Леди Исур? — я повернулась к Маршалу.

Она нахмурилась, постукивая пальчиком по губе.

— Я тоже согласна.

— Что? — Одалон развернулся к ней.

— Я устала. Мои люди устали. Эти переговоры должны когда-нибудь закончиться. Если эти языческие пляски помогут Орде собраться с мыслями, то пожалуйста.

— Я этого не потерплю, — объявил Одалон.

— Ничего страшного — сказал Робарт. — У нас достаточно голосов без тебя.

Ээ. Я ожидала, что из трёх маршалов его будет труднее всего уговорить.

Леди Исур протянула руку и дотронулась своими длинными пальцами до его щеки.

— Странно, милорд, у Вас ведь нет жара.

Он изумленно взглянул на нее, в шоке от её прикосновения. Несколько секунд он перебарывал себя, но все же справился.

— Пусть дикари празднуют. Но я хочу получить кое-что взамен.

Вот все и открылось.

— Я хочу пригласить несколько гостей на банкет, — сказал лорд Робарт.

— Гости? Каких гостей? — нахмурился Арланд.

— Сколько гостей, и какого вида? — спросила я.

— Я думаю, троих хватит, — ответил Робарт. — Они члены одного из старых уважаемых Домов.

Что ж, вампиры.

— Очень хорошо, я доведу это до сведения Арбитра. Окончательное слово за ним.

И он, вероятно, скажет «нет». Увеличение количества вампиров лишь затруднит переговоры, особенно если это те, кого решил пригласить Робарт.

— Мы это даже обсуждать не можем — шумел Одалон.

— Робарт, это в лучшем случае глупость, — вздохнула Леди Исур.

Арланд повернулся к ней.

— Какой Дом?

— Он собирается пригласить Дом Миир, — пояснила Леди Исур так, как будто объясняла ребенку.

— Ты в своем уме? — заорал Арланд

— Не смей указывать, что мне делать, Крар! — Робарт начал наступать, демонстрируя клыки.

Зубы Арланда тоже обнажились.

— Как ты можешь пригласить Дом Миир? Они жаждут уничтожить мой Дом! — прорычал Арланд — Оба наших Дома!

— Они настоящие патриоты! — закричал Робарт.

— Они трусы. Они отказались драться на Нексусе, чтобы мы были ослаблены, а они могли обобрать наши кровоточащие останки. Как ты можешь общаться с трусами? И кстати, прошлой ночью они были отлучены.

— Все лучше и лучше. — Одалон в ужасе покачал головой. — Одни хотят провести языческий обряд, другой приглашает на него отлученных. Все с ума посходили?

Роберт продолжал гнуть свою линию.

— Дом Миир пожертвовал своей честью ради нас всех.

— Дай мне терпения. Я задушу его. — Кулаки Арланда непроизвольно сжимались.

Леди Исур встала между ними.

— Объясни мне это. — Арланд обогнул ее. — Объясни мне, как эти хнычущие черви всем сердцем защищают наши интересы, пока мы готовимся проливать кровь вместо них.

— Это очередность только проливает нашу кровь, — сказал Робарт с явным волнением на лице. — Как бы мне хотелось, чтобы ты понял. Только совместное наступление закончит эту войну. Мы должны бросить на это все свои силы.

Арланд покачал головой.

— И ты полагаешь, что Кайр, Королевства Дью Ла и Харат будут просто стоять и терпеливо ждать у наших границ, как послушный скот, пока мы заняты этим? Или ты подписал какие-нибудь мирные договоры от имени Анократии, пока я не видел?

— Как ты можешь быть столь твердолобым? — зарычал Робарт. — Ты что не понимаешь, что нам нужно отказаться от директивы Иерофанты и оставить Воено...

— Стоп — Одалон прижал свой молот к груди Робарта. — Остановитесь, лорд Маршал, пока не добавили измену к вашей ереси.

— Я отзываю свое согласие на праздник, — заявил Арланд, его глаза потемнели.

— Ты не можешь. Ты слово дал. — Робарт улыбнулся Арланду и Исур. — Вы оба дали слово.

Арланд оскалил зубы

— В любое время! — Робарт рванул вперед.

— Довольно! — воскликнула леди Исур. — Вы может быть и Маршалы, но я — Эскарская Сука. Не заставляйте показывать вам, как я получила это имя.

Робарт отступил на шаг назад.

Арланд развернулся и рванул вон из комнаты.

Военный Священник тоже развернулся, чтобы уйти.

— Одалон! — Позвал его Робарт.

— Я иду молиться — сказал Одалон, четко выговаривая каждое слово. — Я иду

молиться за себя, за это собрание, и более всего за тебя, и надеюсь на божественную милость, или мы все закончим на ледяных равнинах Пустоты.

Он вышел.

Леди Исур повернулась к Робарту.

— Твой пыл делает тебе честь, но соблюдай осторожность. Не допускай, чтобы благодаря твоему гору тебя использовали.

Робарт только покачал головой и ушел.

Леди Исур посмотрела на меня. Я посмотрела на нее.

Она вздохнула.

— На поле боя он демон.

— Лорд Робарт?

Она кивнула.

— Тем не менее, он остро нуждается в трезвомыслящей женщине, чтобы направлять его порывы, пока это не довело его до беды.

Она тоже ушла, оставив меня у выхода. Ну что? Похоже, могло быть и хуже.

Я покинула покои Святой Анократии и остановилась, чтобы открыть экран к Джорджу, мысленно подготавливая себе к отрицательному ответу.

Арбитр сидел на диване. Мой новый кот сидел рядом с ним, и выглядел очень благородно. Мне стало очень интересно, как он попал в комнату Джорджа.

— Я нахожу их условия приемлемыми, — сказал Джордж.

Что?

— Почему?

Это «Почему?» выскочило без разрешения.

— Потому что, как я и предполагал, самым серьезным препятствием на пути этих переговоров является дом Миир. Я хочу встретиться с моими противниками в открытую, оценить их, и ликвидировать, прежде чем они смогут причинить еще больший вред.

Для вкрадчиво говорящего, и, казалось бы, мягкого человека, Джордж мог быть невероятно хладнокровным, решила я по пути в покои Нуан Сее. Торговец из Баха-чар принял меня в своей гостиной, где он лежал на диване. Пока я излагала свое предложение, из боковой комнаты выбежал котенок, за которым следовала кучка родственников Нуан Сее в ярких одеждах.

— Почему Вы считаете, что саммит разваливается? — Спросил меня Нуан Сее.

— Я не вправе навязывать вам свое мнение.

— Я настаиваю.

— Он проваливается, потому что из вас троих никто не понимает, как себя чувствует другая фракция, — честно сказала я. — Если бы вы знали ту настоящую цену, которую платите за войну, вы бы согласились ее прекратить.

Нуан Сее вздохнул, глядя, как котенок бежит туда-сюда, пока его клан дружно и весьма комично спотыкался.

— Боюсь, вы правы. Какие уступки были сделаны Святой Анократии?

— Они попросили пригласить гостей на банкет после обряда.

Котенок встал на задние лапы и замахал передними на руководящего лиса. Тот попытался его схватить, и маленький зверь бросился в сторону и забрался на шторы. Я сжала губы, чтобы не хихикать. После нахождения в обществе четырех расстроенных вампиров, орущих во всё горло, это было уже слишком.

— Сколько гостей?

— Трое.

— Я склонен проявить великодушие.

Из уст Торговца ничто не может звучать опаснее.

Нуан Сее теребил кисточку на углу подушки.

— Я тоже добавлю гостя. Всего одного. Наемного работника.

— Что-нибудь еще?

Это было слишком просто.

— Нет.

— Я передам ваши условия Арбитру.

— Благодарю вас.

Я осторожно пробиралась по комнате, пытаюсь избежать гонящую котенка толпу. После разрешения пригласить троих гостей для Святой Анократии, у Джорджа не было причин отказывать в скромной просьбе Нуан Сее. Осенний фестиваль продвигался. Ханум должна быть довольна. И если я смогу как-то облегчить ей это, я попытаюсь.

Я только надеялась, что не погубила саммит окончательно своим вмешательством.

Орро воздел голову к небу, раскрыл пасть и испустил вопль, поддающийся описанию лишь, как первобытный рев. А так как он держал в одной руке мясницкий нож, а в другой точильный камень — драматический эффект вышел, что надо.

Я терпеливо ожидала.

- Он всегда себя так ведет? — тихонько спросил у меня Гастон.

- Похоже на то.

Орро застыл на месте, упиваясь своим отчаянием.

Я стала считать про себя. Раз, два, три... Орро повернулся ко мне, прожигая меня взглядом.

— Как долго?

- Тебе нужно отложить банкет на час для проведения празднования отрокаров, — сообщила я.

- Час? Один?

- Именно.

Орро помахал ножом и точильным камнем.

— У меня рыба. Нежнейшая рыба. И суфле. У меня... Я могу подождать один час. Но не больше! — Он погрозил ножом. — Не больше. Ни одной минутой, ни одной секундой, ни одной наносекундой, ни одной аттосекундой больше.

- Спасибо.

Я вышла в гостиную, Гастон последовал за мной.

Сопровождение Арбитра почему-то решило облюбовать именно мою гостиную, несмотря на наличие таких же комнат в своих покоях. Джордж был поглощен чтением. Джек и Софи играли в шахматы. Я отвратительно разбиралась в шахматах, поэтому понятия не имела, кто выигрывал. Ее Милость пристроилась в кресле у окна, развлекаясь планшетом и чашкой чая каркадэ. Судя по ухмылке на губах, Калденция читала что-то или с кучей пошлостей, или с кучей убийств.

— Аттосекунда? — переспросил Гастон.

— Полагаю, это очень-очень маленькая доля секунды, — сказала я.

— Одна квинтиллионная секунды, — произнес Джордж, не отрываясь от чтения.

Джек уставился на него.

— Ты опять начал запоминать всякую чушь от нечего делать?

— Нет, я подключился к беспроводной сети, — отозвался тот. — Я это загуглил.

Из коридора вышел отрокарский шаман, облаченный в потрепанный черный плащ; его длинные черные волосы с фиолетовым отливом ниспадали на ткань. В сочетании с кожей цвета зеленоватой бронзы и темными волосами, его светло-зеленые глаза практически горели на жестком, угловатом лице.

— Приветствую, Руга. — Я склонила голову. — Вы готовы осмотреть место?

Он кивнул.

Я вышла наружу, Гастон и шаман за мной следом. Похоже, Джордж приставил ко мне Гастона, раз последние полчаса тот повсюду ходил за мной по пятам.

Дагоркун сообщил, что им нужна будет площадка не менее пяти акра длиной и шириной, что примерно переводилось как квадрат со стороной в 32 метра. Мне придется

приспособить для этого часть новой земли. После того как мы уничтожили пришельца-убийцу прошлым летом, я использовала часть денег, полученных от дома Крар, чтобы купить еще три акра. Искомый участок располагался на окраине владений, за садом с северной стороны, надежно скрытый от глаз густыми дубами и кедрами. Подпитываемая поддержкой от присутствия Арланда, Шона и Калдени, гостиница проросла на новую землю практически за ночь и провела последние семь месяцев или около того, осваивая ее. Это обеспечило меня достаточно большой площадью для отрокарского фестиваля.

Новая земля обошлась мне всего в пятнадцать тысяч долларов, в основном из-за того, что на ней находилась пещера с летучими мышами, и она не годилась для застройки. Сама пещера была в паре сотен ярдов на восток, за пределами моих владений, и если бы миротворческий саммит прошел удачно, я купила бы и ее. Летучие мыши могли оказаться весьма полезными.

Я остановилась и осмотрела участок. Над травой росли маленькие крючковатые кедры, окаймленные какими-то кустами. Мне никогда не нравились тexasские кедры. С их корявыми стволами они всегда казались жертвами засухи и, вдобавок ко всему, каждую зиму выпускали облака желтой пыльцы, такой густой, что она всего за ночь укрывала крыши машин толстым слоем.

— Не подойдет, — сказал шаман. — Здесь слишком много деревьев. Нет воды и земля неровная.

Я вздохнула и выпустила магию.

Грунт вокруг кедров размягчился. По нему прокатились волны, как по пруду от брошенного в него камешка. Деревья дрогнули и целиком погрузились под землю, ломаясь и скручиваясь в процессе. Незачем понапрасну переводить дерево. Отрокарам оно непременно понадобится для их праздника. Гостиница подготовит бревна, а остальное поглотит для собственных нужд.

У Гастона брови полезли на лоб. Шаман нахмурился.

Повинуясь моему импульсу, земля разгладилась. По периметру площадки образовался ров шириной в один фут. Бульжники, камни и галька по большей части из светлого песчаника выростали из земли, как шляпки грибов, и формировали дно рва. Я приподняла его южный край примерно на восемь дюймов, чтобы создать уклон. Длинный садовый шланг, извиваясь, полз от дома. Второй шланг присоединился к нему и его конец опустился в ров. Вода потекла на камни и послушно зажурчала по новоиспеченному руслу. Я прошла вдоль рва, добавляя глубины, где необходимо.

Шаман перешагнул через ров, полез под плащ и достал мешочек, сделанный из чешуйчатой шкуры. Он что-то прошептал, открыл мешочек, и высыпал ярко-красный порошок в воздух. На мгновение красное облако зависло, словно удерживаемое невидимой силой, затем частички начали падать, погружаясь в почву. На площадке произошли незаметные изменения. Я не видела разницы невооруженным взглядом, но теперь земля, окруженная самодельным ручьем, ощущалась слегка странно. Она все еще принадлежала гостинице, но теперь она также реагировала на магию шамана.

— У вас есть еще какие-либо пожелания? — спросила я.

Он покачал головой.

— Этого достаточно. Мне нужно поработать здесь до начала празднования.

— Вам нужны дрова для костров?

— Да.

Из земли всплыла поленница кедровых бревен.

Я склонила голову.

— Гастон составит вам компанию во избежание происшествий.

Шаман одарил меня тяжелым взглядом.

— Сейчас я стою на земле моих предков. Есть вещи, которых я боюсь в этой жизни, но вампиры к ним не относятся.

- И все же, я хотела бы, чтобы Гастон остался с вами. Пожалуйста, дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится.

Я пошла прочь. Мне еще нужно было кое-что подготовить. Гости лорда Робарта из дома Миир нуждались в собственных покоях. Поселение их со Святой Анократией грозило неприятностями.

* * *

Красные портьеры или голубые? Я разглядывала номер для «наемного работника» Нуан Сее. Когда я попыталась выпытать из него подробности касательно его гостя, он отмалчивался. Сначала я пыталась делать скрытые намеки, затем более очевидные, и, в конце концов, спросила напрямую, какую мебель мне нужно поставить для прибавления в его делегации. Его ответом было «большую», после чего он сообщил мне, что слишком устал для дальнейших разговоров и нуждается в отдыхе.

Большого размера для человека? Большого для вампира? Большого по меркам Нуан Сее? О какой величине шла речь? Сначала Софи, теперь это. Появление гостей, не утруждающих себя сообщением своей расы или хоть какие-то предпочтений, уже начинало раздражать.

Я вовремя спохватилась, пока мое раздражение не перекинулось на комнату. Я расположила самый основной набор мебели, светлый бамбуковый пол и бежевые стены. Комната отчаянно нуждалась в цвете, но я смогу добавить его по ходу дела. С моим везением, гостем, как пить дать, окажется равелианский слизняк, и всю комнату придется покрывать сырой нефтью.

- Должно сойти, — сказала я Чудовищу.

В голове у меня зазвенел сигнал. Гости лорда Робарта должны были вот-вот прибыть. Я проверила время. У нас оставалось меньше пятнадцати минут до начала празднования.

Время — забавная штука. Когда у тебя головная боль, пять минут кажутся вечностью. Когда же ты пытаешься подготовить отрокарский праздник, дополнительные гостевые покои — одни для вампиров, а другие для Торговцев, и параллельно успокаиваешь двухметрового ежа-повара, что его рыба не испортится, если постоит лишний час в холодильнике — глазом не моргнешь, как пролетают три часа.

Я поспешила в гостиную. Солнце село, и день догорал тлеющими угольками на западе. Сумерки захватили улицы, раскрашивая половицы в прихожей холодным голубым и фиолетовым. У нас оставалось меньше пятнадцати минут до начала празднования. Я поняла это, как только по лестнице спустился Джордж, одетый в дублет цвета индиго, оттенявший его светлые волосы. Джек следовал за ним, облаченный в темно-коричневую кожу.

— Дом Миир пребывает через десять минут, — сообщила я им.

— Хорошо, — Джордж улыбнулся недоброй улыбкой.

Меня потревожила магия гостиницы. Что-то происходило напротив дома. Я подошла к окну — снаружи до самого поворота простиралась длинная улица Камелот Роуд, а на углу, наполовину скрытая огромной колючей грушей, которую Хендерсоны наотрез отказывались спилить, притаилась полицейская машина. Прекрасно.

— Проблемы? — спросил Джордж.

— Интуиция офицера Мараиса никогда не подводит.

Джордж посмотрел на брата. Джек пожал плечами и стянул рубашку, обнажая мощную, мускулистую грудь.

— Джек о нем позаботится, — сказал Джордж.

Этого-то я и боялась.

— Пожалуйста, не навредите ему.

— Парень портит вам кровь, а вы переживаете за его здоровье, — Джек скинул штаны.

Он продолжил раздеваться, а я старалась не сводить взгляда с его лица.

— Офицер Мараис не пытается мне насолить. Он пытается выполнять свою работу и оберегать покой соседей.

— Ладно, ладно. — Последний предмет одежды приземлился на пол. — Я вернусь как раз к фейерверкам.

Джек потянулся и его тело разошлось. Выплеснулся мех. На мгновение он, казалось, завис в воздухе, затем его тело скрутилось, хрустнуло, завязалось узлом, и на моем полу приземлилась большая рысь.

Ладно. Это уже любопытно. Кем, черт возьми, он был? Никак не котолаком Солнечной Орды, это уж точно.

— Не могли бы вы открыть заднюю дверь? — попросил Джордж.

Задняя дверь распахнулась, и рысь промчалась через кухню, скрывшись в ночи. Что-то хлопнуло, и по гостинице эхом прокатился визг.

— С собакой я уже смирился, теперь еще кошачью шерсть искать в еде? — взревел Орро.

Он упустил свое призвание. Какого актера потеряли шекспировские драмы!

Чудовище твякнула, явно обидевшись.

— Прошу прощения. — Я повернулась к стене. — Экран, пожалуйста. Вид с передней камеры, увеличение на триста процентов.

На стене развернулся экран, демонстрируя детальный вид на полицейскую машину и ее хозяина, развалившегося на сидении.

Что-то с глухим стуком ударило в патрульную машину, так что она качнулась на колесах.

Офицер Мараис сел прямо.

Еще удар.

И еще.

Офицер распахнул дверь и вылез наружу под свет уличного фонаря, придерживая руку на пистолете. Он обошел машину и проверил ее сзади.

Что-то зашуршало в миртовых кустах по другую сторону дороги.

Офицер Мараис плавно повернулся и отошел от машины. Кусты снова зашуршали, задрожав, словно что-то двинулось от автомобиля в сторону фонаря.

Мараис осторожно двинулся следом.

Из кустов вынырнула рысь и уселась на тротуаре.

Офицер Мараис замер с рукой на кобуре. Судя по выражению лица, он подсчитывал свои шансы — слишком уж далеко он отошел от машины. Если он повернется и побежит, рысь его нагонит.

Ну-ну. Если Джек нападет, Мараис выстрелит — в этом я не сомневалась.

— Вашего брата могут подстрелить.

- Джек- весьма талантливый парень, — сказал Джордж.

Мне это ни о чем не говорило.

Рысь вытянула перед собой лапы, повернулась и брыкнулась на спину на дороге, как игривая домашняя кошка.

Плечи офицера опустились, и он слегка расслабился.

Джек потерся головой о тротуар и попытался поймать воздух лапами.

- Эй, — неуверенно позвал Мараис. — Кто у нас хорошая киса?

Джек подбежал к ближайшему кусту и потерся об него.

- Хорошая киса. Ты большой мальчик, да. Сбежал у кого-то со двора? Лучше бы твои хозяева обзавелись мозгами, чем диким животным. — Офицер осторожно сделал шаг назад.

Джек развернулся к Мараису пушистой задницей, задрал хвост и брызнул струей мочи напрямик ему в грудь.

О нет.

- Ааа! — Мараис отпрянул назад и схватился за пистолет, но Джека уже и след простыл.

- Сукин сын! — Мараис отряхнул левую руку, с которой капала кошачья моча. — Да пропади оно все пропадом!

Его лицо перекосило, будто он глотнул прокисшего молока.

Он посмотрел на свою грудь и его стошнило.

— О господи.

Он попытался вернуть себе самообладание, но его подбородок задрожал, и его снова согнуло пополам.

Я не знала, плакать тут или смеяться.

- Святой Иисусе. — Офицер Мараис выпрямился и с перекошенным лицом потопал к машине. Заревел мотор, вспыхнули фары, и громоздкая машина умчалась прочь.

Джордж улыбнулся.

— Я же говорил — весьма талантлив.

* * *

Я стояла на краю посадочной площадки, когда с неба упала багровая капля, и растаяв в воздухе, оставила троих вампиров. Вампиры с возрастом седали и становились больше, не выше или толще, а массивнее, поскольку их тела набирали все больше и больше тяжелой массы. Рыцари передо мной были огромными. Если броня Арланда и Робарта была произведением искусства, то броня вновь прибывших была произведением искусства, предназначенным для сообщения, что её обладатели имели практически неограниченный бюджет. Богато украшенная и идеально подогнанная, она превращала каждого из них из живого существа впередвижную смертоносную крепость. Они стояли хмурые, обнажая клыки, и у меня возникло сильное ощущение, что добром это не кончится. Лидер нес

огромный топор. Слева позади него вампир со старым шрамом на лице размахивал кровавой булавой, а его товарищ справа, с волосами такими бледными, что они казались почти белыми, вооружился мечом с невероятно острым и широким клинком.

- Приветствую Дом Миир, — произнесла я.

У стоящего рядом со мной Робарта на лице было глубокое удовлетворение. Он был единственным Маршалом, который вышел их встречать. Два его рыцаря ждали поблизости с мрачными лицами, выглядя так, словно в любой момент готовы отразить нападение. Видимо близость лорда Робарта к дому Миир не разделялась людьми под его командованием.

Пожилой рыцарь выступил вперед. Самый крупный из троих, с гривой черных как смоль волос с проседью, он однозначно был лидером. Странно подумать, но через несколько десятилетий Арланд может выглядеть точно так же.

— Приветствую, Хранительница, — пробасил он.

— Лорд Бенегер, — кивнул Робарт.

— Лорд Робарт, — ответил предводитель.

Ни знамен, ни речей, ни церемоний. Вампиры заявляли о себе церемонией. Дом Миир был здесь, но его представители ясно давали понять, что их визит неофициальный. Я покрепче сжала метлу. Подобное я видела всего раза четыре, и каждый раз Дом отрицал, что санкционировал действия своих людей. Я не допущу резни у себя в гостинице.

— Следуйте за мной, — я провела их через дом на балкон, выходящий на праздничную площадку. Арланд, леди Исур и остальные их вампиры заняли дальний правый угол балкона, Дом Ворга — середину, а клан НуанСее расположился слева.

Под нами отрокары проверяли дровяные кучи. Они сложили из поленьев, которыми я их обеспечила, костер в южной части круга, созданного моим ручьем, и сделали несколько маленьких куч вдоль воды. Кора на некоторых поленьях была красной и фиолетовой. Они, должно быть, принесли несколько своих собственных.

Рыцарь со шрамом из Дома Миир глянул вниз на них и сплюнул на балкон.

— Святотатство.

Он плюнул на мою гостиницу.

Я улыбнулась так мило, как только могла.

— В следующий раз, когда решите плюнуть, милорд, пол расступится у вас под ногами.

Рыцарь со шрамом покосился на меня.

- Мы здесь в гостях, Уриэль, — произнес лорд Бенегер. — Мои извинения, Хранительница.

Извинения или нет, в следующий раз, когда лорд Уриэль решит извергнуть слюну, он об этом пожалеет.

Отрокары образовали кольцо на фестивальной площадке. Пока мы говорили, мягкими кошачьими лапками подкралась ночь, окрасив восточный край небосвода в красивый глубокий фиолетовый цвет. На площадку опустились сумерки, закатный свет разбавлял затопляющую тьму. Тени сгустились и стали изменчивыми, ветер стих и первые звезды высыпали на небо.

Шаман отрокаров с северной стороны шагнул в круг, обрисованный моим ручьем. Он был одет только в длинный многослойный кожаный килт. Странные бледно-зеленые и белые символы были нарисованы на его обнаженном туловище. Его распущенные волосы закрывали лицо. Некоторые пряди были заплетены кожаным шнурком и украшены костяными и деревянными бусинами.

Огонь сам по себе охватил две кучки дров справа и слева от него. Шаман продолжал двигаться, контуры его мускулистого, но стройного тела были до странности красивыми. Огонь перекинулся на две другие кучки, затем на основной костер. Настойчивый барабанный бой зазвучал, все громче и громче, когда три отрокара на краю площадки стали бить в большие пузатые барабаны. Дикая, зловещая мелодия дудок, которые не могли быть сделаны из дерева или растения Земли, бросала вызов, простейшей музыкой вызывая к жизни дыхание разумного существа. Шаман повернул голову так, что его длинные черные волосы взвились, закрутился как дервиш и начал танцевать.

Отрокары хлопали как один, вторя барабанному ритму. Шаман крутился и извивался, его движения порождались грацией и скоростью охотника, преследующего добычу, дикие и удивительно первобытные, словно весь налет цивилизации был сорван с него. Осталось существо, дитя породившей его планеты, такое же вечное, как сама жизнь. Было невозможно отвести взгляд.

Отрокары запели простую, буйную мелодию. Я не понимала слов, но смысл был и так понятен.

Я жив. Я выжил. Я здесь.

У меня перехватило дыхание. Я с абсолютной ясностью осознала, что однажды я умру. В один прекрасный день меня больше здесь не будет. Все, чего я хотела, все мои мысли, все мои переживания — все это исчезнет со мной, пропадет навечно. Я так много хотела сделать. Так много хотела повидать. Я должна держаться за это. Держаться за каждую краткую секунду жизни. Каждый вдох был подарком, навсегда уходящим к холодным звездам, в момент, когда я его делала.

Мне хотелось плакать.

Символы на теле шамана засияли, сначала слабо, затем все ярче и ярче. Языки пламени стали бледно-желтыми, после оливковыми, и наконец, изумрудно-зелеными, совпадая с сиянием татуировок шамана. Дерево больше не подпитывало его; пламя бушевало само по себе.

Между отрокаров появились тени — прозрачные размытые силуэты, молчаливые и неподвижные.

Шаман повернулся, согнулся назад, его гибкое тело было почти параллельно земле, и неожиданно в его руке появился простой деревянный посох. Он крутанул посох так, что тот размылся и воткнул в землю, подняв к небу свободную руку со скрюченными пальцами. Тлеющие угли из костра, покатались к нему, образуя узкий горячий путь к пламени.

Шаман замер, балансируя на носках, слегка отклонившись назад, неподвижный, каждая мышца напряжена как у гениального танцора балета, замершего перед прыжком. Его глаза светились потусторонним темно-фиолетовым светом, словно сама далекая планета глядела сквозь него. Он протянул левую руку в сторону.

Из теней возникла Ханум и встала рядом с ним. Она была босоногой, в простой тунике. Рука шамана сжала ее плечо.

Волна прозрачного пурпура пронеслась сквозь зеленый свет угольного пути. В сердце костра возникла тень.

Ханум ступила на путь из углей и быстро прошла к пламени. С каждым шагом, тень становилась четче. Проявились руки, обрисовались линии плеч и шеи, рассыпались волосы, и черты образовали овал лица. В пламени стоял молодой мужчина-отрокара. И выглядел он совсем как Дагоркун.

Они были так близко, что теперь она могла его коснуться. Ханум продолжала стоять на углях, протянув руку, словно пытаясь дотронуться до своего мертвого сына. Ее голые ступни полыхали, но она не смела пошевелиться.

Со стороны к ней подошел Дагоркун и взял свою мать за руку. Тень в огне кивнула брату. Дагоркун кивнул в ответ и бережно повел Ханум прочь, обратно к остальным. Тень растаяла в свете.

Я поняла, что плачу.

Другой отрокар подошел к шаману. Вторая волна пурпура, вторая тень, еще одно хождение по раскаленным углям. На этот раз взрослая женщина, одетая в отрокарскую броню.

Отроки шли один за другим, находя в огне своих близких. Мертвых жен, мужей, покойных родителей, детей, ушедших раньше времени... Некоторым хватало выдержки лишь на короткий взгляд, но большинство держались, преодолевая боль ради шанса увидеть тех, кого они потеряли, еще раз.

Наконец, последний отрокар отступил в сторону, позволяя призраку прошлого растаять в свете. Шаман взмахнул посохом, выписывая в воздухе замысловатый узор. Запела женщина-отрокар, ее голос был мягким, но набирал силу, бросая вызов звездам над нами.

Шаман швырнул свой посох на землю и раскинул руки.

Огонь вспыхнул белым, выпустив вихрь искорок, закружившихся, будто призрачные светлячки.

Женский голос нарастал, становясь все сильнее и сильнее, и ее песня, словно щит, сдерживала тьму в заливе.

Не бойся тьмы...

Не бойся ночи...

Ты не брошен...

Мы помним о тебе...

Огонь взорвался. По воздуху поплыли тысячи белых искорок, кружась, рассеиваясь среди отрокаров. Шаман протянул руку, позволяя сияющим точкам коснуться кожи, и улыбнулся.

Мириады мерцающих огоньков потянулись вверх, влекомые к небу невидимым течением, все выше и выше, к непостижимым просторам вселенной.

Четыре длинных стола были установлены в бальном зале в виде грубой буквы m: один стол поперек для Арбитра, глав делегаций и специальных гостей, включая Калдению и Софи, и три вдоль на расстоянии двадцати пяти футов друг от друга, чтобы убедиться, что никто из гостей не бросится и не начнет резню.

Мы поместили отрокаров слева, клан Нуан в середине и Святую Анократию справа. Мое место было слева за главным столом. Я была голодна, но о еде не было и речи. Я попросила Орро приберечь для меня тарелочку, потому что этот банкет потребует моего полного внимания. Напряжение в воздухе было так сильно, что его можно было резать ножом и подавать с медом на десерт.

Три делегации заняли свои места, лидеры устроились за главным столом по обе стороны от Джорджа, который сидел посередине. Одно место рядом с Нуан Сее осталось пустым. Место Куки за столом Торговцев также пустовало. Нуан Сее послал его в поле позади дома встречать гостя. Я все еще не нашла изумруд. Со всеми этими событиями поиски призрачного вора были отложены. Если все пройдет хорошо, я займусь этим сегодня ночью.

Джордж поднялся над главным столом.

— Я собирался произнести длинную, вдохновенную речь, но все явно голодны. Я посетил кухню, шеф-повар превзошел самого себя, у меня осталось очень мало силы воли после всех этих напряженных переговоров. Спасибо, что вы здесь. Давайте поедим.

Все зааплодировали и затопали в знак одобрения. Столы опустились в пол и вновь появились, неся разнообразные закуски. Орро шагнул в дверной проем.

— Первое блюдо, — объявил он. — Пряный тартар из тунца на подложке из мисо, весенние овощи обернутые огурцом и созревшие на корню томаты с базиликом и моцареллой.

Он шагнул назад. Я посмотрела на стол. Он как-то свернул тартар в маленькие рога изобилия; овощи выглядели как нежные цветы из огурца, наполненные яркими, тончайшими ломтиками чего-то красного и зеленого; созревшие на корню томаты были порезаны на дольки, фаршированные моцареллой и базиликом, и политы чем-то пахнущим терпко и восхитительно. Рот наполнился слюной. Участники саммита набросились на изысканные закуски, как оголодавшие волки на хромого оленя. Еда исчезала с пугающей скоростью.

Меня коснулась магия. Кто-то только что приземлился на поле за домом. Наконец-то прибыл гость Нуан Сее. Я потянулась магией и почувствовала, как Куки и гость идут к дому.

Столы опустились. Все происходило быстрее, чем ожидалось, но гости поглощали пищу. Через мгновение столы снова появились, уставленные новыми блюдами.

— Паста, — объявил Орро. — Аньолотти с фенхелем, козьим сыром и апельсином.

Фенхель стоил мне целого состояния, также как и сыр, но Орро отказался пойти на компромисс по поводу пасты. Ему нужен был фенхель и нужен был дорогуший сыр, вот и все. Ладно, по крайней мере, если они наедятся пастой, то станут сытыми и довольными и менее склонными к убийству.

За вампирским столом трое вновь прибывших с лордом Бенегером едва прикасались к еде, вместо этого они сидели, обернувшись враждебностью, как зимним плащом. На стороне отрокаров, Дагоркун, невысокая женщина слева от него и огромный, возвышающийся, как

гора, мужчина справа внимательно следили за Бенегером, почти не прикасаясь к еде.

Быть беде. Я это чувствовала.

Мне только нужно удержать их от нападения до основного блюда. Орро приготовил обжаренного цыпленка. Понятия не имею, что он с ним сделал, но один только запах заставлял замереть на месте. Я заходила в кухню перед банкетом, чтобы все проверить, и не смогла вспомнить, когда я так сильно реагировала на приготовленную курицу. Орро был волшебником. Найти ингредиенты, которые не взорвут вкусовые рецепторы пяти разных видов — это свело бы меня с ума. Он не только справился с этим, но и превратил в кулинарные шедевры. Очень жаль, что после саммита он уйдет. Я буду по нему скучать, даже не знаю, чего мне будет не хватать больше: его великолепной еды или драматических высказываний.

— Основное блюдо! Обжаренный цыпленок с золотистым картофелем.

Бенегер покорила судьбе и набросился на цыпленка. На дальнем конце стола Калдения положила всю ножку в рот и вытащила абсолютно чистые кости. София, одетая в очаровательное вечернее платье цвета морской волны, смотрела на нее с нездоровым восхищением.

Запах был сногшибательным. Если я не попробую этого цыпленка, это будет преступлением.

Куки и гость Нуан Сее подошли к задней двери. Я открыла ее и убедилась, что у них прямой проход в бальный зал. Чудовище села у моих ног. Видимо, новый пришелец пах странно.

— Спокойно, — прошептала я.

Чудовище завиляла хвостом.

В дверях появился умиительно пушистый Куки и забежал внутрь. Про существо, следующее за ним, нельзя было этого сказать. Ростом семь футов, он был одет в броню, но не ту жесткую высокотехнологичную, которую носили святые рыцари. Нет, его броня обеспечивала максимальную подвижность. Черная, как обсидиан, она покрывала его, облекая мускулы и слегка утолщаясь, чтобы защитить шею, тыльную сторону рук и грудь.

На первый взгляд она казалась сотканной, как высокотехнологичная ткань, но когда он двигался, свет отражался от неё, высвечивая тысячи маленьких чешуек, поблескивающих зеленым. Броня полностью облегла его, плавно переходя в когтистые перчатки на огромных руках и формируя подобие ботинок на ногах.

Угольно-серая, наполовину гербовая накидка, наполовину мантия, была надета поверх брони и расшита богатым зеленым узором. Накидка оставляла руки свободными, и на поясе ее перехватывал кушак. В ногах она разделялась, так что одна длинная часть свисала спереди, а вся остальная ткань была сзади и с боков, спадая до лодыжек. Подол был истерт и потрепан. У накидки был капюшон, который закрывал голову пришельца. Я заглянула в него.

У него не было лица.

Его капюшон заполняла тьма, непроницаемая, чернильно-черная тьма, которая колебалась, как живая. Казалось, словно само существо не имело ни мышц, ни костей, а состояло из угольно-черного космоса, который удерживала только броня.

Все замерли.

— Туран Адин, — прошептал справа от меня лорд Робарт.

Мучительное мгновение тишины затянулось.

— Да, ради всего святого, — проревел лорд Бенегер. — Он всего лишь один! Вы —

хнычущие трусы, я сам это сделаю!

Он перемахнул через стол, словно ничего не весил. Туран Адин остановился, ожидая.

Ну, нет. Я так не думаю. Стены гостиницы выпустили гладкие корни.

— Нет! — рявкнул на меня Джордж. — Позволь этому случиться!

Черт побери, меня уже достало, что на меня орут в моей же гостинице.

Два рыцаря Бенегера последовали за ним. Огромный вампирский лорд добрался первым. Его кровавый топор взвыл, окрасился и опустился в сокрушительном ударе так быстро, что я едва могла его видеть. Туран Адин сдвинулся. Это было невозможным, но он как-то увернулся от топора, который должен был его уничтожить, и ударил правой рукой. Его когти вонзились прямо в усиленный ворот украшенной брони лорда Бенегера.

Вампирский лорд замер, вся мощь его порыва исчезла, разбившись о стройную фигуру Туран Адина, как яростная океанская волна о волнолом. Слабое бульканье вырвалось изо рта огромного вампира. Туран Адин рванул руку, часть горла лорда Бенегера осталась в его когтях, раскрыв ладонь, он выронил кровавый кусок на пол. Вампирский лорд сделал шаг вперед и рухнул на пол лицом вниз. Кровь заливала мозаичное изображение Гертруды Хант.

Со злобным ревом двое оставшихся вампиров из дома Миир бросились на Туран Адина. Он просочился между ними, словно был паром. В его руке появилось короткий черный клинок. Он вонзил его левому вампиру в основание черепа, прямо туда, где начинается шея, отпустил и развернул свою жертву, чтобы избежать удара другого рыцаря. Туран Адин высвободил клинок, и когда раненый вампир упал на колени, вонзил его в левый бок оставшемуся вампиру, рассекая броню между ребрами вверх.

Руах, мечник отрокаров, вскочил на стол и бросился по нему в сторону Туран Адина. Софи рванула наперерез, подол ее платья распахнулся с одной стороны, когда распустился секретный шов. Мечник заметил ее. Сощурился, он изменил цель и побежал прямо к ней. Лезвия его мечей вспыхивали оранжевым, Руах пробежал мимо Софи, вращая мечами так, что лезвия размылись, и остановился в пять шагах позади. Если Софи двигалась, то я этого не заметила.

Руах сделал еще шаг. Верхняя половина его тела соскользнула и упала на пол.

Банкетный зал взорвался, когда вампиры и отрокары атаковали друг друга. Члены клана Нуан вытащили острые как бритва кинжалы и образовали защитный круг вокруг бабушки.

Я стукнула метлой по полу.

Внезапно в бальном зале наступила тишина и спокойствие. Все, кто смог выпрыгнуть из-за стола и приземлиться, провалились в пол до самого носа. Все, кто был в прыжке, прилипли к стенам, удерживаемые корнями гостиницы. Только лидеры, Туран Адин и Софи остались стоять.

— Вот это хорошо, — сказала я. — Это мне нравится. Мило и тихо.

Я повернулась к Джорджу.

— Это последний ваш приказ, к которому я прислушалась. Еще раз скажите мне нет, и присоединитесь к ним.

* * *

Мне потребовалось минут двадцать, чтобы рассортировать гостей по соответствующим

покоюм и запереть там, пока все не успокоится. После этого я осталась с лидерами и трупами.

Сначала я повернулась к Ханум и указала на части Руаха.

— Вы наплевали на мое гостеприимство, — тихо произнесла я.

Она могла приказать Руаху остановиться и не сделала этого.

Ханум густо покраснела.

— При обычных обстоятельствах я бы заставила вас покинуть этот дом, но я связана соглашением с Арбитражным Управлением.

— Подумайте о просьбе, — сказала Ханум. — Мы загладим вину.

— Так и сделаю, — пообещала я и повернулась к Робарту. — Вы удовлетворены?

Он отшатнулся.

— Я не...

— Вы пригласили их сюда. Они пришли, как бандиты, без штандарта, не провозгласили честь своего дома. Они пришли с одной целью: устроить нападение и безвозвратно сорвать переговоры. Вы об этом знали и ничего не сделали, чтобы их остановить.

Робарт моргнул.

— Теперь четыре человека мертвы. Пожилые и дети оказались в опасности.

Робарт сделал шаг назад. Я была так зла, что мой голос ранил, как нож. Мне следовало остановиться — это выходило за рамки моих обязанностей, но я была в ярости.

— Поздравляю. Вы добились своего. Позволили дому Миир дергать вас за ниточки, как марионетку. Теперь ваши люди продолжают умирать на Нексусе, пока дом Миир нападет на дом Крар. Каждый вампир, которого там убьют, каждый супруг, плачущий в одиночестве, каждый ребенок, у которого отняли родителей: все они на вашей совести. Наслаждайтесь.

Робарт открыл рот.

— Мы загладим свою вину, — пообещала леди Исур.

Я не обратила на нее внимания. Я собиралась каждому высказать свое неодобрение.

— Мистер Камарин.

Джордж принял холодную величественную позу. Несколько дней назад меня бы это огорчило. Но, сейчас, не слишком.

— Люди в моей гостинице умерли, потому что вы остановили меня. Репутации Гертруды Хант нанесен непоправимый ущерб.

Джордж открыл рот.

— Мертвые гости у меня на полу! — рявкнула я. — В моей гостинице! Все, ради чего я работала, все, что я отстаивала, разрушено. Никакие деньги не смогут это исправить. Моя профессиональная принципиальность скомпрометирована. Я позволила этому произойти, потому что вы хотели поиграть в свои игры.

Джордж открыл рот.

— Не говорите со мной, — произнесла я. — Вы может быть и Арбитр, но я все еще Хозяйка гостиницы.

Я развернулась к шаману и Военному священнику.

— Вам будет предоставлена возможность задобрить духи павших и направить их души в загробную жизнь. Очистите главный зал от следов их смерти. Потом заберите тела своих мертвых. Похороните их, сожгите, отправьте семьям, делайте то, что нужно. У вас сегодняшняя ночь.

Шаман и Военный священник посмотрели друг на друга.

— Одновременно? — спросил Одалон.

— Да. Никаких специальных условий не будет. Я покончила с обхаживанием ваших традиций. Я уважала пожелания ваших людей, а они плюнули мне в лицо. Смиритесь с этим.

Я повернулась к Туран Адину.

— Примите мои извинения за плохой прием. Пожалуйста, следуйте за мной. Я подготовила покои для вас.

Я повела его из зала. Мое будущее было разрушено. Будет очень сложно оправиться от этой катастрофы.

Мы проходили мимо кухни, и через открытую дверь я увидела Орро, свернувшегося в шар на полу. О нет.

Я влетела в кухню и опустилась рядом с ним. Мне было не видно ни головы, ни ног. Он был просто колючим шаром.

— Ты ранен? Орро?

Нет ответа.

— Орро?

Из глубины шара послышался приглушенный голос:

— В чем смысл моего существования?

Не ранен. По крайней мере, не физически. Я облегченно вздохнула, села на пол и нежно потрепала темный мех между иголками.

— Не говори так.

— Это должно было стать моим возвращением.

— Так и есть. Цыпленок пах умопомрачительно, я никогда не видела столько созданий, так быстро поглощающих пищу. Калдения облизывала вилку. Ты даже заставил заклятых врагов на пару мгновений забыть о мести.

— Я даже не добрался до десерта. У меня была целая вереница десертов. Я не подал нейтрализатор вкуса после основного блюда. Я — неудачник. — Его голос дрожал от неподдельного отчаяния.

Я взглянула на Туран Адина. Он безмолвной тенью ожидал у стены.

— Нет, вовсе нет. Ты — лучший шеф, которого я встречала. Спустя годы никто и не вспомнит о том, что были убиты люди, но они будут вспоминать того цыпленка.

— Ты так думаешь? — тихо спросил он.

— Я точно знаю. Люди откидывают неприятные воспоминания и помнят только хорошие вещи. Твоя еда делает людей счастливыми, Орро. — Я посмотрела на стену и протянула руку к гостинице. — Мне нужен подарок прямо сейчас.

Стена расступилась и кинула в меня подарочным пакетом. Я поймала его и зашелестела золотой фольгой, украшенной ярко-красным бантом из ленты, надеясь, что его любопытство пересилит. Я купила этот подарок во время поездки за продуктами и заставила гостиницу его спрятать. Я планировала вручить его после банкета.

— Я купила это для тебя. Они помогут.

— Ничто не поможет.

Я осторожно потянула за ленту, удерживающую края пакета. Я запечатала его, надеясь, что содержимое станет сюрпризом. Лента с одной стороны отклеилась, и я раскрыла пакет.

Из шара послышался звук принюхивания.

— Чем это пахнет?

— Это подарок для тебя. — Я поднесла к нему пакет и помахала им, чтобы запах

распространился. — Вкусный фрукт.

— Я не хочу.

— Я купила его специально для тебя. Мне уже сегодня порядочно досталось. Ты же не хочешь меня обидеть, правда?

Шар откатился и развернулся в сидящего на полу Орро. Я протянула ему подарочный пакет. Он с опаской посмотрел на него, понюхал сверху, раскрыл и вытащил манго. Красно-зеленый фрукт лежал на его ладони. Он вонзил в него коготь, тонкой ленточкой снял кожуру и лизнул ярко-желтую мякоть.

Его иголки встали дыбом с тихим шорохом.

— Что это? — прошептал он.

— Манго.

Отец всегда говорил, что манго и острошип были беспроегрышным вариантом. Я даже не осознавала, насколько беспроегрышным.

Орро снова лизнул фрукт, посмотрел на него и вдруг вцепился, дробя желтую мякоть. Он проглотил половину манго, прежде чем осознал, что я все еще была там, и замер с кусочками манго на усах.

— Не смотри на меня.

— Не буду, — пообещала я. Я протянула руку и нежно потрепала его по пушистой щеке. — Ты лучший шеф-повар в галактике.

Он заморгал.

Я поднялась и вышла из кухни, махнув Туран Адину следовать за мной.

* * *

Я поднималась по лестнице, зная, что Туран Адин безмолвно идет за мной. Его присутствие заставляло кожу на шее покалывать, словно он был соткан из высоковольтных проводов, гудящих от тока. Я напортичила с его комнатой. Она совершенно ему не подходила.

— Я извиняюсь за задержку, — пробормотала я.

— Все в порядке.

Я почти подпрыгнула. У него был низкий голос, похожий на рычание, которое невозможно воспроизвести человеческим горлом.

— Извините, что пришлось убить в вашей гостинице.

— Все в порядке.

Постойте-ка, что? Ничего не в порядке. Почему я это сказала?

— Сегодня у нас всех был длинный день. Вы должно быть устали. Наше жилье, вероятно, скромнее того, к чему вы привыкли.

О да, это было так хитроумно. Сейчас я начала оскорблять свою гостиницу, потому что не вижу другого способа выяснить его предпочтения относительно комнаты.

— Я привык к войне, — тихо сказал он. — Все, что вы мне предложите, лучше того, что у меня сейчас есть.

Сказанное другим тоном, это могло бы выглядеть, как игра на публику или попытка вызвать сочувствие, но в его исполнении это была простая констатация факта. Я так много

услышала в его словах: усталость, сожаление, печаль, принятие неизбежного насилия, и насущную потребность отстраниться. Он устал, вымотался, и хотел быть подальше от смерти, которую причинил. Его снедала необходимость отдалиться. Любой хранитель гостиницы, недаром едящий свой хлеб, заметил бы это. Ему нужно убежище, и я его предоставлю. Вот почему я была хранительницей гостиницы.

Он определенно был мужчиной. Он также был служащим Нуан Сее и довольно значимым, так что он, должно быть, привык к роскоши, но еще больше он хотел быть в тишине. Быть чистым.

Я лихорадочно меняла обстановку в его комнате. Мы были почти у самых дверей.

— Репутация вашей гостиницы действительно безвозвратно погублена? — спросил он.

— Как много вам известно о земных гостиницах?

— Мне приходилось быть гостем раньше.

— Тогда вы знаете, что нашей первой задачей является безопасность гостей. Я позволила распоряжениям Арбитра повлиять на мои действия, потому что считала, что его целью был мир между этими людьми. Я узнала этих людей. Я понимаю, насколько война ранит их. Мои эмоции нарушили способность ясно мыслить. Теперь несколько гостей мертвы. Я больше не доверяю Джорджу, но хуже того, я не доверяю себе. Это моя вина. Я несу полную ответственность.

И сразу после того как я здесь закончу, я отправлюсь в лабораторию и погружусь в работу, потому что, если я остановлюсь, чтобы обдумать все последствия сегодняшней ночи, я взорвусь.

Дверь в его комнату распахнулась. Я отошла в сторону.

Стены были обшиты панелями из грубой ткани букового цвета и обрамлены узкими полированными планками из дерева. Верхняя часть стен была выкрашена в спокойный сиреневый, также как и сводчатый потолок, напоминавший фактурой пергамент. Полированный бамбуковый пол своими досками цвета янтарного меда перекликался с деревянными акцентами на стенах. Большая кровать-подиум стояла у левой стены, простая и современная, она все же сохраняла строгие квадратные контуры. На кровати лежало серое покрывало и множество сиреневых и золотых подушек с белой каймой. Тканые панели обрамляли обе стороны кровати, позволяя сиреневой отделке потолка ниспадать на пол, а стену украшал квадратный кельтский узел из полированного бамбука. Две простые прямоугольные тумбочки с девятью ящиками стояли по обе стороны кровати. Они были выкрашены в почти черный цвет, который светлел до такого бледно-золотого, что проглядывали волокна древесины акации. Дверь на балкон была распахнута настежь, отрывая взгляду горячую ванну и вид на сад.

Это была тихая комната, высококлассная и все же мужественная, спокойная и чистая, но не стерильная. Войти в нее, все равно, что окунуться в освежающее озеро после долгого бега.

— Мои глубочайшие извинения, — сказала я ему. — Я сожалею, что на вас напали в моей гостинице. Мне жаль, что я не обеспечила вам безопасность.

— Благодарю вас, — тихо произнес он.

Стена разошлась, и выскользнул поднос с множеством еды с банкета: закуски, напитки, десерты в чашечках, а в центре — обжаренный цыпленок. Орро должно быть достаточно оправился, чтобы сервировать тарелки.

— Лучший цыпленок в галактике, — сказал Туран Адин, в его голосе проскользнуло

что-то, подозрительно напоминающее веселье.

— Разумеется, — произнесла я. — Мы подаем только лучшее нашим уважаемым гостям. Я вышла из комнаты и тихо закрыла за собой дверь.

* * *

Способ обнаружить невидимого вора — это сделать его или ее видимым, что кажется самой очевидной истиной в мире. Обучить гостиницу распознавать присутствие вора по слабому свечению и попадать в него оказалось гораздо тяжелее.

Я подняла голову от экрана. Я сидела в своей лаборатории в подвале гостиницы. Передо мной гостиница сформировала нишу в стене — пять футов в ширину, пять футов в глубину и около девяти футов в высоту.

— Давай, — пробормотала я.

Голографический проектор в стене ниши воспроизвел довольно точную копию размытого пятна. Стена разделилась, и струя тумана возникла над пятном. Стены ниши выглядел точно так же.

— Свет, — пробормотала я.

Свет погас. Черная ультрафиолетовая лампа опустилась, медленно вращаясь. Ее луч осветил нишу. Когда-то чистые стены светились ярко-голубым.

— Отлично.

Экран мигнул, и на нем появилось изображение моей гостиной. Джордж и Софи смотрели повсюду, словно что-то потеряли.

— В чем дело?

Они оба развернулись спиной к спине с одинаково безразличными лицами. Мой голос исходил из стен. Обычно я так не делала, это было дурным тоном и гости, как правило, плохо реагировали на бесплотные голоса, эхом отражавшиеся в их комнатах, но я все еще была раздражена.

— Мы пришли проведать тебя, — сказала Софи.

Ну, разве не мило? Я могла бы их послать. К сожалению, я все еще была хозяйкой гостиницы, а они — моими гостями, к которым я отнесусь со всей учтивостью, даже если это заставляет мои внутренности взрываться от гнева.

Я махнула гостинице. В стене образовалась лестница, и я вышла в гостиную. Пол сомкнулся за моей спиной.

Джордж и Софи посмотрели на меня.

— Я принесу чаю, — сказала Софи, и вышла в кухню.

— Она заставила вас спуститься сюда и поговорить со мной.

Я уселась на диван.

— Да.

Он опустился в кресло напротив.

— И вы ей уступили. Ее чувства важны для вас, так что вы взвесили шансы и решили, что независимо от плана вы не слишком пострадаете от этого разговора со мной, и вот мы здесь.

— Да.

Он откинулся назад, его красивое лицо помрачнело. Она, должно быть, сказала ему, чтобы был откровенен.

— Все, что вы сделали, с тех пор как прибыли сюда, каждое слово, каждое выражение и каждое действие было тщательно просчитано. Вы разрушили альянс между Робартом и домом Миир, изолировав его от партнеров. Для Арланда и Исур он — порченный товар, и для дома Миир он тоже больше не является активом. Он — помеха, свидетель и посредник их позора. Теперь он будет отчаянно стремиться к миру.

Дом Миир огромен, дом Ворга составляет лишь одну пятую его размера. Если рыцари Миир решат смыть позор неудачи Бенегера и станут преследовать дом Ворга, Миир проглотит дом Робарта и даже не заметит. Робарту ничего не остается, кроме как поддержать Арланда и Исур и молить о стратегическом альянсе. С другой стороны, дом Миир обещен. Они послали трех своих лучших бойцов, и те не могли победить одного человека. Они выглядят слабыми и жалкими. Это, вместе с их отлучением, затруднит им создание любых союзов.

— Регион будет более стабильным после этого, — сказал Джордж, словно между делом.

— Затем вы убили гордость Орды перед отроками. Я видела лицо Софи. Она живет вызовом. В тот момент, когда показывали ей изображение Руаха, вы знали, что она будет охотиться на него и убьет. Вы не сдерживали высокомерие Орды, вы уничтожили его.

— Да, — произнес Джордж.

— Теперь вампиры в отчаянии, Орда в отчаянии. Оба унижены. Оба обязаны мне, и мирные переговоры находятся в упадке. Все это часть плана?

— Да.

Если он скажет «да» еще раз, я запущу ему в голову чем-нибудь тяжелым.

— И моя гостиница является досадной жертвой этого процесса?

— Возможно.

— Вы закончили?

— Не совсем.

— Что еще? Вы можете довести Торговцев до отчаяния. Это ваш план?

— Да, — сказал он.

— Джордж, прекратите свои односложные ответы. Вы пришли в мою гостиницу и использовали меня и Гертруду Хант худшим из возможных способов. Я заслуживаю хотя бы знать конечную цель этой ужасной неразберихи.

— Это не неразбериха, — сказал он. — Это тщательно управляемый аттракцион. И цель всегда оставалась неизменной: сделать невозможное, и принести мир на Нексус.

Я подалась вперед.

— И где же мое место во всем этом?

— Вы в самом центре, — сказал он. — Вы и гостиница. Все случившееся спланировано, чтоб оказать влияние на вас.

— Для чего?

— Я не могу вам этого сказать. Вам придется мне довериться.

— Это то, чего я больше никогда не сделаю. Вы не можете просто так играть с человеческими жизнями.

— Я никогда не играю. — Расстроенное выражение промелькнуло на лице Джорджа. — Я очень тщательно изучаю цель и взвешиваю все, что делаю относительно выгод, которые принесет ее достижение. Я близко знаком со смертью. Она с детства была моей постоянной

спутницей. Я не забираю ничью жизнь просто так — ни вашу, ни Руаха, ни даже Бенегера. Чтобы избежать убийства, я пойду так далеко, чтобы поставить под угрозу себя и свою цель, при условии, что уровень риска для цели вполне приемлем, а мой порог приемлемости гораздо выше, чем вы считаете. Я прибегаю к убийству только тогда, когда это становится совершенно необходимым, и можете быть уверенной, что когда я беру жизнь, это потому, что я рассматривал все варианты и не нашел другого выхода. Но некоторые события важнее, чем люди, которые их вызывают, и поэтому я буду делать то, что я должен, чтобы привести их в движение. Я почти закончил, Дина. Вы скоро поймете. Обещаю, я не буду затягивать.

Он поднялся и ушел.

Кого, черт побери, я пустила в свою гостиницу?

Софи выскользнула из кухни и поставила передо мной чашку горячего чая. Я попробовала. Ромашка.

Она села в тоже кресло, где сидел Джордж.

— Вы знаете, что он задумал? — спросила я.

— Нет. Я знаю, что он находится в противоречивом состоянии. Он называет меня своей совестью, хотя, из нас двоих я более жестокая, по крайней мере, на первый взгляд.

— Нет, — сказала я ей. — Вы убиваете быстро и милосердно. Джордж же беспощаден.

— Если человек может быть милосердным и беспощадным одновременно, то он именно таков. Джордж всегда был противоречивым. — Софи сделала глоток чая. — Что вы собираетесь делать?

— Я буду делать то, для чего меня наняли. Я дала слово. Я не могу отступить сейчас, но я больше не позволю себя использовать.

Софи улыбнулась.

— Держу пари, именно на это он и рассчитывает.

Я проснулась от того, что на меня смотрел безымянный кот. Его большие круглые глаза горели, словно две луны, отражая утренний свет, просачивающийся сквозь шторы.

Я подняла руку. Он задумался на несколько секунд, потом медленно двинулся вперед и потерся мягкой головой мою ладонь. По какой-то необъяснимой причине, я почувствовала себя лучше. Кот снова потерся об меня и устроился на кровати месить одеяла. Я читала в Интернете, что некоторые люди называют это «печь пирожки». Это казалось странно уместным. Судя по его усердию, он бы точно испек мне пирожков, если мог.

Я сползла на пол.

— Чудовище?

Маленькая собачка вылетела из-под кровати и прыгнула на меня, облизывая лицо. Я обняла ее.

— Кто у нас хорошая собачка? Чудовище — хорошая собачка!

Хоть Чудовище меня любила. Что бы я ни сделала, Чудовище считала меня лучшей хозяйкой во вселенной. К сожалению, я не могла оставаться в спальне и играть с ней целый день.

Я встала, почистила зубы, приняла душ, и оделась в наряд хранительницы, дополненный синим балахоном, делая это на автопилоте. Сон помог моему телу, но не мне. Я чувствовала себя измученной, эмоционально и морально выжатой.

— Большой зал, пожалуйста.

На экране появилось изображение большого зала. Военный священник и шаман сидели на полу на расстоянии пятнадцати футов друг от друга. Они разговаривали. Их мимика не казалась враждебной. Тела троих вампиров были помещены в стазисные камеры, которые выглядели совсем как гробы и породили много земных легенд о вампирах. Тело Руаха было завернуто в несколько слоев ткани с ритуальными рунами.

Я спустилась вниз по лестнице. Оба религиозных представителя решили отправить трупы за пределы планеты. Шаман Руга хотел похоронить Руаха рядом с семьей. Одалон написал обращение к дому Миир. Он зачитал его мне, пока мы шли через сад, а платформа с мертвыми следовала за нами.

— С большим сожалением должен сообщить вам, что лорд Бенегер и рыцари Уриэль и Корсард пали жертвами Туран Адина, атаковав его, когда он вошел в обеденный зал во время ужина.

— Как трусы, — добавил Руга слева от меня.

Пали жертвами?

Вампиры считали себя хищниками, а не добычей. Это было жестокое оскорбление.

— Совершенно верно, — улыбнулся Одалон, обнажив клыки. — Их противостояние длилось лишь несколько вдохов, и, несмотря на наши самые героические усилия, их невозможно было спасти.

Мне так хотелось рассмеяться, что пришлось зажать рот рукой, чтобы не прыснуть.

— Даже вмешательство мечника отрокаров не смогло ничего изменить, потому что они были мертвы через несколько мгновений после своей злосчастной атаки.

Я взглянула на Ругу.

Шаман пожал плечами.

— Это не мое сообщение.

Одалон усмехнулся.

— Я исполнил обряд отпущения грехов и прохождения сквозь завесу, а также бдел положенные часы. Могу только надеяться, что годы моего служения Пресвятому мыслью и делом, а также моя кровь и кровь моих врагов, пролитая на плодородных полях сражений во имя Святой Анократии достаточны, чтобы проводить души ваших рыцарей в рай. Прилагаю запись происшествия с лордом Бенегером.

Я усмехнулась.

— Так насколько горячо вы молили Пресвятого позволить им войти в рай?

— Лишь настолько, чтобы успокоить совесть, — улыбнулся Одалон. — Что скажете?

— Это самое любезное «Вот-ваши-опозоренные-мертвецы-проваливайте-и-не-возвращайтесь» письмо, которое я когда-либо читала, — сказала я ему.

— Я помог его составить, — сказал Руга.

Я почувствовала на себе чей-то взгляд. Слева от нас на балконе стоял Туран Адин. Когда я создавала покой, я убедилась, что все они выходят в сад, но прыжок с балкона приведет в разные его части. Поскольку Туран Адин заставил всех сходить с ума одним своим присутствием, его балкон выходил в сторону посадочного поля. На нем была броня и накидка. Капюшон был надет, но он смотрел на нас.

Руга тихо зарычал. Одалон взглянул на Туран Адина, и на мгновение у вампира и отрокара были одинаковые выражения лиц.

— Это существо тревожит меня, — сказал Руга.

— Ты в этом не одинок, — сказал Одалон.

— Из-за того, как он убивает? — предположила я.

— Нет, — скривился Руга. — Потому что он в отчаянии.

— Мы все в отчаянии, — согласился Одалон. — Никто не хочет возвращаться на Нексус.

— Да, мы в отчаянии, но у нас все еще есть надежда, что этот конфликт закончится.

— Верно, — сказал Одалон. — Там тьма.

Я уставилась на него.

— Истинный духовный наставник — это больше, чем священник, — сказал Одалон. — Мы являемся связующим звеном между человеческим и святым. Мы посвящаем себя служению, которое включает в себя не только духовные, но и эмоциональные потребности нашей общины. Мы были избраны и приставлены к нашему занятию благодаря способности к эмпатии.

— В этом мы похожи, — сказал Руга. — Мы пытаемся заглянуть в душу человека и исцелить изношенные части.

Это объясняло, почему они нашли общий язык. Помести двух эмпатов в одно помещение на несколько часов, и, рано или поздно, они закономерно попытаются пообщаться в попытке понять, что чувствует другой.

— Когда я заглядываю в его душу, — сказал Руга, глядя на Туран Адина через плечо, — я вижу конфликт.

— Отчаяние является катализатором, который заставляет нас действовать, — заявил Одалон. — Оно вызывает последние резервы, которыми мы располагаем, в попытке оградить нас от опасности. Именно поэтому мы здесь на этом саммите. Мы так отчаялись, что готовы вести переговоры с заклятыми врагами. Оно подталкивает нас к тем пределам, которых мы

обычно не можем достичь.

— Отчаяние — это огонь, — добавил Руга. — Он горит ярко, но должен иметь дымоход, выход.

— Дымоход? — Одалон свел брови.

Шаман закатил глаза.

— Хорошо. Отчаяние, которое демонстрирует это существо, по сути, является пролонгированным состоянием реакции «борись или беги». Выброс адреналина при реакции борись или беги — это ответ на фактическое проявление опасности, отчаяние же — результат предполагаемой будущей опасности. Оно насыщает организм, заставляя его активно искать пути спасения до появления опасности, что выражается в сложном каскаде гормональных взаимодействий. Вы получаете высокую скорость обмена веществ, целый ряд желез функционирует с повышенной производительностью, появляются навязчивые мысли и так далее.

Я остановилась и ущипнула себя.

— Понимаю, — усмехнулся мне Одалон. — Я сам был в шоке, когда узнал, что у него ученая степень по микробиологии.

— Это нездоровое состояние, — продолжил Руга. — Мы не предназначены, чтобы функционировать в состоянии отчаяния в течение длительного времени.

— Это краткосрочный метаболический всплеск, — добавил Одалон. — Тело будет стремиться выплеснуть немного накопленного напряжения. Если вы находитесь в сильном стрессе, у вас может быть паническая атака, например.

— Туран Адин в отчаянии, но он также находится в ловушке, — сказал Руга. — Это сжедает его. Возвращаясь к моей предыдущей метафоре, его огонь полыхает внутри каменного бункера. Я не знаю, что удерживает его там — возможно, он в долгу или наказан, или чувствует, что борется за правое дело — но чтобы это ни было, это создает глубокий конфликт в его психике.

— Он не сможет выдержать такое давление, — сказал Одалон. — Его тело и душа отчаянно хотят убежать, но разум держит его в ловушке. Он устал и подсознательно ищет выход. Когда он поймет, что есть только один путь, он им воспользуется. Он убьет себя через шесть месяцев.

— Я бы предположил восемь, но так и есть, — сказал Руга.

— Это делает его невероятно опасным, — сказал Одалон, — потому что он не заботится о себе. Он не думает о самосохранении, помимо основных инстинктов своего тела.

— Он ни за что не совершит самоубийства. Он постарается умереть в бою, — добавил шаман. — И я бы не хотел оказаться на поле битвы, когда он решит, что это его последний день.

— Это ужасно, — сказала я.

— Война ужасна, — сказал Одалон. — Она разрушает людей.

— Война на Нексусе особенно ужасна, — заметил Руга.

— Почему? — спросила я.

— Современная война странным образом милосердна, — сказал Одалон. — Наши технологии позволяют производить точные бомбардировки стратегических целей. Когда появляются жертвы, они, как правило, умирают быстро.

— Смерть от высокоинтенсивной лучевой бомбардировки занимает три секунды, — сказал Руга. — Это потеря жизни, необратимая и невозполнимая, но это смерть без

страданий. Современное оружие не работает нормально на Нексусе. Об орбитальных бомбардировках не может быть и речи из-за природных аномалий, которые не дают точно прицелиться. Попытки подавить врага с помощью артиллерии так же бессмысленны.

— У нас были случаи взрывов орудий, — сказал Одалон. — Есть рапорт о массированном артиллерийском штурме в первый год войны. Снаряды исчезли и через полчаса появились над Домом, который их выпустил.

— Я помню, как читал об этом, — ухмыльнулся Руга.

— Это близкая и личная война, которая ведется дикарским оружием, — сказал Одалон. — Поначалу, когда ты молод и глуп и слышишь об этом, ты думаешь, что это принесет доблесть. Что ты будешь, словно герой древности прорываться сквозь ряды врага. А потом ты понимаешь, что именно значит сражаться шесть часов с мечом в руке.

— В первый час, если, конечно, выживаешь, ты возбужден. Запах крови опьяняет. Второй час — ты ранен, но продолжаешь битву. На третий, ты понимаешь, что залит кровью. Хочешь забыться. Хочешь оставить поле боя. На четвертый час ты начинаешь замечать лица людей, которых убиваешь. Слышать их крики, когда отрубаешь им конечности. Это больше не абстрактный враг. Это живое существо, которое ты рвешь на части. Оно умирает от твоей руки прямо перед тобой. На пятый час ты истекаешь кровью и блюешь, но все еще продолжаешь бой, наказывая свое тело и душу. На шестой, ты, наконец, падаешь в изнеможении, благодарный, что выжил, или просто оцепеневший. Все пахнет кровью и тебе плохо от этого запаха. Тебе больно, но ты пытаешься держать глаза открытыми, потому что, закрыв их, видишь лица тех, кого ты убил. Так что ты смотришь на поле боя и видишь, что ничего не добился и, пока медик латает тебя, понимаешь, что завтра должен все это повторить.

Это было ужасающе.

— Хорошо сказано, — произнес Руга.

— Благодарю, — ответил Одалон.

— Мы стали безнадежно цивилизованными, — сказал Руга. — Мы не приспособлены для подобной войны. Я думаю, что она больше подходила нашим предкам. Они умирали гораздо легче нас, поэтому единственная долгая битва могла решить исход войны. Чтобы убить одного из нас сейчас, требуется куда больше повреждений, так что каждый вечер все те, кто еще дышит, вновь оказываются в регенеративных резервуарах, и несколькими днями позже, они возвращаются в строй. Бесконечная битва. Бесконечная война.

— Бесконечное страдание.

Теперь я понимала, почему исказилось лицо Арланда, когда он упомянул об этом.

— Да, — сказал Руга. — И теперь надежды на мир не осталось.

— Я бы не сказал, что надежды не осталось, — заявил Одалон. — Это несколько мрачно.

— Ваши люди атаковали Торговцев, а мои — Арбитра, — вздохнул Руга. — Помните мои слова: это начало конца.

Мы возвращались с посадочного поля, когда Туран Адин спрыгнул с балкона. Он сделал это очень небрежно, как будто рассчитать тридцатифутовый прыжок было также легко, как и спуститься с лестницы. Рядом со мной вампир и отрокар схватились за оружие.

— Могу я пройти с вами? — спросил он меня тихим рычащим голосом.

— Конечно. — Я посмотрела на двух священнослужителей. — Пожалуйста, извините нас.

Одалон и Руга довольно долго колебались.

— Как пожелаете, — наконец произнес Одалон. — Мы пойдем вперед.

Они продолжили путь. Я подождала, пока они отойдут подальше, и повернулась к Туран Адину.

— Вы хотели что-нибудь обсудить со мной?

— Нет.

Возможно, ему просто нужна компания.

— Я собиралась сделать перерыв на несколько минут и посидеть в своем любимом месте, чтобы собраться с мыслями. Хотите присоединиться?

Он кивнул.

Я повела его влево, мимо яблонь к старой заросшей изгороди. Я пробралась сквозь узкую щель и подождала его. На поляне в форме подковы находился небольшой пруд, окаймленный изгородью. Кувшинки плавали на поверхности, и два больших карпа кои, один оранжевый, другой белый с рыжими пятнами, аккуратно пробирались по мелководью. У пруда стояла небольшая деревянная скамейка. Я села на одном конце. Он сел на другом.

Мы тихо сидели и смотрели на карпов.

— Вы сами это сделали? — спросил он.

— Да. Когда я была подростком, моей работой, как правило, были сады. Здесь, в Техасе, с этим сложнее из-за ограниченного количества воды, но гостиница собирает дождевую воду.

— Здесь мило, — сказал он.

— Спасибо. Я надеюсь поработать летом над этим местом. Сделаю его немного больше. Может быть, посажу цветы и повешу гамак, чтобы я могла приходить сюда с книгой и читать...

Он вскочил со скамейки и ушел. Мгновение он был здесь, а в следующее я уже была одна. Я чувствовала, как он нечеловечески быстро возвращается в гостиницу. Он подпрыгнул, залез по стене, добрался до своего балкона и скрылся в покоех.

Что я такого сказала?

Я посидела одна еще минуту или две. Умиротворение, которого я искала, отказывалось приходить.

Гостиница зазвенела. Отрокары пытались привлечь мое внимание в своих покоех, и что-то произошло в конюшнях.

Я вздохнула, встала, и направилась к конюшне. Внутри Нуан Сама, племянница Нуан Сее, которая помогала Хардвиру чинить машину офицера Мараиса, присела рядом с одним из верблюдо-ослов. Джек сидел на скамейке, наблюдая за ней. По просьбе Нуан Сее, я дала ей разрешение ходить в конюшню каждый день, чтобы ухаживать за животными. Обычно Джек или Гастон сопровождали ее.

— Что случилось? — спросила я у нее.

Она провела по своему бело-голубому меху лапкой.

— Тан-тан плохо себя чувствует.

Верблюдо-осел смотрел на нее большими темными глазами.

— Она заболела?

— Нет. Она просто старая. — Нуан Сама вздохнула. — Я думаю, это ее последнее путешествие. Я прихожу навестить ее, когда могу, но она... Иногда животные просто стареют.

— Я могу как-нибудь облегчить ее состояние?

— Вы можете увеличить уровень кислорода в конюшне? — Нуан Сама подняла на меня взгляд.

Я не могу исправить прочее, но это, по крайней мере, сделать могу.

— Подойдет двадцать три процента?

— Это будет идеально. Благодарю вас! Ей будет легче дышать.

— Сделано. — Я сделала чей-то день лучше. Значит, сегодняшний день не прошел зря.

Гостиница снова зазвенела. Отрокары были очень настойчивы. Я вызвала экран из ближайшей стены. Его заполнило лицо Дагоркуна.

— Ханум просит вас разделить с ней ее утренний чай.

Я не хотела разделять чай. Я не хотела играть в политику или быть разумной. Мне просто хотелось отправиться на кухню сделать себе чашечку кофе. Мне понадобится поддержка.

— Спасибо. Я сейчас поднимусь.

Я махнула экрану, вызывая крытый балкон, где любила завтракать Калденция. Ее Милость сидела на своем любимом стуле, безукоризненно одетая в сложный густо-синий гибрид платья и кимоно с золотыми и красными вышитыми цветами.

— Доброе утро, Ваша Милость. Вы бы не могли сопроводить меня к Ханум на утренний чай?

— Конечно. Сейчас спущусь.

Я убрала экран и покинула конюшню, чтобы встретиться с Калденцией на лестнице.

* * *

В покоях отрокаров было необычно тихо. Дагоркун с мрачным лицом снова проводил нас с Калденцией на балкон, и встал рядом с матерью, которая восседала в своем одеянии на ярких подушках. В этот раз в круглом кострище горел огонь, вздымая облачка пряного дыма. Я узнала запах — трава джевы. Отрокары сжигали ее на удачу перед дальней дорогой. Ханум смотрела в огонь, сведя брови. Она не осознавала присутствия Калденции.

Я присела на полукруглую скамью.

— Вы уезжаете?

— Завтра вечером.

— Почему?

— Мирные переговоры провалены. — Ханум сощурила глаза. — Теперь не бывать миру.

— Я не понимаю, — мягко произнесла я. — Что изменилось?

— Мы опозорены и унижены.

Также как и вампиры, но сказать это прямо было не лучшей стратегией.

— Святая Анократия нанесла первый удар.

Ханум вздохнула.

— Да, но теперь у нас и с ними слабая позиция. Мы здесь.

Она подняла руку, удерживая ладонь параллельно полу.

— Торговцы здесь.

Она подняла другую ладонь на несколько дюймов выше.

— Торговцы хотят мира. Без мира нет выгоды.

— Все не так просто, — сказал Дагоркун.

— У нас демократичное общество, — сказала Ханум. — Представленные здесь мужчины и женщины — прославленные воины. Они лучшие из лучших, и представляют определенные фракции внутри Орды. Если бы мирный договор был ратифицирован, каждый отрокар добавил бы к нему вес и значимость своей репутации. Их честь и репутация должны были связать наше соглашение. Моим людям был дан простой приказ: не применять силу, пока они находятся под вашей крышей. Руах ослушался его. Это плохо отражается на его командире. На мне.

Дагоркун поморщился.

— Я приехала сюда на переговоры, и была не в состоянии контролировать людей под моим командованием. Из-за этого мы как делегация больше не едины. Принятие мира — решение огромной важности и значимости, должно быть единогласно утверждено. И теперь, когда моя честь была запятнана, мне это единодушное голосование нужно больше, чем когда-либо. Без единодушного голосования, договор не будет иметь вес в остальной Орде.

К нам подошел мужчина отрокар, несший поднос с чайником и четырьмя чашками. Он поставил его на стол, кивнул и ушел. Дагоркун разлил темно-красную жидкость по чашкам. Ханум наблюдала за ним с бесстрастным лицом. Она так хотела, чтобы мирные переговоры увенчались успехом. Мое сердце разрывалось от жалости.

— Есть какая-нибудь надежда на мир? Хоть малейшая? — тихо спросила я.

Она покачала головой.

— Я не люблю долгов, — заявила Ханум безжизненным голосом. — Так что, прежде чем мы уйдем, я прошу вас назвать цену возмещения нашего проступка.

Я отпила чай.

Облачко тумана возникло из балконного пола, и на краткое мгновение я увидела слабое очертание тела фантомного вора.

Мои мышцы окостенели. Тело налилось тяжестью, словно внезапно стало стальным, и я рухнула на пол. Воздух испарился. Я пыталась вздохнуть, и не могла. Легкие сидели в груди как две глыбы, неспособные развернуться.

— Дина! — Калдения бросилась ко мне.

Я не могла посмотреть на нее. Глаза не двигались.

Яд... Меня отравили.

Гостиница закричала, ее древесина закричала и застонала, протягиваясь ко мне. Я оттолкнула ее с помощью магии. Нет! Если она прикоснется ко мне, яд распространится. Я не могла убить Гертруду Хант.

— Ты ее отравила! — прорычала Калдения, ее острые зубы рвали воздух.

Дыши, дыши, дыши... Тело отказывалось повиноваться.

Я умираю...

Балкон подо мной расступился. Я провалилась вниз и приземлилась на кухонном столе прямо перед Джорджем, Софи и Джеком. Окостеневшая спина отозвалась болью. Над мной, сквозь дыру в ткани бытия, Калдения закричала:

— Ее отравили!

— Дина! — закричала Софи.

Я увидела Туран Адина. Он был там, затем исчез.

Я даже не могла вздохнуть. Рот не двигался.

Бледное лицо Джорджа с распахнутыми глазами появилось в моем поле зрения. Набалдашник его трости светился, проецируя информацию перед собой и прокручивая ее с головокружительной скоростью.

Не хватает воздуха...

— Только не снова! — взвыл Орро. — Нет, нет, нет...

— Исправь это, — выдавила Софи сквозь зубы. — Сейчас же исправь это, Джордж. Это заходит слишком далеко.

— Я не могу. Это не было частью плана.

— Сделай что-нибудь!

— Я пытаюсь, — прорычал Джордж. — В базе данных нет этого яда.

«Вот и все», — пронеслось у меня в голове. «Вот так я и умру».

Гостиница волновалась вокруг меня, искривлялась, протягивая ко мне свои корни.

Нет!

— Гостиница может лечить, — крикнула Калденция. — Пусть она вылечит ее!

— Нет, — рявкнул Джордж. — Если гостиница создаст с ней связь, яд может распространиться.

Спасибо. Спасибо за заботу о Гертруде Хант.

Я послала магию, позволяя ей коснуться стен. Я люблю тебя. Ты лучшая. С тобой все будет в порядке.

Дерево ломалось и трещало, словно что-то внутри гостиницы рвалось на части.

Тихо. Все будет хорошо. С тобой все будет в порядке.

Жаль, что я не нашла родителей. Жаль, что я не смогла увидеть Шона еще раз...

Свет начал меркнуть. Я даже не могла закрыть глаза. Я так и умру с открытыми.

Туран Адин заполнил мое поле зрения. Пушистая морда Нуан Сее появилась рядом.

— Ты даешь слово? — спросил Торговец.

Наступила чернота.

Я открыла глаза.

В комнате было сумрачно, она освещалась мягким и приглушенным светом закатного солнца. Потолок выглядел знакомым. Я лежала на диване в гостиной. И все еще была жива.

Я глубоко вдохнула и почувствовала, как сначала поднимается, а затем опускается грудная клетка. Воздух так приятно наполнял мои легкие. Простое, небольшое движение. Я больше никогда не смогу воспринимать его как должное. Я послала магию. Она пробежалась по комнатам, проверяя связь, и Гертруда Хант облегченно вздохнула.

Я была все еще жива.

Эта мысль заставила меня улыбнуться. Я слегка потянулась и пошевелила пальцами ног. Кто-то снял с меня туфли. Я слегка повернула голову. В комнате никого не было, только Туран Адин. Он сидел в кресле, склонив голову, его лицо скрывала пустая чернота. Чудовище лежала у него на коленях, закрыв глаза.

Улыбка испарилась с моих губ. За все время, что я владею Гертрудой Хант, лишь один человек, кроме меня, мог держать Чудовище на коленях.

Я сползла с дивана. Туран Адин поднял голову, но не сдвинулся с места. Я подошла к нему, почти бесшумно ступая по полу босыми ногами, протянула руку и коснулась его капюшона. Он откинулся, складываясь за спину. На мгновение я увидела волчью голову с чудовищными челюстями, затем в один миг она растаяла. Шон Эванс смотрел на меня янтарными глазами. Его волосы были пострижены коротким ежиком. Рваный шрам шел через лоб налево, задевая бровь и щеку. Еще один шрам змеился справа по шее, переходя в клубок мелких шрамов возле уха. Что же это были за травмы, если даже медицинское оборудование Торговцев не могло с ними справиться?

Его лицо было суровым, намного более суровым, чем я запомнила, словно любой намек на мягкость был из него вытравлен. У него были загнанные глаза. Он одновременно смотрел на меня и сквозь меня, словно ожидая, что неясная угроза появится на каком-то далеком горизонте позади. Дерзкий, веселый парень исчез. Я смотрела войне в лицо, а она смотрела в ответ.

О нет.

Я протянула руку и коснулась рваного шрама на его щеке дрожащими кончиками пальцев. Он прижался к моей руке, как бродячая собака, которая слишком долго была в бегах и отчаянно ищет любые крошки любви. Болезненный жар опалил глаза и упал на щеки. Чудовище заскулила у него на коленях.

- Почему? — прошептала я.

- Я задолжал Уилмосу услугу, — произнес он тихим голосом. — Я сказал, что хотел бы испытание. Туран Адин не задерживается. Торговцы просто продолжают нанимать новых, когда предыдущий приказывает долго жить. Если ты подходишь по росту, броня позаботится об остальном. Я подписался на Нексус на шесть местных месяцев и прибыл туда через два дня после того, как последний Туран Адин погиб.

— Шон...

— Армия была мне не в тягость. На этой планете все давалось мне с легкостью. Моим родителям пришлось пережить то, что я даже близко не испытывал. Мне хотелось знать, смог бы я с этим справиться. Достаточно лия хорош, чтобы выжить, как это удалось им. Был

ли я тем, кем можно гордиться. Я хотел проверить свои силы.

Шесть месяцев на Нексусе были всего двумя нашими месяцами.

— Почему ты не уехал? Твой контракт закончился.

— В космопорте и колонии есть гражданские. — Его голос был хриплым и низким. —

Дети. Наши ресурсы истощаются, и надолго их не хватит. Они нуждаются во мне.

Он оказался в ловушке. Родители Шона были потомственными альфа-оборотнями, созданными с применением генной инженерии, чтобы защищать врата от превосходящих сил, пока остальное население покидает умирающую планету. У Шона было врожденное стремление защищать, то стремление, которое пересиливало все остальное. Преодоление блокады космопорта должно быть казалось ему правильным, таким правильным, что однажды начав, он не смог остановиться. Его истинная натура поймала его в ловушку.

Вот почему он сбежал от пруда. Он знал, что ему придется вернуться на Нексус. Он никогда не увидит пруд летом. Он больше никогда меня не увидит. Он никогда больше не будет делать барбекю на заднем дворе и украдкой подкармливать Чудовище косточками. Я больше никогда не услышу его шуток. Он...

Нуан Сее что-то говорил перед тем, как я отключилась. Он спросил: «Ты даешь свое слово?»

Внутри меня все похолодело.

— Что ты пообещал Нуан Сее в обмен на мое спасение?

Шон улыбнулся.

— Ничего такого, о чем бы я жалел. Ты жива. Это меня радует.

— Шон?

Он ничего не ответил.

Я развернулась и бросилась по лестнице в покои Торговцев.

* * *

Я обнаружила Нуан Сее, в одиночестве сидящего в своей гостиной. На стене светился огромный экран, где проигрывалась запись какого-то праздника Торговцев, приглушенная до едва слышного бормотания, в то время, как лисы в ярких одеждах играли длинными лентами в танце на улицах.

— Я ждал вас, — тихо сказал он.

— Что он вам пообещал?

— Пожизненную службу, — скорбным голосом ответил Нуан Сее. — Жизнь за жизнь. Честная сделка.

Ну, нет. Я так не думаю. Шон Эванс не будет умирать за меня. Сейчас я должна его спасти. Я подошла и села на диван.

Я посмотрела на экран. Запись фестиваля поблекла, покоряясь моей воле, и на экране появилась другая картинка. Массивные стволы деревьев переплетались между башнями серого и белого камня, с ветвями шириной с шоссе, окутанных облаками синих и бирюзовых листьев. На темно-синих лианах цвели розовые цветы. Стволы покрывал золотой мох, поблескивая в лучах яркого солнца. Могучая хищная кошка, с черными и кремовыми пятнами на шкуре, спускалась вниз по ветке, оставаясь в тени, ее огромные черные когти

слегка царапали мох.

— Однажды я спросила у отца, как лисы стали доминирующим видом на своей планете, — сказала я.

Нуан Сее скривился. Мало кто знал настоящее название расы Торговцев, а чужакам и подавно не следовало произносить его вслух, но мне было плевать.

Хищник двигался вниз по стволу. Угол обзора сдвинулся вниз к месту, где между небольшой тонкой веткой и массивной ветвью дерева, сидел одинокий лис, сжавшись в небольшой клубок. Его синий мех украшали белые и черные полосы. По сравнению с хищником, он был крошечным. Кошка может проглотить его в два укуса.

— Все-таки, вы такие маленькие, а ваша родная планета такая опасная.

Кошка принюхалась. Она была почти рядом с лисом.

— Знаете, что сказал мне мой отец?

Ярко-голубые глаза лисы на экране широко распахнулись.

— Он говорил мне никогда не доверять лисам, ведь они умные и хитрые, и если их переговоры заходят в тупик, они готовы убить, чтобы получить желаемое.

На экране маленький лис выпрыгнула из-под массивной ветки в воздух с духовой трубкой в зубах. Маленький дротик вылетел и вонзился в кошачий мех. Зверь содрогнулся, охваченный судорогами, изо всех сил стараясь удержаться на ногах. Лис приземлился рядом с ней на мягкие лапы и выдернул кинжал из ножен на поясе. Его черные губы задрались, обнажая хищные зубы. Морда сморщилась. В глазах вспыхнул сумасшедший свет. Воин-лис кинулся на бьющегося в конвульсиях зверя, пронзая его горло снова и снова, с остервенением разбрызгивая кровь повсюду. В этом не было ничего благородного. Ничего цивилизованного или спокойного. Это была первозданная жажда крови, жестокая и яростная.

Нуан Сее отвернулся от экрана, пряча глаза.

— Я видела силуэт моего отравителя. Он был низким. Приземистым, как лис. А затем объявились вы с противоядием к яду, который не смогли найти даже в обширной базе данных Арбитра. Кто-то из ваших людей пытался меня убить.

— Это не было санкционировано.

— Гостиница пометила отравителя.

Нуан Сее поморщился.

— Зачем вы это сделали?

— Это не было сделано по моему приказу, и я накажу виновного. Кто-то использовал мой дезинтегратор внешности, но я не знаю, как. Он очень дорогой, и я единственный, кто его имеет. Он был в полной безопасности, и лежит нетронутым в моей комнате. Я использовал его только один раз.

Он использовал его...

— Вы забрали изумруд?

— Да. Я надел дезинтегратор под одежду тем вечером. Все были очень заняты, и это заняло пару мгновений.

— Вы злоупотребили моим гостеприимством.

Нуан Сее вздохнул.

— Так и есть. Мы у вас в долгу. Услуга, которую вы мне должны, прощена.

Я так устала торговаться.

— Отпустите его.

— Нет.

— Нуан Сее! Ваш долг передо мной больше любой услуги. Вы нарушили правила гостеприимства. Вы нарушили договор вашего народа с хранителями отелей на Земле. Вам все равно пришлось бы меня исцелить, потому что я хранительница, но когда другие об этом узнают, вы окажетесь в изгнании. Шон этого не знал, и вы этим воспользовались.

— Да. Его сделка со мной не связана с вашей сделкой.

— Отпустите его.

— Не могу. Что угодно, кроме этого.

— Почему? — прорычала я.

Нуан Сее развел лапами.

— Было уже сорок два Туран Адина с начала войны на Нексусе. Некоторые продержались всего пару дней. Он же пробыл на Нексусе полтора цикла. Вы даже не понимаете, насколько это значимо. Он слишком хорош. Он продержался даже дольше, чем его первоначальный предшественник. Я был в ужасе, когда он отказался подписывать следующий контракт. Он сказал, что уйдет, как только мы найдем ему замену. Но теперь он останется. Все будет хорошо.

— Все не будет хорошо. Нексус убивает его.

— В конечном итоге так и будет. Но до тех пор, он будет возглавлять нашу оборону.

— Освободите его. Я этого хочу.

— Нет. Просите что-то другое.

— Проклятье, у вас есть хоть капля совести? Неужели в вашей душе не осталось ни капли доброты, или это все холодная, мрачная жадность?

Нуан Сее оскалился.

— На Нексусе три тысячи наших людей. Семьи и дети. Он сохраняет им жизнь.

— Черт возьми, о чем вы думали, отправляя детей на Нексус? Вывезите их оттуда.

— Думаете, я бы этого не сделал, если бы мог? Им некуда идти. Им нигде не рады.

Осознание меня поразило. Куан лис, изгои. Он сформировал колонию на Нексусе из изгоев.

Нуан Сее отвернулся и обессилено махнул лапой на экран.

— Архив номер десять дробь двадцать четыре.

На экране появилась длинная процессия лис, они друг за другом заходили в храм, неся маленькие фонарики.

— В нашем обществе, семья — это все. Клан — это все. Когда я оглядываюсь назад, я должен видеть поколения своих предков тянущиеся из глубины веков долго и непрерывно. Именно они дают нам силу и мудрость. Наш клан. Наша стая. Наше прошлое и прибыть от сделок нашего клана. Когда один из нас совершает преступление, если он или она признан слабым или недостойным, его изгоняют. Таков закон леса. Выживают только сильные и полезные. Изгои отрезаны от своего клана. У них нет храмов. Они не могут молиться своим предкам. Они не могут просить милосердия или руководства. Их дети растут брошенными на произвол судьбы, не зная, откуда они взялись, как ветки, оторванные от дерева своего клана и семьи навсегда. Некоторые даже не знают своих отцов. У них нет дома. Им нигде не рады. Моего отца звали Куан. Он был преступником и сыном преступника.

Бабушка выступила из тени и подошла сесть на диванчик, бесшумная, словно призрак.

— И когда моя мать влюбилась в него, и ее клан заплатил целое состояние, стоимость небольшой планеты, чтобы включить его в наш клан, у него был выбор. Он мог пойти с

мамой и отрезать все связи со своим кланом, или он мог остаться изгоем. Мать моего отца сказала ему, чтобы уходил от нее и своих сестер, и никогда не оглядывался. Его собственная мать. Она отказалась от своего ребенка, чтобы он мог иметь лучшую жизнь. — Голос Нуан Сее задрожал. — Я не знаю другую бабушку. Теперь ее нет. Ее душа парит там, потерянная и пропавшая, взывающая к свету, а я не могу даже поставить свечку в храме, чтобы помочь ей найти путь. Я калека. Я не смог заставить себя зачинать детей, ибо они будут калеками, как я. Они не будут знать половину своей семьи.

Он смахнул слезы с глаз.

— Мне потребовались десятилетия, чтобы завладеть правами на Нексус. Он богат. Я предложил треть прибыли, которую мы будем получать Собранию Кланов. Огромная сумма. Взамен они позволили мне поселить изгоев на Нексусе. Они позволили мне объединить их в собственный клан. И дали им разрешение строить свои храмы.

Его глаза блестели.

— Их дети не должны считать себя всего лишь пылинками в небытии. Они будут объединены. Они зажгут свечи и поговорят с теми, кто ушел. Вот почему изгои, добровольно отправились на Нексус, зная, что они никогда не смогут оставить его ради всей галактики, в которой время движется медленнее, и они будут мертвы задолго до тех, кого они знают. Они ушли, оставив все, что у них было позади, доверив мне привезти их туда. Они не могут уйти, потому что им некуда идти.

Он привел тысячи своих людей на Нексус, и теперь они оказались в ловушке, запертые между жерновами двух армий.

— Мне нужен мир ради выгоды. А теперь, когда мирные переговоры пошли прахом, наибольшее, что я могу сделать — это обеспечить им безопасность так долго, как только смогу. Вы не получите Шона. Просите меня о чем угодно, но не об этом. Если он уйдет, мои люди погибнут.

Он никогда не отпустит Шона. Шон вернется на Нексус и там погибнет. Я должна его спасти. Я должна что-то сделать. Что угодно.

— Что если будет мир?

— Его не будет. Отрокары собираются уезжать, а Анократию раздирает вражда.

У меня пересохло во рту. Я облизала губы.

— Вот мое предложение: вы мне задолжали. Если я добьюсь подписания мирного договора, вы отпустите Шона.

Нуан Сее покачал головой.

— Ты неправ, — раздался тихий голос Бабушки.

Я едва не подпрыгнула — я никогда не слышала, чтобы она говорила и почти забыла о ее присутствии. Нуан Сее обернулся, встрепенувшись.

— Из-за нас ей причинили вред, — сказала Бабушка. — Мы в огромном долгу перед ней. Мы в долгу перед ее родителями за все то, что они сделали для нас.

Нуан Сее склонил голову.

— Как пожелаете. Если мирный договор будет подписан и подтвержден, я освобожу Шона Эванса от службы. Наши отношения начнутся с чистого листа. Я дал вам обещание. Клянусь честью своих предков.

Это было лучшее, что я могла сделать. Мне нужно найти способ собрать их вместе и убедить окончить эту безумную войну. Отчаяние петель затягивалось вокруг меня. Как, Бога ради, я это сделаю? Я даже не знала, с чего начать. Была ошеломленной и одновременно

охваченной ужасом. Я должна двигаться, идти, что-то делать, но я могла только сидеть. Все остальное казалось слишком тяжелым.

Мы сидели в тихом сумраке, наблюдая за процессией лис в храме.

— Я только одного не понимаю, — сказала я. — Зачем вы взяли изумруд?

Нуан Сее снова вздохнул.

— Потому что когда-то я был молод и глуп, мой отец сделал кое-что, чтобы уберечь меня от самого себя. В кланах это обычная вещь, которую знают все взрослые, а дети узнают, когда взрослеют. Молодые такие безрассудные, так отчаянно жаждут заработать собственные деньги и оставить свой след в галактике. Куки очень способный, и этот живой ум доведет его до беды. Он унаследует деньги, когда достигнет совершеннолетия. Он будет использовать их в надежде доказать, что у него есть то, что делает его Торговцем. Базары вселенной полны жадных акул, а он умен, но слишком неопытен, чтобы плавать с худшими из них. Чем они умнее, тем быстрее теряют деньги. Предоставленный сам себе, он станет банкротом за пару месяцев. У него уйдет еще пять циклов после того, как он достигнет возраста зрелости, чтобы вернуть стоимость изумруда и проценты. Достаточно времени, чтобы научиться и возмужать, а клану погасить небольшие ошибки и уберечь его от больших.

— Нуан Сее был очень способным ребенком, — улыбнулась Бабушка. — Он дважды почти разорил весь клан еще до своего двадцатилетия.

Они задерживали свою молодежь, заставляя их оставаться с семьей.

— Вы проделываете это с каждым умным ребенком? — спросила я.

— Да, — ответил Нуан Сее.

Я встала. Мне нужно было проверить пару вещей.

Вся грандиозность задачи обрушилась на меня, как только я вышла от Торговцев. Я прошла полпути вниз по изгибающейся лестнице, и села на каменные ступени. Как, черт возьми, я собираюсь все это исправить?

Я отчаянно желала, со всей силой перепуганной попавшей в беду пятилетней девчонки, чтобы мои родители были здесь. Я хотела посоветоваться. Я нуждалась в ободрении. Что мне делать, мам? Пап? Как мне с этим управиться? Они все хотят мира, но не могут прийти к соглашению, и теперь Шон погибнет на какой-то адской планете, сражаясь на войне, в которой он не собирался побеждать. Он отказался от своей жизни, чтобы спасти меня. Глядеть в его глаза, словно смотреть на пепел, поднимающийся с погребального костра. Вампиры спрятались в своих покоях, отрокары готовятся уехать, а Торговцы пытались меня отравить.

Как я могу все это исправить...

Мне хотелось разбушеваться. Я была очень злой и слишком долго держала это в себе. Источником моей ярости, людьми, которые ее вызвали, были мои гости. Они мне лгали, они зывали к моей доброте и пользовались ею, они оскорбляли меня, обращались со мной, как с идиоткой, и пытались убить меня. Моим долгом было обеспечить их безопасность. Это составляло самую суть того, кем я являлась, вселенная, помоги мне, я жаждала обрушить гостиницу им на головы и похоронить их под обломками. Это порадовало бы меня.

Давлением в груди нарастала тупая настойчивая боль. По моей щеке скатилась слеза, выжатая напряжением. Я подавила ее, но давление разрывало меня изнутри. Я была готова взорваться. Либо я расплачусь сейчас, либо подавлю все это, что подразумевало, что я расплачусь позже, вероятно, в самый неподходящий момент.

Я была одна. Никто меня не услышит.

Я глубоко, прерывисто вздохнула и отпустила себя. Плотина внутри прорвалась. Все мое напряжение и боль вышли с хлынувшими слезами. Я плакала и плакала, и мои всхлипы звучали, как рычание. Я плакала, потому что не знала, что делать, потому что чуть не умерла, потому что злость рвала душу из-за Шона, пожертвовавшего собой ради меня, и потому что я хотела, чтобы мои родители обняли меня.

Постепенно, мои всхлипы стали затихать. Я чувствовала усталость, но вместе с тем легкость. В голове у меня прояснилось.

Тонкий стебелек выскользнул из стены и потерялся о мою щеку. Я взглянула на него. На кончике ветки образовался белый бутон и раскрылся маленькой звездочкой цветка с крошечными бирюзовыми тычинками внутри. По комнате разлился легкий, медовый аромат.

Бедная гостиница изо всех сил пыталась меня утешить.

Я вдохнула аромат. Он омыл меня своей нежной сладостью. Все верно. Я — хранительница. Я видел вселенную и выжила. Это я тоже переживу. Я все исправлю.

Я погладила стебелек и прошептала:

— Спасибо.

Если бы все они были такими же сопереживающими, как Гертруда Хант. Гостиница всегда чувствовала, что я чувствую...

Осознание поразило меня, будто товарный поезд. Джордж, ах ты ублюдок. Коварный, манипулирующий ублюдок.

Он знал. База данных Арбитров была одной из наиболее полных во всей галактике. Он провел исследования, все выяснил, и затем приступил к поиску хозяина гостиницы, которого сможет заставить это сделать. Должно быть, он подошел к некоторым из нас прямо, поэтому всеему отказали. Ни один хозяин гостиницы не будет этого делать, если у него есть выход, а у меня не было.

Черт возьми, он точно сказал мне, что намерен сделать во время нашего самого первого разговора в гостинице. Я просто не поняла. Он изложил дело, и теперь все встало на свои места.

Была ли Гертруда Хант достаточно сильной? Была ли достаточно сильна я?

Мне была нужна информация. За всю свою жизнь я лишь однажды видела, как это происходило, когда мама использовала нашу гостиницу, чтобы заставить убийцу сознаться. Должны были быть и другие случаи. Я встала и спустилась вниз в лабораторию.

Спустя два часа я получила ответы. Хорошей новостью было то, что Гертруда Хант определенно достаточно сильна, чтобы справиться с этим. Корни гостиницы были глубокими. Это было возможно. Но этому придется пройти через меня. Я была самым слабым звеном в цепочке. Если я продержусь достаточно долго, это возможно. В моих книгах не было данных за последние восемьдесят лет, но они содержали информацию за три столетия. Плохой новостью было то, что четверо из шести хозяев, кто попытался это повернуть, сошли с ума в процессе.

Хреновая вероятность.

Я отчаянно пыталась найти другой выход. Какой угодно. Но ни к чему не пришла. Или пан, или пропал.

Если я на это решусь, то нужно все проделать быстро. Отрокары собираются уехать завтра вечером, и к этому времени все должно быть готово. Все мои гости также будут активно сопротивляться. Все услуги, которые мне задолжали, окажутся недостаточными. Я должна восстановить свое влияние и авторитет хранильницы, иначе они ни за что не согласятся на процедуру. Сейчас я была хранильницей, которую отравили в ее собственной гостинице, словно бармен, которому надрали зад в его же баре. Мне нужно разобраться со своим отравлением, быстренько оглушить их фактом и дожать остальных, прежде чем они реально смогут задуматься о последствиях.

Вычислить отравителя было не проблемой. Я могла собрать Торговцев вместе, выключить свет и виновник засиял бы, как новогодняя елочка. Но это не произвело бы должного впечатления. Мне нужно было выяснить, кто и зачем это сделал, чтобы это разоблачение стало лишь вишенкой на торте.

Двадцать одно столетие назад, Луций Кассий, цензор и консул Римской империи, спросил: “Сui bono?” Кому выгодно? Преступления совершают, потому что они дают какую-либо выгоду, будь то деньги, слава или моральное удовлетворение. Мне нужно выяснить, кому моя смерть была на руку.

Я нашла ручку, листок бумаги и стала записывать свои мысли.

Гости, желающие перемирия, ничего не выигрывали. С моей смертью закончились бы и мирные переговоры. Поэтому к ним относился и Арбитр, ведь его конечной целью так же был мир.

Гости, жаждущие войны, тоже ничего не получали. Переговоры и без того висели на волоске, а моя смерть не только бы забила последний гвоздь в гроб перемирия, но еще несла немалый риск. Ее бы непременно расследовали, а виновная стороны была бы изгнана с

Земли. Зачем рисковать, когда саммит и так пошел псу под хвост?

У Святой Анократии не было причин желать мне смерти. Во-первых, Арланд и леди Исур мне симпатизировали. Я послужила орудием для взбучки Робарту сразу же после прибытия, но теперь у него были куда большие проблемы. Также я не была непосредственно вовлечена в заварушку, завязавшуюся в бальном зале.

Отрокары у меня в долгу, но это не то бремя, чтобы рисковать и убивать меня, тем более так очевидно, угостив меня чаем. Не говоря уже о том, что совместное чаепитие было священной традицией. Отравление чая — это плевок на один из краеугольных камней их общественного устройства.

Торговцы тоже у меня в долгу и, что более важно, они хотели, чтобы Шон заложил свою жизнь. Но Нуан Сее никак не мог знать, что Шон предложит обменять свою жизнь на мою. Мы не общались последние шесть месяцев, за исключением того раза в магазине Уилмоса. Шон никогда не связывался со мной, не посылал писем, и никогда не высказывал никаких чувств ко мне. Единственный способ, которым Нуан Сее мог знать о возможном мотиве Шона пожертвовать собой, — это если только Шон сам ему сказал, что заботится обо мне. Я не так давно знакома с Шоном, но те несколько дней, которые мы провели вместе, прошли в таком стрессе, что я хорошо его узнала. Шон не будет делиться своими чувствами. Если он действительно любит меня, он держал бы это в секрете.

Я остановилась и зажмурилась. Шон Эванс обменял свою жизнь на мою. Вероятно, это значило, что он меня любит. Ладно, с этим я разберусь позже. Не сейчас. Сейчас я должна была его спасти.

Я посмотрела на свой листок. Если только Шон не рассказал о любви ко мне в доверительной беседе с Нуан Сее — а Шон был вовсе не таким человеком — Торговец ничего не выигрывал от моей смерти. Даже если бы Шон как-то выдал свои чувства, все еще не было никакой гарантии, что, если я окажусь в опасности, Торговцы заполучат его на пожизненную службу. Если бы я умерла, и причастность Торговцев обнаружилась, клану Нуан было бы запрещено посещать Землю, а это была слишком высокая цена. Мое убийство просто не имело финансового смысла.

Я устала на листок. От моей смерти никому не было никакой выгоды. Я была хранительницей, нейтральной стороной. Не каким-то там злым гением или бывшей тираншей, за чью голову давали астрономическую награду...

О.

Что ж. Это все объясняет.

* * *

Я вошла в кухню, облаченная в свою мантию. Чудовище выскочила из-под стола, запрыгав вокруг моих ног. Должно быть, она оставила Шона, раз тот был в своей комнате один. Орро неподвижно сгорбился в кресле. Но тут он увидел меня, и мир передо мной внезапно стал темным и мохнатым, а могучие конечности выжали из моих легких весь воздух.

— Отпусти ее, дорогуша, — воскликнула Калдения. — Ты же так ее раздавишь.

Орро отпустил меня, и я судорожно вдохнула воздух. Острошипские объятия были не

для людей с хрупкими костями.

— Приятно видеть тебя на ногах, — сказала Калденя.

Орро удалился на свой стул и отвернулся, внезапно засмутившись.

— Вы сохранили чайник? — спросила я.

Ее Милость вскинула брови.

— Ты принимаешь меня за любителя?

Она шагнула к острову, где стояла подставка для торта, накрытая металлическим колпаком, и подняла крышку. Все еще наполненный рубиновым чаем чайник стоял на подставке.

— К сожалению, мы до сих пор не можем определить яд, — сказала Калденя. — Орро предложил попробовать чай, но, конечно, Арбитр отказался подвергнуть его опасности. Но Ханум дала нам другой чайник и я могу сказать, что между двумя жидкостями есть определенные химические различия.

— Выходит, весь чайник был отравлен? — Как я и думала.

— Похоже на то. Это было либо очень расчетливо, либо чрезвычайно небрежно.

Или из-за неопытности или отчаяния.

— Спасибо.

— Всегда к твоим услугам, дорогая.

Я пришла к покоям Джорджа и постучала в дверь. Он открыл. Позади него Софи сидела на диване рядом с Гастоном. Джек подпирал стену в своей излюбленной позе, выставив ногу вперед.

— Я знаю, — сказала я Джорджу.

В его глазах блеснуло понимание.

— Это единственный выход, — ответил он.

— Вы отвратительны.

— Мне придется с этим жить, — сказал он.

— Да, придется. Мы вернемся к этому позже. Мне нужно знать, когда Торговцам сообщили, что мирный саммит будет здесь, в Гертруде Хант.

— В 2032 Стандарт, — ответил он.

Стандартный галактический год состоял из пятиста «дней», по двадцать пять «часов» каждый. Дни делились на четыре «сезона», каждый продолжительностью в сто двадцать пять дней. Первая из четырех цифр обозначала сезон, остальные три обозначали день. Сегодня был 2049 Стандарт.

— Вы не дали много времени для раздумий.

— Нет, — сказал Джордж.

— Хорошо. Я вернусь через пару часов. Приглядите тут за всем, пока меня нет.

— Куда вы направляетесь? — окликнул Гастон.

— Повидаться с торговцем оружием, — ответила я и закрыла дверь.

* * *

Магазин Уилмоса был островком спокойствия в суматохе Баха-чар. Стоило мне ступить в его прохладу, как мягкая, журчащая мелодия ныне мертвой планеты окутала меня будто

ароматный дымок от курильницы. Горвар, огромный волкоподобный монстр Уилмоса, лежал на полу, растянувшись на шкуре с длинной золотистой шерстью, несомненно, когда-то принадлежавшей некой свирепой твари. Горвар покосился на меня своими оранжевыми глазами, но решил, что ради меня не стоит шевелиться. Я не представляла собой угрозу.

Уилмос появился из дальней комнаты, вытирая руки тряпкой.

— Вы отправили его на Нексус.

— Я ожидал этого разговора. — Уилмос указал на диван в форме подковы. — Давайте присядем.

Я села.

— Вы назвали его работой всей вашей жизни. А затем отправили его умирать на Нексус.

Уилмос издал сдавленный рык. В его радужках блеснул желтый огонек.

— Я не отправлял Шона. Я пытался отговорить его от этого.

— Значит, плохо пытались.

— Это ничего бы не изменило. Работа была просто невыполнимой. Такой, что убивала всякое создание, решившее взяться за нее. Он должен был ее заполнить.

— Зачем?

Уилмос вздохнул.

— Это сложно.

— Попробуйте объяснить.

Старый воин наклонился вперед, его глаза потемнели.

— Солдатами не рождаются. Ими становятся. В нужных условиях из большинства людей могут получиться солдаты. Они повинуются командам, соблюдают субординацию, и когда случай призывает к этому, будут совершать подвиги во благо остальных. Но в душе этих солдат живет надежда, что войны не будет. Дай им шанс, они предпочтут избежать боя, а если вынуждены сражаться, то будут делать это так, чтобы в конце вернуться домой. Шон не просто солдат. Он воин. Война для него также естественна, как дыхание. Она привлекает его, как пламя притягивает ночных насекомых.

А затем они умирают, опаленные пламенем.

— Но почему эта война? Почему не любая другая, с конечным сроком?

— Потому что он хотел самую тяжелую работу, какая только у меня была, и когда я предложил ее, у нее был конечный срок. Шестимесячный контракт. Он уже давным-давно должен был вернуться домой.

Уилмос провел руками по лицу.

— Что касается того, зачем он это сделал, то тут несколько факторов. Один из них — его родители. Шон хотел знать, смог бы он встать плечом к плечу с этими двумя людьми, которые стольким пожертвовали, чтобы привести его в этот мир. В некотором роде, если бы он доказал себе и им, что мог бы выстоять в самой жестокой войне, это значило бы, что все пережитое ими, чтобы дать ему жизнь, имело смысл. Он хотел, чтобы они им гордились. Его чувство собственной значимости было другим фактором. Он хотел посмотреть своему отражению в глаза и доказать, что все его навыки и сила что-то значили. Вы хотите быть самой лучшей хранительницей. Он хочет быть самым лучшим солдатом.

Уилмос пожал мощными плечами.

— Я также был одним из факторов, поспособствовавших этому. Я сказал ему, что он был вершиной моей работы. Это чертовски большие ожидания, возложенные на человека и, если бы я не был стар и глуп, я осознал бы это. Он хотел показать мне, на что способен. Шон

ненавидит разочаровывать. Еще одним фактором были вы.

— Я?

— Я спросил его, остался ли у него кто-то дома. Он сказал, что повстречал девушку со звездной пылью на мантии, и когда он смотрел в ее глаза, то увидел в них вселенную.

— Он так сказал?

— Сказал. В нем течет кровь Аууль. Мы были воинами и поэтами, часто обоими сразу. Я спросил у него, ждет ли его эта девушка, и он сказал, что не уверен. — Уилмос вздохнул. — Как вы думаете, что он чувствовал, повстречав вас? Если я назову вам малоизвестную разумную расу, готов поспорить, вы скажете мне их любимый цвет. Вы гуляете по улицам Баха-чар и торгуетесь с Торговцами, открываете двери к планетам в сотнях световых лет отсюда, и используете сложнейшие технологии, словно вы с ними и выросли, потому что так оно и было. Он не знал ничего, кроме того, что выучил на Земле. Он не был вам ровней.

— Но я никогда не хотела, чтобы он...

— Я знаю. Он это тоже знает. Он хотел выучить все в короткие сроки. И выучил. Если у вас когда-нибудь возникнут проблемы с бронетранспортером или ионной пушкой, он запросто их вам починит.

— Я не хочу, чтобы он чинил мне транспортер. Я хочу, чтобы он вернулся домой.

Уилмос снова провел руками по лицу, словно пытаясь стереть напряжение.

— Он тоже хочет вернуться домой. Но он был создан, чтобы выдерживать осаду и защищать мирных жителей, и все, что он узнал с рождения — моральный кодекс родителей, военное обучение, служба в армии — все это только усиливало основную программу. Этот идиот Нуан Сее заселил Нексус изгоями. Там целые семьи скрываются в бункерах колонистов. Шон не может их бросить. Биологическое программирование еще не все, но его также нельзя списывать со счетов. В данном случае, программирование совпало с этикой. Это мощный стимул.

— Шон Эванс не уйдет от того, кто нуждается в его защите. — Я узнала это, когда напали на наших соседей.

— Да, — подтвердил Уилмос. — Тут речь о том, что он делает то, что считает правильным. Выживание существ зависит от него. Он уже доказал то, что хотел доказать. Он там лучший. Он протянул полтора года на планете, где обычные наемники умирали в считанные дни. У него нет ресурсов, чтобы победить, но он, черт возьми, ни за что не отступится. Он именно такой, как мы задумывали, когда создавали его родителей.

Я вздохнула.

— Он согласился на пожизненный контракт, чтобы спасти меня от смертельного отравления.

Уилмос поморщился.

— Это меня не удивляет.

— А меня сразило наповал. Уилмос, мы провели вместе всего лишь неделю. Одну неделю. Мы флиртовали. Разок поцеловались. Откуда взялась эта... преданность?

Какое-то время, ветеран-оборотень меня разглядывал.

— В чем дело? — спросила я.

— Я пытаюсь сообразить, как бы вам это объяснить, не усугубив ваши отношения еще больше. Я уже и так причинил достаточно вреда.

— Почему бы вам не сказать все прямо?

Уилмос глубоко вдохнул.

— Вы так молоды. — Он совершил несколько неловких движений руками, словно пытался жонглировать и потерпел неудачу. — Просто... попытайтесь не воспринимать это, как удар по самолюбию. Когда ночь длинная и темная, вы представляете рассвет и ждете его. Это поддерживает вас и дает надежду. На войне вы перебираете воспоминания и ищете то единственное, которое станет якорем, привязывающим вас к дому. Вы для него такой якорь. Вы олицетворяете чистоту, мир и красоту. Вы будете той, кто заплачет, если узнает о его гибели. Солдаты делают это. Моряки и космические экипажи дальнего следования тоже. И мужчины и женщины, не имеет значения. Мы все жаждем, чтобы кто-то ждал нас дома. Это не всегда справедливо по отношению к тем, кто остался, но именно так обстоят дела.

Джорвар поднялся и подбежал, Уилмос потрепал голову большого волка.

— Шон не дурак. Он знает, что между вами не было ничего серьезного, но он полагал, что все еще может быть, если он вернется с Нексуса. Он думает, что шанс есть. Когда он прорубается сквозь ту темную ночь, покрытый запекшейся кровью и не видящий этому конца, он думает о вас. Он думает о том, чтобы вернуться домой и увидеть вашу улыбку. Вы стоите того, чтобы жить ради вас. Вы заставляете его двигаться дальше. Он не мог позволить вам умереть, Дина. Я знаю, что это был большой риск. Я надеялся, что если все станет совсем плохо, вы мирно расстанетесь с ним, не разбивая ему сердце окончательно. Теперь это больше не имеет значения. Он отправится навстречу судьбе, зная, что уберег вас от беды, и будет вполне удовлетворен.

— Никуда он не пойдет. Я собираюсь его спасти, — отрезала я. С моей ролью «рассвета Шона» я разберусь позже. Сейчас мне нужно было сохранить ему жизнь.

— Вы не сможете. — В глазах Уилмоса отразилась боль. — Единственный способ его спасти — добиться мира на Нексусе, а это невозможно. Я знаю, что Арбитры пытаются, но этого никогда не случится. Они слишком долго были врагами. Поэтому Арбитражное Управление и отдало это дело новобранцу, про которого и слыхом не слыхивали.

Приятно знать, что это у Джорджа первая попытка. Я подалась вперед.

— Вы сами сказали, что у меня звездная пыль на мантии и вселенная в глазах. Я хочу спасти Шона. А уже после этого я решу, давать ему шанс или нет. Сейчас же все в подвешенном состоянии.

Уилмос нахмурил брови.

Я встретила его взгляд.

— Я не ангел, который излечит все его раны, я не его закат, и я уж точно не его идеальная возлюбленная, которая будет сидеть и ждать его возвращения с войны. Он очень скоро это поймет, если еще не понял, и тогда ему придется решить, хочет ли он оставить все это и узнать меня получше. Но ничего этого не произойдет, если я не вырву его из лап Торговцев. Вы поможете мне или нет?

Уилмос пристально посмотрел на меня.

— Что вам нужно?

Я передала ему бумагу.

— За голову этого человека предложены огромные вознаграждения.

Уилмос посмотрел на имя и поднял брови.

— Да.

— Мне нужно знать, исчез ли с рынка какой-либо из подобных контрактов после 2032 Стандарта.

— Я могу проверить.

— И мне нужен пси-бустер.

Уилмос откинулся назад.

— Пси-бустер питается жизненной силой.

— Я знаю.

— Это — агония. Худшая боль, известная человечеству.

— Я знаю.

Уилмос что-то обдумывал.

— Хорошо. Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Я тоже на это надеялась.

* * *

После жары Баха-чара прохлада гостиницы была более чем привлекательна. И я, наконец-то, могла отпустить сумку. Я совсем не хотела, чтобы пси-бустер находился рядом с моей кожей, так что Уилмос упаковал его в большую сумку на колесиках. Сумка была громоздкой и становилась легкой добычей. Я почти мило везла ее по улицам Баха-чара, переживая, что она заинтересует какого-нибудь предприимчивого вора. Но наконец-то я дома. Я прошла по коридору, таща за собой сумку, и открыла экран к Джорджу.

— Встретимся в бальном зале.

Он кивнул.

Нам предстоял не самый приятный разговор, но мне было плевать.

Я вошла в торец бального зала. Где же будет хорошее место?.. Сбоку? Нет, я хочу, чтобы они образовали круг вокруг меня. Я остановилась в центре, где на мозаичном полу было изображение Гертруды Хант, окруженной стилизованной метлой. Это наилучшая точка.

В центре мозаичного пола образовалось отверстие, неширокое, но становящееся все больше и больше, поглощающее кусочки мозаики. Ничего страшного. Позже я ее восстановлю.

Джордж зашел в бальный зал.

— Итак, это ваше первое задание, — сказала я.

— Да.

Теперь отверстие было шириной три фута. Достаточно широко. Я подняла руку, уговаривая один из больших корней гостиницы подняться. Тонкие корешки не сработают. Они были капиллярами, а мне нужна хорошая, толстая вена, прямой доступ к сердцевине гостиницы. Это займет некоторое время.

— Это должно было стать предметом вашей гордости? Ваше первое задание, которое вы собираетесь завершить, невзирая на издержки для всех остальных?

— Гордость за свои дела для тех, кто ищет признания, — сказал Джордж. — Признание не имеет значения для меня.

— Очевидно, люди тоже не имеют для вас значения. Вы пришли сюда и попросили довериться вам. Вы притворились, что ничего не знаете о гостиницах и принципах их работы. Затем вы систематически манипулировали событиями и ослабляли мою решительность, пока не довели до настоящего момента.

— Вы бы не согласились на это, если бы не были в отчаянии, — сказал он.

— Да. Вы знали, что Шон был Туран Адином, и у нас с ним была история?

— Да. Был шанс, что его присутствие дало бы вам тот финальный толчок. Нуан Сее все больше впадает в отчаяние. Его загнали в угол. И Святая Анократия и Ордавоинственные культуры, а лисы — нет. Продолжающаяся война для них тяжелее, чем для всех остальных. Почитание предков настолько прочно укоренилось в обществе лис, что они убивали друг друга за привилегию заботиться о стариках. Нуан Сее наполовину изгой, одержимость сплочением изгоев в клан доминирует в его бизнесе последние двадцать лет. Он приложил усилия, чтобы замести следы, но когда изучаешь его финансовые сделки, имея в виду его родословную, картина вырисовывается довольно ясная. Когда он приобрел права на Нексус, должно быть, чувствовал триумф. Наконец-то он сможет собрать своих людей вместе. Он поторопился с колонизацией. Вероятно, это было самое эмоциональное решение за всю его карьеру. Потом он видел, как все это разваливается на части.

— Он подверг опасности своих собственных людей.

Джордж кивнул.

— Он полагал, что поступает правильно. Но без мира нет ни клана, ни храма, ни объединения. Он хотел привести Туран Адина на переговоры, потому что тот — их самое главное оружие. Я могу его оправдать. При том, что переговоры терпели неудачу, а старший сын Ханум погиб в прошлом году на Нексусе, она будет нуждаться в Осеннем фестивале. Это ее единственный шанс снова повидаться с сыном. Ради этого она бы пошла на все. Также я подсказал Робарту, что люди не всегда верно понимают ситуацию, пока у них нет шанса увидеть все своими глазами. Его многообещающий союз с домом Миир был шатким; он был ослеплен оплакиванием возлюбленной. Дом Миир это понимал и не возлагал на него больших надежд, поэтому, когда он предложил им место за образным и реальным столом, они ухватились за этот шанс и послали троих своих лучших воинов, чтобы сорвать переговоры, пока Робарт не одумался.

— Когда?

Джордж поднял брови.

— Когда что?

— Когда вы предложили это Робарту?

— На второй день мирных переговоров.

Я уставилась на него.

— Это то семя, которое требуется сажать заранее. Робарт чувствительный человек, обладающий неудачным сочетанием благородства духа и некоторой врожденной верой в справедливость мира. Его инстинкты говорят, что если хотя бы он будет поступать правильно и убедится, что его люди поступают правильно, то жизнь ответит ему тем же, и воздаст по заслугам. Он представляет собой более продвинутую версию рыцаря в сияющих доспехах, который считает, что если он убьет злого дракона, то спасет прекрасную принцессу, которая будет любить его вечно, и они будут жить долго и счастливо в своем замке. Он так тяжело трудился, победил дракона, но его принцесса мертва, а замок стоит пустой и гулкой. Ему пришлось выучить, что жизнь — злобная сука. Она по сути своей несправедлива. Она схватила его счастливое будущее и уничтожила его, стерла в порошок. Осознание этого слишком тяжело для него; он эмоционально неустойчив, бросается из одной крайности в другую. Человек в подобном эмоциональном состоянии не может принимать быстрые, взвешенные решения. Мне пришлось дать ему время, чтобы

подтолкнуть, пока его эмоции заканчивали бурлить. При этом общение с оппонентами начало способствовать появлению симпатии. Он явился сюда с намерением сжечь всё и всех, и все же вот он здесь, чувствует сострадание к врагу.

Это создает внутренний конфликт, который он не в состоянии разрешить, поэтому он сделал то, что я и предполагал — обратился к своим союзникам, надеясь, что они оценят ситуацию и направят его в нужном направлении, устраняя его сомнения. Он пришел к неизбежному заключению, что Миир должны сами поприсутствовать на саммите.

Вероятно, он не мог быть человеком. Ни одно человеческое существо не может просчитывать так далеко вперед.

— Остальное встало на свои места, — сказал Джордж. — Отравление было непредсказуемым фактором, но оно сработало в нашу пользу. Если бы у меня был выбор, я не стал бы вас травить, Дина. Это слишком рискованно. Вы нужны мне для финального акта этой драмы, и вы мне искренне нравитесь. При всей моей безжалостности друзья для меня очень дороги. Именно поэтому у меня их так мало. Я стараюсь не завязывать дружбу.

— Потому что вам понадобится убить людей, которых вы знаете?

Он кивнул.

— Да.

Толстый корень выскользнули из отверстия в полу, обернутый сетью маленьких корешков. Я позволила ему подняться на три фута и открыла сумку. Внутри был круглый белый драгоценный камень размером с футбольный мяч, сияющий всеми огнями бриллианта. Маленькие корешки протянулись к нему, вытащили камень и притянули его к главному корню, образуя кокон. Пси-бустер на месте. Надеюсь, Гертруда Хант наладит с ним связь в течение нескольких часов.

— Я понимаю Ханум, Робарта и Нуан Сее. — Я покачала головой. — Но я все еще не понимаю вас.

Джордж вздохнул, на его красивом лице появилось смиренное выражение.

— Ладно. Я у вас в долгу.

Он поднял трость и легонько постучал ей по полу. Огромная проекция появилась из набалдашника трости, изгибаясь перед нами и занимая почти весь пол бального зала. Скалистые горы торчали над бесплодными зелеными и коричневыми почвами, их желтые уступы отражали зеленый свет чахлого солнца, висящего на небе, как инфицированная рана. Нексус. Жарко днем, холодно ночью, всегда неприглядно, однако скрывает огромное количество природных ресурсов прямо под поверхностью.

— Мне было пять, когда умер мой дедушка, — сказал Джордж глухим голосом. — Он был пиратом, мечником, и бродягой. Он рассказал отличные истории. Он был лучшим дедушкой на свете. Мать умерла, отец бросил нас, остались только моя старшая сестра, Джек, я и наши бабушка с дедушкой. Так что, когда он умер, мне было очень грустно.

На экране Джордж шел по опустошенному Нексусу. Он был одет в простые штаны и белую рубашку. Светлые волосы свободно струились. Его лицо было спокойным и таким красивым... Он был почти ангелом, странным навязчивым миражом, вызванным планетой, жаждущей быть большим, чем пустырь.

Голос Джорджа был мягким и глубоким, подобный голос проникает в глубину души.

— Мне было так грустно, что я вызвал его к жизни. Все думают, что мертвые восстают безмозглыми монстрами. Для некромантов это всегда так. Мертвые восстают без бремени

своих прошлых жизней, без разума и без боли.

Я почувствовала, что произойдет, и приготовилась.

— Вернувшееся существо не было моим дедушкой. У него были когти и клыки. Оно сожрало бродячих собак. Но оно могло говорить и знало свое имя. Оно помнило меня. Оно помнило, как умер тот человек, которым оно когда-то было. Оно помнило боль его смерти и оплакивало любовь, которую он потерял.

Другой Джордж продолжал идти. Острые скалы расступились и широкая долина ухабистая и неровная, распростерлась перед ним. Он был совершенно один.

— Когда Арбитражное управление дало мне это задание, я просмотрел все архивы и обнаружил, что не понимаю эту войну. Любой человек, имеющий элементарные понятия о стратегии и тактике, мог видеть, что ни одной из фракций не победить. Война пожирает ресурсы, время и жизни, и чем дольше она продолжается, тем больше слабеют все участники. Зачем людям трех этих наций, прагматичным и взвешивающим все шансы и в битве и в торговле, обрушиваться друг на друга, годами погибая на войне, которую невозможно выиграть? Зачем продолжать эту бессмысленную бойню такой страшной ценой? Это не имело смысла.

Но проекции Джордж остановился. Его голубые глаза засветились чистым белым светом. Он поднял правую руку, его пальцы заострились как когти.

— Я не мог этого понять, потому отправился на Нексус.

Ветер трепал его волосы, становился сильнее, тянул одежду.

— Видите ли, — сказал он, его глубокий голос был полон сожаления, — живые лгут. Они ничего не могут поделать с этим. Они лгут по доброте душевной, по необходимости или из корыстных побуждений. Но мертвые всегда говорят правду.

На экране земля вокруг ног Джорджа разошлась, словно иссохшая пустынная корка Нексуса стала жидкой.

— Поэтому я пришел на Нексус и спросил их.

Тела поднимались, одни разлагающиеся, другие скелетообразные, но все тянулись к нему, сотни и сотни трупов с протянутыми в мольбе руками, а потом я услышала его: приглушенный, отчаянный вопль, исходящий от сотни существ сразу, такой ужасный, что хотелось зажать уши руками и бежать.

— Говорят, что мертвые ничего не помнят и не знают боли. — Голос Джорджа был едва громче шепота, но каким-то образом был слышен сквозь мольбы трупов. — Для меня это не так.

Мертвые кричали все громче и громче, хватались за одежду Джорджа, умоляли. Джордж стоял в центре этого водоворота, его глаза были полны боли. Слезы текли по его лицу. Он плакал, и мертвые рыдали вместе с ним.

— Теперь я их понимаю. Они сражаются потому, что они не могут остановиться, — сказал он, его голос как-то доходил до меня, несмотря на вопли. — Они хоронили своих друзей и любимых в той земле. Полили её своей кровью, и все же ничего не достигли. Сама мысль, что те, кого они потеряли, погибли ни за что, слишком болезненна и пугающая, чтобы над ней задуматься. Это не война живых, Дина. Это война мертвых. Поверьте мне, когда я говорю: мертвым наплевать. Я могу вызвать их последние воспоминания и чувства, но они не те существа, которыми были при жизни. Они — отголоски умершего разума. У них нет души.

На экране Джордж выпустил белую молнию. Трупы упали как один. Он остался в

одиночестве.

— Те, кто остался, забыли, что они живы. Они считают, что у них больше общего с их павшими, чем с врагами. Ничто не может быть дальше от истины. Я знаю разницу между жизнью и смертью. Два живых существа с противоположных границ галактики имеют несравненно больше общего друг с другом, чем живые и умершие из одной семьи.

Настоящий Джордж рядом со мной коснулся своей трости и проекция испарилась.

— Война на Нексусе должна прекратиться, — сказал он. — Она не может быть окончена благородным способом, если бы благие намерения, милосердие и конструктивный диалог могли это разрешить, мир бы уже давно наступил. Иногда для того чтобы остановить что-то настолько ужасное, приходится делать что-то такое же чудовищное, затрагивающее каждого лично. И эта чудовищная вещь не может быть сделана ни одним из участников конфликта.

Они должны быть в состоянии уйти чистым, сплоченными и невиновными, в противном случае мир долго не продлится. Кто-то должен напомнить им, что они еще живы. Кто-то должен вынести осуждение и гнев, который это принесет. Я буду этим человеком. Я беру на себя полную ответственность за завтрашний день. Я ускорил события. Мне жаль, что вы тоже должны быть вовлечены. Несправедливо, что я использовал вас. Никто даже не узнает, что вам пришлось сделать или чего вам это будет стоить. Наши с вами имена быстро забудутся, но мы будем знать и помнить, что мы сделали, и почему это должно было быть сделано. Пси-бустер питается магией. Я буду питать его для вас завтра.

Он повернулся и пошел прочь, оставив меня одну на мозаичном полу.

Не так давно я сказала Софи, что Джордж беспощаден. Она ответила, что он милосердный и беспощадный одновременно, такое вот противоречие. Теперь я поняла. Не было никакого противоречия. Джордж был беспощадным к себе. После всего этого, все, включая меня, будут искать, кого обвинить за предстоящие боль и страдания. Нам нужен объект, и он охотно рисует мишень у себя на груди. Он все берет на себя, потому что мертвые на Нексусе рыдали, когда он вернул их воспоминания. Он хотел взять всю вину и унести с собой, сняв ее с меня, потому что вынудил меня. Он даже сделал это минуту назад, когда сказал, что использовал меня.

Мне придется завтра очень внимательно наблюдать за ним. Он отдаст столько своей энергии пси-бустеру, сколько сможет. Я не хочу, чтобы Джордж умер.

Я стояла сразу за дверью, наблюдая за бальным залом через одностороннее зеркало, которое сделала для меня гостиница. Сегодня ночью зал сверкал, созвездия на потолке светились, и пол чуть ли не сиял. Справа стояла Святая Анократия в полном боевом облачении, плечом к плечу, словно фаланга древних воинов, использовавших свои тела как щиты. Напротив них ожидала Орда, с мрачными лицами выстроившаяся клином во главе с Ханум, слева от нее стоял огромный башер, а справа — Дагоркун. Клан Нуан также столпился слева на некотором расстоянии от отрокаров, защищая своего матриарха телами. Туран Адин в полном боевом облачении стоял между ними и Ордой.

Оборонительные позиции заняты, оружие наготове, лица мрачные. Они смотрели друг на друга, готовые напасть, и они поглядывали на четырехметровый бутон, растущий из центра зала. Толстые зеленые чашелистики бутона были по-прежнему плотно закрыты.

Моим родителям было бы стыдно за меня. Это гости моей гостиницы. Они оставались в Гертруде Хант почти две недели, это место, где они должны были чувствовать себя защищенными и в полной безопасности, и все же они в любой момент ожидали нападения. Если это когда-нибудь увидят в Ассамблее Хранителей, Гертруда Хант лишится всех звезд. Теперь отступить было некуда.

Джордж стоял рядом с бутоном, его красивое лицо было мрачным. Золотая вышивка на его светло-коричневом цвета виски жилете слабо поблескивала на свету. Его люди заняли позиции позади каждой из фракций: Джек стоял за вампирами, Софи за Ордой, и Гастон за Торговцами. Он обсуждал это со мной перед собранием, и когда я спросила, чем он руководствовался, он ответил, что у Гастона естественная сопротивляемость к ядам, Софи оказала сильное психологическое воздействие на Орду, а Джек, несомненно, имеет большой опыт сражения с воинами в броне.

Я пробежалась по мысленному списку: Чудовище и кот надежно заперты в моей спальне и гостиница их не выпустит, звукопоглотители активированы, выходящий на улицу фасад усилен. Да, все сделано. Теперь можно устроить взрыв в бальном зале, и никто за пределами гостиницы не услышит ни звука.

Шелест ткани известил, что Её Милость спустилась по лестнице. Она была одета в темно-зеленое платье с шелковистым блеском, стянутое сбоку на талии драгоценной застежкой, длинная ниспадающая юбка со шлейфом была украшена сверкающей вышивкой. Подходящие перчатки облегли ее руки. Роскошный меховой воротник темно-зеленый, отдельные шерстинки которого имели кроваво-красные кончики, обрамлял ее плечи. Черные и зеленые восьмидюймовые шипы — биологическое оружие какого-то давно умершего инопланетного хищника — торчали из ее воротника. Такие же маленькие шипы украшали ее искусно инкрустированный драгоценными камнями гребень для волос. Ожерелье из изумрудов, каждый размером с мой ноготь и обрамлен небольшими сверкающими бриллиантами, украшало ее шею. Она до последнего дюйма выглядела той, кем являлась: безжалостной коварной хищницей, вооруженной бритвенно-острым умом и не отягощенной моралью.

Калдения увидела мою мантию. Ее брови поползли вверх.

При обычных обстоятельствах хранитель гостиницы был незаметной тенью, которого с легкостью находили гости и все же не привлекающим к себе внимания. Наши мантии:

серые, коричневые, темно-синие или темно-зеленые отвечали этой потребности и служили нашей униформой. Нам не нужно производить впечатление.

Немного вышивки по подолу — вот и все украшения, которые мы себе позволяли. Но иногда появлялась необходимость продемонстрировать всю полноту власти. Сегодня был именно такой день. Я надела свою судейскую мантию. Полностью чёрна, она поглощала свет. Она притягивала к себе, и если смотреть на нее слишком долго, появлялось странное ощущение, как будто погружаешься в бездонный колодец, словно кто-то проник в бездну, зачерпнул первозданную тьму и соткал из нее ткань.

Легкая и свободная мантия была сшита из такого тонкого материала, что его шевелил легчайший поток воздуха, даже сейчас, без ощутимого сквозняка, подол шевелился и колебался, словно раздуваемый какой-то мистической силой. Мантия была непостижимой. Не важно, что искушенный наблюдатель мог увеличить остроту зрения, я буду выглядеть также — призраком, жутким собратом Мрачного жнеца, с лицом скрытым капюшоном так, что только губы и подбородок остались на виду. Метла в моей руке превратилась в посох с древком цвета обсидиана. Я больше не была человеком. Я стала воплощением гостиниц и их хранителей.

В мире есть несколько незыблемых принципов. Один — большинство существ с водной основой жизни пили чай. Мы боимся того, чего не можем видеть — другой. Они будут смотреть на мою мантию, пытаюсь различить контуры тела, и когда бездна заставит их отвернуться, они станут искать мои глаза, пытаюсь убедить себя, что я не представляю угрозы. Тут они тоже не найдут подтверждения.

— Что ж. — произнесла Калденция. — Это должно оказаться интересным.

— Ваша Милость, оставайтесь рядом со мной.

— Непременно, дорогая.

Стена передо мной расступилась, и я прошла в бальный зал. У них у всех была возможность себя показать. Теперь пришло мое время.

Слабые шепотки умерли. Зал погрузился в тишину, и в этой тишине я скользила по полу, не издавая ни звука. Пока я шла, тьма расползлась по полу, стенам и потолку зловещей тенью моей силы. Свет приглушился. Созвездия исчезли, погасли от моего присутствия. Глядите, как я уничтожу ваш мир.

Я подошла к бутону. Джордж не шагнул назад, но подумал об этом, потому что неосознанно подался назад, пытаюсь увеличить дистанцию между нами. Тьма клубилась за мной, закрывая звезды. Калденция заняла место слева позади меня.

Никто не проронил ни звука.

Пол передо мной расступился, и тонкий стебель гостиницы поднял поднос со стеклянным чайником, наполовину заполненным чаем васса. Свет на подносе заставил чайник сверкать, превращая чай в сверкающий драгоценный рубин. Или кровь.

Орда застыла. Нуан Сее ощутимо напрягся.

— В гостинице убийца. — Мой голос прокатился по залу громким шелестом, усиленным магией. — Убийца, которого я собираюсь покарать.

— По какому праву?

Вопрос долетел со стороны вампиров. Я усилила давление до предела. Все они были уже на краю. Если я не буду осторожна, они сорвутся.

— По условиям соглашения, которое подписали ваши правительства. Те, кто нападает на гостей в гостинице, теряют защиту своей родины. Ваш статус, ваше богатство, и ваше

общественное положение не имеет значения. Вы находитесь в моих владениях. Здесь я сама судья, присяжные и палач.

Я повернулась, мантия легко прошелестела по полу, и начала вращать чайник. С потолка опустилась проекция: я сижу на диване, Дагоркун разливает чай, Калденция поднимает чашку.

— Один из вас сделал попытку передвигаться по гостинице невидимым. Один из вас использовал устройство, которое скрыло его или ее.

Напряжение было таким сильным, что я ждала, когда же оно взорвется громовым раскатом.

— Устройство было украдено и скопировано. Оригинал возвращен владельцу. Дубликат был использован, чтобы отравить чай в этом чайнике.

Рубиново-красный чай вспыхнул, отражая свет.

— Кто? — потребовал Арланд. — Кто привез устройство?

— Я, — ответил Нуан Сее.

— Ты! — взвилась Ханум.

Тьма сгустилась позади меня, как голодный зверь, готовый растерзать. Они замолчали.

— Существует всего три мотива для убийства. Похоть. Мечь. — Я сделала паузу. — И жадность.

Появилась проекция контракта, огромная, почти девять футов высотой, свисающая с потолка, словно знамя. На нем странные символы выстроились в слова рядом с изображением Калденции.

— Меньше чем через сутки, после того как стало известно место проведения мирного саммита, этот контракт появился на рынке, — сказала я. — Кто-то взялся за работу.

Символы видоизменились в общегалактический шрифт, демонстрирующий достаточно большую сумму, чтобы купить небольшую планету. Сзади присвистнул Джек.

— Каи Па? — моргнула Калденция. — Ты хочешь сказать, что это заслуга сопливого червя, того самого магната, украсившего дворец портретами своей чудовищной семейки с самоцветами вместо глаз? Спустя два десятилетия, он все еще жаждет моей смерти из-за банального замечания?

— Да.

Калденция положила руку на грудь, ее затянутые в перчатку пальцы едва касались кожи, откинувшись назад рассмеялась. Это был глубокий, гортанный смех, демонстрирующий лес острых треугольных зубов у нее во рту.

Все уставились на нее.

— Спустя все эти годы, я все-таки его добилась, — она усмехнулась.

— Вопрос в том, почему яд оказался в целом чайнике? — сказала я. — Три человека пили бы из него чай и все трое были бы мертвы. Последствия были бы печальными для всех вовлеченных сторон.

Я отступила назад, проводя рукой над чайником. В ответ он ярко запульсировал.

— Опытный убийца тщательно выбрал бы время и место своего удара. Опытный убийца взвесил бы риски и понял, что такое преступление не осталось бы нераскрытым и безнаказанным. Уважаемый Нуан Сее — опытный убийца, хитрый, умный и дисциплинированный. Он не пошел бы на такой риск.

Я повернул обратно. Движение от моих шагов было достаточно, чтобы заставить мою мантию шевелиться, словно я использовала магическую силу, а мне нужно максимальное

воздействие.

— Нет, этим убийцей был кто-то, у кого не было достаточно практики. Кто-то неопытный. Кто-то молодой. Кто-то отчаянный и легко поддающийся соблазну.

Губы Нуан Сее дрожали, обнажая часть зубов. Он только что свел сказанное воедино.

— Расскажите нам, многоуважаемый Торговец, что за негласный обычай существует в вашем клане, когда яркий представитель вашей семьи достигает совершеннолетия?

— Клан принимает меры, чтобы оставить молодежь связанной с семьей подольше, — процедил Нуан Сее сквозь сжатые зубы. — Это делается, чтобы защитить благосостояние семьи.

— Именно так, как вы поступили с Куки?

Проекция продемонстрировала крупным планом, как изумруд исчезает в воздухе.

Куки охнул.

— Да, — сказал Нуан Сее.

— Вы устраиваете так, чтобы ребенок, приближающийся к совершеннолетию совершил ошибку, которая оставит его в долгу у клана. И этот долг необходимо будет выплатить? — Мне действительно требовалось разъяснить все так, чтобы каждый понял.

— Да.

— И сколько лет вам обязана служить Нуан Сама?

Клан Нуан расступился, когда все члены одновременно шагнули в стороны. Племянница Нуан Сее стояла в одиночестве, окруженная членами семьи.

— Нуан Сама совершила несколько дополнительных ошибок, — процедил Нуан Сее. — У нее существенный долг перед кланом.

— Это была не я. — Нуан Сама улыбнулась. — Зачем мне делать подобную глупость? Я люблю свой клан и не хочу его покидать.

Вот как. Это уже поистине нагло.

— Когда Хардвир чинил машину с помощью молекулярного синтезатора, вас попросили ему помочь. Вы — эксперт хронологической атрибуции.

Я повернулась к вампирам. Я уже спрашивала инженера перед собранием и знала ответ на вопрос, который собиралась задать.

— Что предложила Нуан Сама, прежде чем вы начали ремонт?

— Она сказала, что мы должны попробовать синтезатор на сложном приборе, чтобы убедиться, что результаты оптимальные, — ответил Хардвир.

— Она предоставила такой прибор?

— Да.

— Уважаемый инженер ошибся, — сказала Нуан Сама. — Я принесла ему деталь нашего корабля.

— Ты принесла мне дезинтегратор внешности, — сказал Хардвир. — Мы дублировали его, и ты унесла оба обратно.

— Это его слово против моего, — запротестовала Нуан Сама.

— Помимо отрокаров, было всего три человека, которые знали, что Ханум пригласила меня на чай, — продолжила я. — Я, Ее Милость, которую я позвала с собой сразу же после приглашения, и ты.

— Уважаемая хранительница не могла знать, что я была единственной, — сказала Нуан Сама. — В конце концов, уважаемая хранительница даже не смогла сказать, что её чай был отравлен.

Мило.

— Когда ты добавила яд в чайник, то почувствовала легкий порыв ветра. Тебе не было интересно, откуда он мог взяться?

Нуан Сама покачала пушистой головой, многочисленные серебряные колечки в ее ушах тихонько зазвенели.

— Меня там не было.

— Это дуновение ветра было краской, — продолжила я. — Гостиница тебя пометила. Может, стоит взглянуть, запятнан ли твой мех?

Лампа проросла из потолка. Она не стала ждать свет. Нуан Сама прыгнула вверх, переворачиваясь в воздухе и пытаясь пробраться сквозь толпу своих соплеменников. Пушистое размазанное пятно метнулось к ней. Они столкнулись в воздухе, приземлившись обратно в круг родичей, и дядя стоял рядом с ней.

Протянулись лапы, когда родственники кинулись ее удерживать.

— Ты взяла контракт, не одобренный семьей? — голос Нуан Сее был мрачен.

— Да, — огрызнулась она.

— Почему?

— Почему? — голос Нуан Самы поднялся и задрожал. — Почему? Ты хочешь, чтобы я объяснила почему? Я уже четыре года совершеннолетняя. Я хочу свою свободу. Я хочу свои деньги, деньги, которые по праву причитаются на мое совершеннолетие, деньги, которые ты и все остальные у меня украли. Ты заманил меня в ловушку и заставляешь работать, словно я какая-то жалкая ученица. Разве ты не видишь, что душишь меня? Я не могу даже дышать одним воздухом с тобой. Это яд для меня, дядя.

Пол под ногами Нуан Самы стал жидким. Она начал тонуть. Лисы лихорадочно пытались ее вытащить. Паника сломала то небольшое самообладание, которое оставалось у Нуан Самы.

— Дядя! — закричала она.

Нуан Сее повернулся ко мне.

— Нет!

— Она принадлежит мне, — произнесла я, использовав магию, чтобы сделать голос жутким.

Нуан Сама погрузилась по колени. Она кричала и всхлипывала, издавая резкие лисьи звуки, пока ее семья отчаянно пыталась ее освободить.

— Она будет наказана! — воскликнул Нуан Сее.

— Я знаю, — сказала я. — Это не будет легко или быстро.

— Услуга Торговцев стоит больше, чем жизнь какой-то неумелой убийцы. — Прошептала рядом со мной Калденция. — Полагаю, у тебя есть план, дорогая?

— Да.

Нуан Сее повернулся к Шону. Туран Адин покачал головой. Ага. Не выйдет. По данным Уилмоса, ничего в договоре Шона не обязывало его служить телохранителем богатых избалованных девчонок-убийц.

Пол достиг бедер Нуан Самы. В ее голосе заскользило отчаяние.

— Помоги мне, дядя! Помоги!

Нуан Сее повернулся ко мне.

— Да. Чего бы вы ни захотели, согласен.

Я щелкнула пальцами. Пол затвердел, поймав лису в ловушку. Мне требовался

наглядный пример на тот случай, если Нуан Сее задумывал меня перехитрить.

— Что это? — Ханум сощурила глаза.

Я услышала жужжащий звук перезарядки кровавых орудий. Вампиры готовились к бою.

— Святая Анократия, Орда и Торговцы. Вы все ответственны за пролитие крови в этих стенах. Вы все передо мной в долгу. Я требую его вернуть. Настало время свести счеты.

— Чего вы хотите? — спросила леди Исур.

— Ваши воспоминания.

Я прикоснулась посохом к бутону. Ворсистые зеленые чашелистики отогнулись. Нежные полупрозрачные лепестки развернулись, они были тонкими как паутинка и сияли зеленоватым у основания, потом становились прозрачными, а на кончиках приобретали пурпурный цвет. Длинные, похожие на хлысты тычинки, окруженные мягким голубым свечением, вытянулись, извиваясь из цветка, а внутри в венчике лепестков поблескивал псибустер.

— Вы хотите забрать наши воспоминания? — спросил Дагоркун.

— Не забрать. Я хочу, чтобы вы поделились ими со мной.

— Вы не знаете, о чем просите, — прорычала Ханум.

— Я знаю.

И вы знаете, почему я этого прошу. Ваша причина стоит прямо рядом с вами.

Джордж шагнул вперед, расстегнул манжет на запястье и закатал рукав, обнажив мускулистую, покрытую шрамами руку.

— Вы не захотите этого, — произнес Робарт, его голос наполнился непередаваемой печалью. — Вы не захотите пережить мои воспоминания, хранительница.

— Нет, я хочу. Такова моя цена. Ваша честь обязывает заплатить ее. Если откажитесь, будут последствия.

Я понятия не имела, какими бы были эти последствия, но звучало впечатляюще.

Джордж закатил второй рукав.

— Очень хорошо. — Лицо Ханум было ужасным. Она шагнула вперед.

Я покачала головой.

— Нет. Он. — Я указала посохом на шамана.

Брови Руги сошлись вместе. Он прошел вперед и остановился передо мной, худощавый и жилистый с амулетами и тотемами, свисающими с пояса его килта. Одалон растолкал вампиров, и остановился рядом с Ругой, одет в малиновое боевое облачение.

Я посмотрела на Торговцев. Нуан Сее пошел вперед.

Бабушка тихо пискнула. Он замер на середине шага. Бабушка повернулась в паланкине. Лисы-носильщики опустили его на пол. Она встала и вышла из паланкина.

Клан Нуан вздохнул как один.

Старая лиса прошла по полу и встала рядом с Одалоном. Передо мной были духовные лидеры каждой фракции.

— Образуйте колонну позади своей фракции, — сказала я. — Лидеры в самом конце.

Бальный зал забурлил, когда вампиры, отрокары и клан Нуан стали образовывать колонны позади своих духовных лидеров.

— Протяните руки тем, кто стоит впереди и позади. Кожа к коже.

Металл заскользил, когда начали сниматься высокотехнологичные перчатки. Они неохотно подчинились.

Я посмотрела назад, где стояли Ханум, Арланди Нуан Сее, каждый в конце своей

колонны.

— Завершите круг.

Мышцы на челюсти Ханум застыли, когда она стиснула зубы. Лицо Арланда было словно высечено из камня. Перчатки соскользнули с его рук. Он протянул их, одну Ханум, другую — Торговцам. Ханум стиснула его пальцы. Выражение ее лица было ужасающим. С другой стороны Нуан Сее взял Арланда за руку. Робарт, следующий в ряду за Арландом, повернулся и обхватил левой рукой предплечье Арланда, сжав пальцы на его запястье.

— Прости, дружище, — произнес он.

Арланд приготовился. Они думали, что знают, что их ожидает. Они и понятия не имели. Джордж поднял руки.

Я потянулась магией. Светящиеся тычинки вытянулись и обмотались вокруг его рук. Мускул на его лице дрогнул. Он должен был немедленно почувствовать боль. Когда бустер начнет поглощать его магический резерв, агония станет непереносимой. Я посмотрела на Софи. Она кивнула. Мы заключили сделку, и я рассчитывала, что она сделает то, о чем мы договорились.

Я воткнула посох в пол. Он раскрылся, развернувшись тремя длинными, гибкими, металлическими ветвями. Ветви метнулись к трем существам, стоящим передо мной и защелкнулись на их свободных руках.

Будет больно. Будет ужасно больно.

Я посмотрела вверх столпившихся вокруг меня людей туда, где в одиночестве стоял Туран Адин. Он подошел ко мне и сжал плечо когтистой рукой. Мы стояли все вместе, объединенные живой цепочкой.

— Не отпускайте, — сказала я, обращаясь ко всем. — Если отпустите, можете не выжить.

Я сунула руку в цветок и прижала ладонь к пси-бустеру. Повинуясь моей команде, гостиница выпустила корешок и закрепила мою руку.

Магия гостиницы нарастала за цветком и промчалась по мне, словно порыв необычайно сильного и болезненного ветра. Она пронеслась дальше по цепочке, выплеснулась на лидеров и рассеялась.

И все? Не так уж плохо, но ничего не произошло...

Я чувствовала, что магия за цветком нарастает, словно цунами, поднимаясь все выше и выше. Прежде чем я смогла подготовиться, она взмыла и обрушилась на меня.

Боль взорвалась внутри меня, извергнувшись звездопадом раскаленных игл. Я попыталась перевести дух, но на меня обрушился каскад воспоминаний. Робарт кричащий во всю глотку, кричащий и кричащий, глядя на то, как на поле боя отрокарский топор вонзается в женщину, которую он любил.

Я увидела, как ее рука отлетает от тела, увидела на ее месте окровавленную культю, и в то же время я видела ее целующей Робарта в саду, ее глаза светились любовью. Я почувствовала это. Я почувствовала ее любовь; я почувствовала, как сильно она была предана. Она сделала бы ради меня что угодно. Я сделала бы что угодно ради нее. В тяжелейшие для меня времена, она была рядом. Она бы... Они рассекали ее на части, и их было слишком много между нами, и я секла и рубила, но она была слишком далеко. Она звала меня. Звала меня на помощь, а я не смогла ничего сделать. Ее лицо...

О звезды, ее лицо... Пожалуйста, пожалуйста, Богиня, я сделаю все. Что угодно. Забери меня. Возьми меня вместо нее. Забери меня, ты, чертова стерва! Топор впивается в ее шею, и

я кричу. Я кричу, потому что боль прожигает меня изнутри, и если я ее не выпущу, она разорвет меня на части.

Воспоминания продолжали вонзаться в меня, словно гвозди в крышку гроба. Нуан Сее плачет над маленьким пушистым телом лисенка на руках, согбенный и сломленный горем. Шон один в своей комнате, видения крови и смерти... Одалон, утешающий умирающих; Руга, идущий по импровизированному моргу, закрывая рукой рот; Бабушка Нуан плачет... Мы кричали. Мы плакали и стонали в один голос, сраженные болью и утратой.

Другое воспоминание поразило меня, будто пуля в сердце. Маленький отрокарский мальчик пытается ходить, неуверенно качаясь на ножках, балансируя, с серьезным выражением на маленьком личике. Позади него взрослый отрокар опускается на колени. Мальчик, мой мальчик, шагает ко мне. Большие круглые глаза. Вот так. О! Он садится на попку. Давай вставай. Вот так, молодец, мой мальчик. Ты вырастешь большим и сильным.

Ты вырастешь. Маленький мальчик превратился в худощавого подростка с такими же круглыми глазами, полными смеха. Он проносится через двор, запрыгивает на спину рукара и пускается на нем галопом. А ну, вернись! Прибери у себя в комнате! Его отец смеется в углу. Ты так и собираешься его отпустить? Маленький мальчик превращается снова — и вот он, мой сын, сильные широкие плечи, гордое лицо, и все те же глаза — эти огромные зеленые глаза, с любопытством глядящие на мир и видящие только обещание приключений. Он одет в кожаные одежды нашего народа, и он оглядывается на меня через плечо. Не уходи. Снимай свою броню и возвращайся. Возвращайся ко мне, мое сокровище, мой сынок, мой малыш. Он исчез, стертый из жизни. Его больше нет, словно всех этих лет и не было. На моих коленях лежит перчатка. Окровавленная перчатка. Это все что мне осталось от моего сына.

Воспоминания шли одни за другими. Возлюбленные, братья, сестры, дети, родители — я теряла их снова и снова, я оплакивала их, и моя неутрачиваемая скорбь терзала меня изнутри. Водопад воспоминаний затопил мою душу, разрывая ее на части.

Я не могу. Слишком много. Слишком много боли. Я не могу.

Как кто-то может с этим жить? Как это вообще можно пережить?

Я не могу!

Остановите это. Остановите это, пожалуйста.

Пожалуйста. Умоляю вас.

Остановите!

Магия исчезла. Единственное изображение загорелось передо мной: поле трупов под кровавым небом, потом и оно растворилось.

Гостиница освободила мою руку, и я рухнула на пол. Джордж задыхался рядом со мной. Его глаза и нос кровоточили. Рядом с ним с мечом в руках стояла Софи, отрубленные тычинки таяли на полу. Мы договорились, когда Джордж дойдет до предела, она прекратит все это.

Повсюду вокруг меня люди корчились на полу. Одни плакали, другие закрывали лица руками. Огромный отрокар качался взад-вперед.

Я облизала пересохшие губы. Мой голос хрипел.

— Прекратите.

С противоположного конца зала на меня измученными глазами смотрела Ханум.

— Вы можете это остановить. Можете сделать это сегодня же. Сейчас же. Больше не надо. Пожалуйста, больше не надо.

Я стояла на заднем крыльце и с улыбкой наблюдала, как длинная процессия отрокаров отбывает в ночь. Следом отправятся Торговцы и Святая Анократия. Еще полчаса, и гостиница опустеет.

Трем фракциям потребовалось меньше часа, чтобы выработать мирное соглашение. Нексус был разделен по существующей границе, и Орда, и Святая Анократия выделили часть территории для создания демилитаризованной зоны разграничения на ничейной земле, это должно было держать их отдельно, и, надеюсь, минимизировать инциденты. Территория клана Нуан была расширена за счет отрокаров и вампиров. Взамен клан Нуан снизил цену экспорта и импорта на шестьдесят процентов. Соглашения были подписаны, оплеваны, и отмечены кровью. Все пошли на болезненные уступки. Все собирались получить большие преимущества. Всем потребуется чертовски много времени, чтобы сделать этот договор приемлемым дома, но, по крайней мере, все присутствующие были одинаково удовлетворены сделкой.

Теперь они уезжали. Такова доля хранителей. Гости приходят. Гости уходят. Я остаюсь.

Отрокары двигались быстро. Я не могла их винить. Все пережили психическую травму во время объединения, но, по крайней мере, никто не сошел с ума. Софи прервала связь как раз вовремя. Я даже думать не хотела, что могло бы произойти, если бы она позволила этому продлиться минуту или две. Меня и так много недель будут мучить кошмары. Джордж стоял слева от меня, бледный, как полотно, и его брат и Гастон стояли неподалеку. Он дважды почти упал, и они были готовы его подхватить. Я предложила ему стул, но он отказался.

Ханум и Дагоркун были последними в ряду. Они остановились передо мной.

— Ваши родители, — тихо сказал Дагоркун. — Мы видели ваши воспоминания.

О нет. Я надеялась, что этого не произойдет. Я поручила гостинице выискивать самый травматичный опыт, связанный с Нексусом. Единственное воспоминание, связанное с этой планетой, появилось, когда мы с братом Клаусом приземлились там спустя шесть месяцев после исчезновения наших родителей. Мы металась по галактике, пытаюсь найти их, и боль от их исчезновения была еще очень свежей. Я не могла перестать думать об этом во время связи, но что сделано, то сделано, теперь каждый гость, который был связан с Гертрудой Хант, заглянул в потаенный уголок моей души.

Что ж, я сделала это с ними. Так будет только справедливо.

— Мы будем держать глаза и уши открытыми, — пообещал Дагоркун.

— Спасибо, — сказала я.

Ханум посмотрела на меня, подошла и сжала в медвежьих объятиях. Мои кости захрустели. Она выпустила меня, и они ушли через сад к сияющему тоннелю, ведущему в далекую страну.

Торговцы последовали за ними, включая Нуан Саму, которая была обернута в некое подобие космической смирительной рубашки. Я отдала ее обратно Нуан Сее. Торговцы сами разберутся с ее преступлением. У меня было ощущение, что взятие контракта, не одобренного семьей, будет стоить ей гораздо больше любых пыток, которые я смогу ей устроить.

Клан Нуан уходил один за другим, направляясь в сторону корабля на поле. Куки прошел мимо меня, улыбнулся и показал большой зеленый камень, зажатый в лапе. Значит, изумруд был возвращен. Клану Нуан придется найти какой-нибудь другой способ обманывать свою молодежь. Я не сомневалась, что они что-нибудь придумают.

Бабушка проследовала мимо в своем паланкине, поприветствовав меня кивком. Нуан Сее также кивнул мне, и я кивнула в ответ. В следующий раз, когда мне понадобится отыскать торговца в Баха-чар, мне придется усиленно торговаться, но с некоторыми вещами ничего не поделаешь. Может, мне придется покупать что-нибудь у его конкурентов. Случались и более странные вещи.

Святая Анократия были последними. Они проходили мимо меня, огромные в своей броне. Леди Исур и лорд Робарт шли вместе, бок о бок. Когда они проходили мимо меня, леди Исур нежно коснулась рукой предплечья Робарта. Он посмотрел на нее и накрыл ее руку своей. Может быть, в будущем у них что-нибудь получится. Кто знает?

Арланд был последним. Он задержался около меня.

— Ну, вот опять, — произнес он. — Я уйду.

— А я остаюсь.

— Леди Дина...

— Ваши люди вас ждут, лорд Арланд.

Он улыбнулся, обнажая клыки.

— Тогда до следующей встречи.

— До следующей встречи.

— У него чувства к вам, — мягко заметила Софи.

— Ему нравится мой образ, — ответила я. — На практике мы оба знаем, что из этого ничего не выйдет.

Я повернулась к Джорджу.

— Теперь наш черед, — сказал он.

— Да. Поздравляю вас с первым успешным арбитражем.

— Без вас ничего бы не вышло, — ответил он.

— Вы правы. Не вышло бы.

Джордж одарил меня улыбкой. Устоять перед ней было почти невозможно, но теперь у меня был иммунитет.

— Полагаю, отныне вход в гостиницу мне заказан.

— Ну, вы сломали мои яблони, умышленно подвергли эмоциональным переживаниям меня и моих гостей, заставили меня провести опасный магический ритуал, который мог стоить мне рассудка. К сожалению, как бы я ни хотела запретить вам появляться в моей гостинице, Арбитражное управление — ценный союзник. Поэтому Гертруда Хант пригласит вас снова, когда вам это понадобится. За тройную стоимость и при подписанном нерушимом контракте, прежде чем я позволю вам хотя бы ногу поставить на землю гостиницы.

Джордж рассмеялся.

— Очень хорошо. Наш счет оплачен.

Я уже проверила свой счет час назад. На нем красовался прекрасный новый баланс, дополненный бонусом в сто тысяч долларов, помеченным «за яблони». Оплата была произведена через сложную систему хранителей гостиниц. Она выдержит любую проверку, пока все мои налоги поданы должным образом.

— Как сказал маршал дома Крар, до следующей встречи, — произнес Джордж.

Да. Надеюсь, не слишком скоро.

Набалдашник его трости вспыхнул ярким светом, и люди Арбитра исчезли.

Я опустилась на садовое кресло и вздохнула. Гостиница выпустила светильники в форме виноградных гроздей из-под крыши над крыльцом, они залили пространство мягким светом. Наконец-то. Все ушли.

Дверь распахнулась на крыльце появилась Калденция. Ее милость была одета в светло-зеленое платье, похожее на кимоно. Она села на кресло рядом со мной. Орро последовал за ней и навис надо мной семифутовой колючей тенью.

Да. Верно. Он тоже должен уехать. Без него кухня будет такой тихой и пустой. Но я никак не могла позволить себе его оставить.

— Я действительно считаю, что ты позволила Арбитру отделаться слишком легко, — сказала Калденция.

Я улыбнулась.

Ее Милость подняла брови.

— Я ввела его имя в базу данных Проблемных Гостей, вместе с описанием происшествия с яблонями. В следующий раз, когда он попытается найти гостиницу на земле, ему придется изрядно попотеть. На самом деле, я совершенно уверена, что ему придется вернуться сюда. Иногда просто страх как высоко можно поднять цену за комнату, когда ты единственная Хранительница, готовая принять гостя.

Калденция ухмыльнулась.

Я с улыбкой повернулась к Орро.

— Огромное спасибо за твою помощь, Орро. Без тебя я бы не справилась. Ты совершил невозможное.

Не говоря ни слова, он продолжил стоять рядом со мной.

Я подняла руку. Кирпичная стена гостиницы разошлась, и маленькая карта данных упала мне на ладонь. Я передала ее острошипу.

— Здесь твоя оплата и кое-какие рекомендации. Здесь не много, но это меньшее, что я могу для тебя сделать.

— Ну же, дорогой. — Калденция взглянула на Орро. — Она получила свидетельства от Ханум из Орды, трех домов Святой Анократии, клана Нуан и меня. Этих рекомендаций достаточно, чтобы возродить твою карьеру.

Орро переместился. Его рука метнулась размытым пятном. На столе передо мной оказался маленький кексик, украшенный завитком ярко-желтого крема и крошечным цветком из помадки. Тонкий аромат манго наполнил воздух.

— Для меня?

Он кивнул.

— Спасибо.

Он издал кряхтящий звук и снова двинулся. Я посмотрела на рекламку из продуктового магазина, развернутую на столе. Орро обвел кружочком скидки на клубнику и вишню.

— Мне понадобятся эти продукты. Не могу же я готовить завтрак из воздуха.

Я моргнула.

— И обед. Мне понадобится вот это. — Он перевернул страницу и указал на свиные отбивные.

— Орро, я не могу позволить себе тебя оставить. Ты повар — «Красный Тесак». У меня и гостей-то почти нет...

Его грудь раздулась, а иглы встали дыбом, делая его еще больше.

— Это гостиница. Гостинице необходим шеф-повар. Ты не можешь меня не оставить. У тебя даже гастрономического коагулятора нет!

— Орро...

— Если я уйду, ты просто угробишь эту кухню. — Он задрал подбородок. — Я все сказал.

Он развернулся, вошел в дом и хлопнул за собой дверью.

Я подняла отвисшую челюсть.

— Хвала звездам, — вздохнула Калденция. — Без обид, но мысль о возвращении к твоей стряпне вызывала у меня тревогу.

Я лизнула глазурь на своем кексике. Вкуснятина. Мммм, манго.

— Где твой оборотень? — вскинула брови Калденция.

Час назад Шон и Нуан Сее ушли в ночную темень. Я смотрела, как броня стекла с Шона Эванса и его тело уменьшилось до человеческой формы. Он глубоко вздохнул, посмотрел на луну, передал броню Торговцу и ушел прочь.

— Он придет, — ответила я и снова лизнула кексик, наслаждаясь его вкусом. — Я в этом уверена.

— То, что он видел. Через что прошел. Мне приходилось иметь дело с мужчинами травмированными войной. Это трудная задача. Ты понимаешь, что это будет очень сложно?

— Я знаю, — вздохнула я.

— Очень хорошо. — Ее Милость откинулась назад. — По крайней мере, на это будет интересно посмотреть. Здесь надо что-то делать для развлечения.

Я засмеялась и съела кексик.

Открытый «Каталог хранителей гостиниц» лежал на моих коленях, это была простенькая книжка, выпущенная Ассоциацией хранителей. Ничего особенного, кроме того, что он перечислял все гостиницы на планете. Он выходил ежемесячно. К настоящему моменту новости о катастрофе в Гертруде Хант должны были распространиться. Гости умерли на территории моей гостиницы. Я приготовилась. Я потеряю, по крайней мере, половину звезды. Возможно больше. Имея гостиницу в две с половиной звезды, любое понижение рейтинга может стать смертным приговором.

Это был вечер четверга. Небо за моим окном потемнело.

Я провела последние три дня, отсыпаясь, отъедаясь и снова отсыпаясь. Кошмары приходили и уходили, угасающими следами воспоминаний о Нексусе, но я с ними смирилась. Я знала, почему они мучили меня, и не изводилась вопросом, что они значили, это все упрощало. Мне просто нужно их переждать, как боль от заживающей раны.

Я боялась выхода «Каталога». И вот он передо мной. Я ничего не могу изменить.

Я задержала дыхание и пролистала до раздела «Новости и изменения». Название Гертруды Хант было выделено жирным шрифтом, означающим изменения. Две с половиной звезды.

Что?

Возможно, они не знали. Нет, они должны были узнать. Невозможно скрыть что-то настолько значимое, как мирные переговоры между Анократией и Ордой.

Я просмотрела небольшую сноску под статьей.

«Арбитражное управление благодарит Гертруду Хант за гостеприимство и неизменную поддержку в неординарных обстоятельствах. Мы с нетерпением ждем следующего визита».

У меня на лбу выступил холодный пот. Поддержка. Это поддержка от Арбитражного управления. Управления, которое никого не поддерживает. Это словно получить благодарность от Британской королевской семьи. При обычных обстоятельствах мой рейтинг подскочил бы до целой звезды, но он остался прежним.

Я поняла, что они знали. Ассамблея Хранителей знала, что я облажалась, но публичная благодарность от Арбитражного Управления имела такой вес, что они предпочли проигнорировать это.

Джордж спас мой рейтинг.

Я вспомнила, что нужно дышать.

«Победа», — пронеслось у меня в голове. Гертруда Хант получила импульс от гостей, наш банковский счет пополнился благодаря Арбитражному Управлению, и мы сохранили свой рейтинг. Я заулыбалась.

Я победила.

Гостиница зазвенела, предупреждая о госте.

Я потянулась магией. Пришедший казался знакомым.

Все еще безмянный кот и Чудовище посмотрели на меня. Я сделала большие глаза в ответ. Ну, как насчет этого?

Раздался стук. Я встала и открыла дверь.

На моем крыльце стоял Шон Эванс. Он был одет в джинсы, кроссовки для бега и простую серую футболку. Шрамы все также пересекали его лицо, глаза все еще были полны

воспоминаний, я поискала в них безнадежность, которую видела раньше, и не нашла ее.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

— Сегодня ночь 80-х в кинотеатре «Симс», — сказал он.

«Симс» был нашим местным кинотеатром-рестораном. Там были столики, и после того, как вы делали заказ, быстрая и почти незаметная команда официантов приносила еду, пока вы смотрели фильм.

— Что показывают? — спросила я, старая говорить легкомысленно.

— «Большой переполох в маленьком Китае».

Я улыбнулась.

— У меня два билета, — сказал он. — Хочешь сходить?

— Хочу. — Я взяла свою сумку со столика и вышла. — Думаю, я честно заслужила выходной.

— Повезло мне.

Позади меня запиралась гостиница. Пару часов все будет в порядке.

Мы шли по длинной подъездной дорожке к припаркованному на улице Рендж Роверу. Мне это нравилось. Нравилось идти с ним рядом.

— Так что ты сказал соседям по поводу своего отсутствия? — спросила я.

— Я сказал им правду. Что устроился на работу в отдаленном месте, чтобы заработать денег и расширить кругозор.

Мы подошли к машине. Шон посмотрел на боковую улицу и выругался.

Ночную тишину разорвал непродолжительный вой сирен, патрульная машина офицера Мараиса выехала с боковой улицы и остановилась рядом с нами, обращенная в противоположном направлении.

О нет.

— Какие-то проблемы, офицер? — спросил Шон.

— Нам нужно успеть в кино, — добавила я.

Офицер Мараис опустил стекло.

— У меня был пятидневный учебный курс в Хьюстоне на прошлой неделе. Я не люблю оставлять семью ночевать одних, поэтому, вместо того, чтобы брать их с собой, я каждый день ездил в Хьюстон и обратно.

— Это долгий путь, — сказал Шон. Его голос был обманчиво спокойным. Мы были вне территории гостиницы. Если он бросится и выдернет Мараиса из патрульной машины, я мало что смогу сделать, чтобы его остановить.

— Двести семьдесят миль каждый день, — сказал офицер Мараис. — Плюс все разъезды по Хьюстону. Я намотал тысячу четыреста миль на одометре.

— Все это очень мило, — сказала я.

— Я заправился в понедельник, перед отъездом в Хьюстон.

Ага.

— У меня все еще четверть бака.

Вот блин.

— Здорово, что «Додж Чарджер» в наши дни экономично расходует горючее, — сказал Шон с невозмутимым лицом.

Черт тебя побери, Хардвир.

— Разумеется. Это еще не конец. — Офицер Мараис натянуто улыбнулся. —

Наслаждайтесь фильмом.

Патрульная машина объехала нас и исчезла в ночи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

